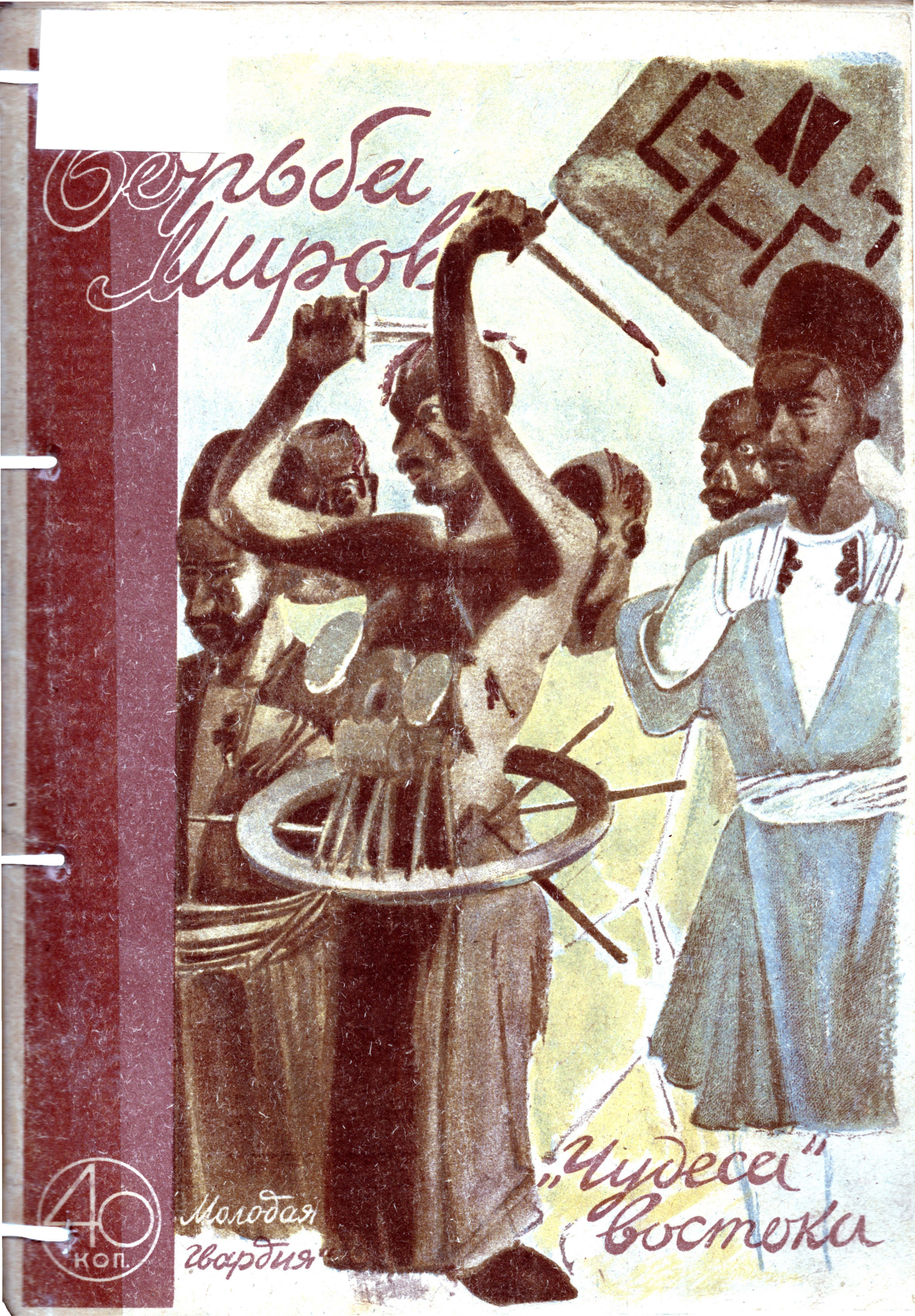

Борьба
Миров
40 коп.
Молодая
гвардия
„Чудеса"
востока

НЕАККУРАТНОЕ

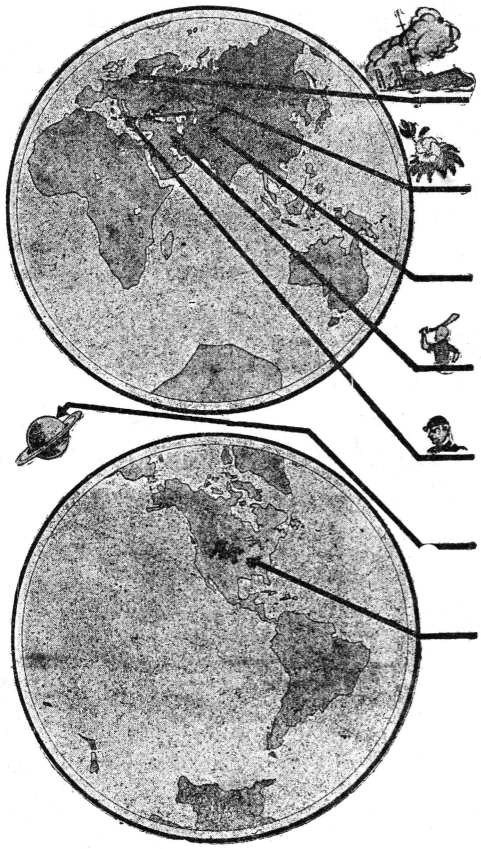
ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОДПИСКИ ПРИВОДИТ К ПЕРЕБОЯМ В ПОЛУЧЕНИИ ВЫПИСЫВАЕМОГО ВАМИ ЖУРНАЛА.

ПОЭТОМУ: НЕ ЗАБУДЬТЕ ВОЗОБНОВИТЬ К 1 ИЮЛЯ ПОДПИСКУ НА II ПОЛУГОДИЕ НА МОЛОДЕЖНЫЕ ЖУРНАЛЫ ИЗД-ВА ЦК и МК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛОВ	Количество №№ за 6 мес. (с 1/VII по 1/I—31 г.)	Подписная плата на II полугод. (с 1/VII по 1/I—31 г.) РУБ.	КОП.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ	12	6	—
СМЕНА	18	1	60
СМЕНА с прилож. 6 ежемесячн. сборников «Борьба Миров» (I аб.)	—	3	70
СМЕНА с прилож. 18 книжек «Библиотечки «Смены» (II абон.)	—	2	80
СМЕНА с обоими приложениями (III абон.)	—	4	90
НА СУШЕ и НА МОРЕ	12	1	60
НА СУШЕ и НА МОРЕ с прилож. 6 книжек «Библиотечки Туриста»	—	2	20
ЗНАНИЕ—СИЛА	6	1	30

НЕМЕДЛЕННО ВОЗОБНОВИ ПОДПИСКУ.

ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ НАПРАВЛЯЙ: Москва, Б. Черкасский, 6, Изд-во ЦК и МК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», во все отделения Изд-ва, либо сдай в любое почтовое отдел., любому письмоносцу.



СОДЕРЖАНИЕ ИЮЛЬСКОЙ КНИЖКИ:

МОКРЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК — из романа *Т. Пливиера*, стр 34.

СЕМЯ ШАЙТАНА—рассказ *А. Темира*, стр. 23.

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА МИНАЕВА — ненаучно-фантастическая повесть, стр. 41.

ЧУДЕСА ВОСТОКА — рассказ *Аэла*, стр. 2.

ПОДЗЕМНЫЙ ГУЛ — рассказ *А. Каротти*, стр. 47.

СЛЕДУЮЩИЙ МИР—роман *Э. Зеликовича*, (окончание) стр. 66.

ПРОГУЛКА ПО САДАМ БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ—фельетон *М. Левидова*, стр 52.

КРАСНЫЙ ФРОНТ НЕ ЗАПРЕТИЩЬ — очерк *М. Гельца*, стр. 18.

ЛУ-ЛАН, МЕРТВЫЙ ГОРОД—*Свен-Гендин*, стр 79.

Ответств ред. С. КЭМРАД.

Главлит № А 72116. Тир. 65000.

Тип. «Изв. ЦИК»

ЕЖЕМЕСЯЧНИК РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, ПУТЕШЕСТВИЙ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ИЗОБРЕТЕНИЙ, ПРОПАГАНДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

Приложение к журналу „СМЕНА"

Адрес редакции: Москва Центр, Новая пл., 6, изд-во „Молодая Гвардия", телефон 2-35-26.

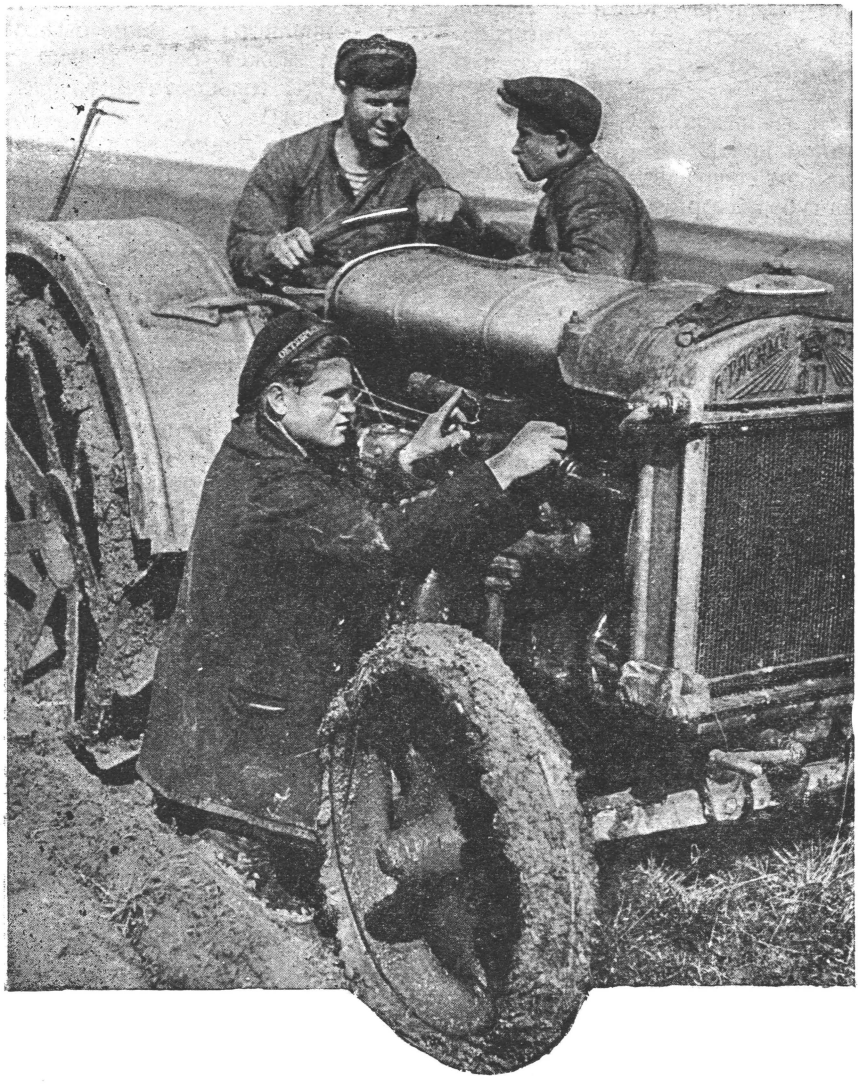
Условия подписки: „Борьба Миров" вместе с 10-дневным журналом „Смена": на год — 7 руб.; на 6 мес. — 3 р. 70 к.; 3 мес. — 1 р. 95 к.

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Борьба Миров

ИЮЛЬ 1930

№ 7



Балтфлотцы в подшефном колхозе «Кудрово» налаживают трактор

ЧУДЕСА ВОСТ

Налог на плевки

— За вход к губернатору с нас взяли по десять шай с человека.

— Кто же получал деньги?

— Фарраш [1]. Без денег не хотели пускать во двор. Прождали часа три, вышел какой-то чиновник, выслушал нас и велел итти обратно в деревню. Сказал, что если будем ждать в городе, то нам будут неприятности. Теперь одна надежда на адвоката Мурад-Мирзу, который обещал помочь нам и довести дело до Тегерана. Посмотрим, может быть и вернут нам деньги за плевок и за зимний виноград...

— Деньги за плевок? Первый раз слышу про такой налог.

— Сорок два года назад в нашей провинции был губернатор, некий Дарази. Однажды он приехал разбирать спор помещика с крестьянами в селение Захметабад и расположился под деревом в саду. Какой-то крестьянин в присутствии губернатора плюнул на землю. Дарази вскипятился от такой неучтивости и наложил на село штраф в пятьдесят туман [2]. А потом «деньги за плевок» в Захметабаде стали собирать каждый год, как налог, подобно «виноградным деньгам» в Райятабаде... Там тоже много лет назад один губернатор зачем-то приехал в Райятабад. Дело было зимой, а губернатору захотелось винограду. Приказал достать. Конечно, жители не нашли, и село было оштрафовано. С тех пор виноградные деньги взыскивают с райятабадцев каждый год.

— Мурад-Мирза—помещик, а вы—крестьяне. Что же, вы думаете, помещик будет стараться за крестьян и итти против других помещиков?

— Но мы слышали, что Мурад-Мирза—друг народа, социалист. Кяльбали! Ты старый часовщик и опытный человек, которого уважают все здешние рабочие. Об'ясни нам, почему нам не может помочь социалист?

— Потому, что наши социалисты—все помещики: и адвокат Мурад-Мирза, и новый начальник просвещения Мирза-Хан, и городской голова Ага-Бозорг. А разве помещик может быть социалистом? Помещик всегда будет поддерживать правительство, тоже состоящее из помещиков. Помещик против другого помещика из-за крестьянина не пойдет. Нет, друзья, социалисты не такие бывают! Социалистом может быть только трудовой человек. И только тот, кто следует учению Ленина!

— О, про Ленина мы слыхали!

— Вот посмотрите его портрет.

Старый часовщик снял со стены вырезанный из какой-то персидской газеты портрет Ильича, наклеенный на картон и вделанный в рамку. Портрет стал переходить из рук в руки. Толстые, черные, в сплошных мозолях пальцы осторожно протирали засиженное мухами стекло.

— А скажи, Кяльбали, почему у такого великого человека и такая маленькая, реденькая бородка? Ведь у больших людей должна быть большая, густая борода?

Часовщик Кяльбали поднял очки на лоб, откинулся на спинку разбитого стула и мечтательно начал говорить.

— Я думаю так, что покойный Ленин был слишком милый человек, который жалел всех обездоленных людьми и природой... Конечно, ему было жалко несчастных, у которых не растет хорошая борода. И вот, чтобы таким людям не было стыдно от других, Ленин сам стал носить маленькую бородку. С тех пор люди с реденькими бородами больше не горюют и не стыдятся.

Кяльбали задумался и рассеянно простился с уходившими крестьянами. Седая голова часовщика склонилась над маленьким рабочим столиком, где лежали разо-

---

[1] Фарраш — стражник.

[2] Туман равен приблизительно доллару, или двум рублям.

ОКА

Рассказ АЭЛА

Иллюстрации М. ГЕТМАНСКОГО

Мы мало знаем о таких странах Ближнего Востока, как Персия. Между тем и здесь усиливается сейчас рабочее движение. Угнетение батрака, рабочего и мелкого ремесленника здесь доведено до предела. «Лишь через полгода каменщик сумел заработать сыну новую рубашку»—в этой фразе вся «экономика» рабочего класса Ближнего Востока. Но западный ветер приносит новые слова, новые понятия, новые идеи. Против них ополчаются угнетатели; в союзе с духовенством стремятся они удержать массы от опасных мыслей. Но не всегда религиозные изуверы сумеют отвлекать массы от классовой борьбы; если извержение еще не началось, это не значит, что вулкан заснул навеки. Не в одной только лавчонке часовщика висит сейчас портрет Ленина.

И прав Аэл, заканчивая свой рассказ словами:

— Вы думаете—все спокойно?

Портрет стал переходить из рук в руки

бранные часовые механизмы. Мысли часовщика ушли в прошлое.

Вспомнилась юность, когда пятилетний Кяльбали ходил на работу вместе с отцом и подавал ему на постройке кирпичи. Отец работал, все время распевая: «Кирпич дава-а-й! Глину подава-а-й! Еще кирпи-ич!» А однажды он перестал помогать отцу и не ходил с ним на работу несколько месяцев, так как шестилетняя сестренка, стиравшая им белье в городском подземном канале, упустила единственную рубашку Кяльбали. Рубашка скрылась под землей, а сестренку жестоко били и отец, и мать, и Кяльбали. Лишь через полгода каменщик сумел заработать сыну новую рубашку... Через три года сестренку выдали замуж за пекаря. После свадьбы она часто приходила домой и играла с уличными подругами и мальчишками, которым рассказывала, что муж с ней ни в какие игры не играет и только мучает. Ребята жалели маленькую девятилетнюю женщину и часто кидали в пекаря из-за угла камнями. Вспомнил Кяльбали свою молодость, когда он с перекрещенной патронташами грудью и винтовкой в руках, встав во

главе отряда, выгонял из города губернатора, в конец ограбившего измученное непосильными поборами население. Вспомнилась расправа шахских войск, явившихся с английским офицером. Кяльбали вместе с несколькими ковровыми ткачами и кузнецами пороли несколько дней под ряд на городской площади, водили по базару с тяжелой цепью на шее, потом даже привязывали к заряженной пушке. Затем Кяльбали выслали в жаркие места, где от соленой воды пальмы дают сахарные финики, где человек высыхает от нестерпимого солнца, плавящего мозги. Долго жил молодой Кяльбали в глубокой, сырой крепостной яме, валяясь в удушливых парах и давя камнями громадных черных скорпионов, падавших сверху в яму. Спасенный потом друзьями, Кяльбали бежал с караваном через пустыню, попал в большой город, где стал часовщиком, выучился грамоте и стал запоем читать, просиживая ночи за книгами, а днем за работой обдумывая прочитанное. Много прочел Кяльбали, но правды не нашел. Лишь много лет спустя, после новых восстаний, узнал Кяльбали правду. Пришла она с далекого севера вместе с именем Ленина, облетевшим Восток. Старый часовщик нашел то, чего искал всю жизнь. Теперь он спокоен. Он знает, что ему делать! Он собрал уже вокруг себя небольшой кружок друзей из рабочих и ремесленников, с которыми часто ведет беседы и радуется успехам.

— Селям алейкюм, Кяльбали!—приветствовал часовщика вошедший в мастерскую пожилой солдат, одетый в грязную засаленную гимнастерку.

— Алейкюм селям, дорогой друг!—ответил часовщик.—Что скажешь нового?

— Только что от военного следователя. Всему гарнизону осматривали руки.

— Что за следствие?

— Вчера ночью ограбили дом купца какие-то двое с военными винтовками. У одного была порезана рука. Вот сегодня и искали его. А зачем ищут? Все равно ничего не возьмут. У солдата на ладонях волос нет.

— Ты думаешь, что это дело солдат?

— Конечно. С голоду идут грабить. Прослужишь лет пять, от дела отобьешься, увольнения не дают, семья помирает от нужды, сам от побоев звереешь. Начальству хорошо. Ему с винтовкой грабить не приходится. Приказал—и дадут все, что нужно. Не дали—под арест. У начальства сила, власть, денег сколько хочешь. Позавчера хорошо всех в прокламации протащили.

— В какой прокламации?

— А ночью солдаты наклеили по всему базару прокламации. Написали всем—и унтерам, и офицерам, и полковнику Гаджи-Хану, и... Всем написали, выругали как следует и предупредили! Сорвали все прокламации. А наутро опять наклеили... Скажи-ка, Кяльбали, что это здесь за слепой появился? Уже который день вижу — против твоей мастерской сидит?

— Это Машалла. Пришел он из другого города. Говорят, был лавочником, заболел и ослеп.

— Почему же он сидит здесь, а не на главном базаре? Там народ богатый ходит, а здесь кто подаст? Самим всем впору просить — рабочие, ремесленники, беднота.

Солдат уселся в углу мастерской и стал набивать табаком толстую, длинную трубку, затем достал из кармана железное огниво, кусок кремня, клочок тряпки и стал высекать огонь.

В мастерскую вошло несколько оборванных босых крестьян, которые поздоровались с Кяльбали и стали громко рассказывать об адвокате Мурад-Мирзе.

— Называется «друг народа», «социалист»... А попросили мы похлопотать перед нашим помещиком о прибавке заработка, он ругаться стал, говорит, что мы, батраки, разоряем помещиков и через это без работы останемся. Земли, говорит, у вас нет, куда потом пойдете?

— Ах, друзья, уж год говорю я вам всем одно и то же—не ждите помощи ни от кого, кроме самих себя. Ведь вы давно сговорились! Чего же вы ждете? Идите к помещику, требуйте прибавки, не даст—бросайте работу. Терять вам нечего.

— Чего терять! Заработок весь с'ели, а работать еще полгода. За тонну рабо-

гай целый год... Треть тонны, пшеницу, продали на рубашки и штаны, шапки, платки и туфли себе и семье; другую треть, ячмень, стравили ослам, променяли на сушеный творог; а остальное, просо, сами с'ели. А чем дальше жить? Опять занимать у помещика, а в будущем году работать на него и ничего не получать, долги отрабатывать?

Лучше умереть, чем задаром работать.

— Мой последний совет вам: бросайте сейчас же работу, пока вместо тонны помещик не даст вам полторы.

— Верно! Правильно говорит Кяльбали! Так и сделаем. Нас триста батраков—бросим работу, как один! Спасибо за совет!

Крестьяне возбужденно заговорили. У дверей мастерской собрались соседи—черные литейщики бронзы, голые, потные кузнецы, зеленые портные. Здесь же в толпе вертелся слепой—усатый, плотный человек с изрытым оспой лицом, одетый в чистый черный халат.

— О, Али! О, святой Аббас! О, имам Гусейн! Вознаградите долгой жизнью благодетелей, которые жертвуют несчастному слепому медную монету. Благословите руку щедрого! О, имам Реза!

Слепой выкрикивал имена святых и призывал благословения на жертвователей, вертясь в собравшейся у мастерской толпе. Появилась группа сутулых ковровых ткачей с землистыми лицами и кривыми ногами. Ткачи протиснулись внутрь мастерской и стали сообщать Кяльбали новости.

— В ковровых мастерских забастовка!

— Требуем увеличения дневного заработка с двух до трех кран!

— В мастерских должны быть устроены окна! Довольно работать в темноте!

— Работать не четырнадцать, а только десять часов в день!

Мастерская часовщика кипела и волновалась. Крики, угрозы, слезы смешались в разговоре. Кяльбали подбадривал, давал советы ткачам.

Было душно и пыльно в этой части базара. Здесь галлереи низки и грязны, земля не поливается, мусор не убирается. Тесные крохотные каморки заняты ма-

Оглушителен грохот молотков, выбивающих котлы и тазы

стерскими. В рядах медников оглушительный грохот молотков, выбивающих из красной меди котлы, тазы, кувшины. Беспрерывными ударами бьют по раскаленному железу тяжелые кувалды кузнецов, по-шестеро стоящих вокруг наковальни и бьющих по очереди. Тщедушные восьмилетние мальчики качают тяжелые мехи, а лица их сквозь копоть и сажу зеленеют, как у мертвецов. Шипит расплавленная бронза в мастерских литейщиков, трещат швейные машины в темных помещениях портных, кисло пахнет сыромятной кожей у шорников. Загораживают улицы развешенные для просушки мотки окрашенной шерсти, плетенки с углями, груженые ослики.

В этой части базара варится в поту голодная трудовая беднота персидского города. По ночам, когда спит напоенный пряными запахами чистый торговый базар, когда отдыхает весь город, в рабочей части базара светятся огоньки, трещат швейные машинки, стучат молотки, все так же пахнет потом, мусором, отбросами, все так же пыльно, жарко и голодно...

„Социалисты"

Меж змеиными жалами
Мне спокойнее спать,
Без одежд лучше в улье
Мне у пчел отдыхать,
Со слепыми глазами
Меж горами бродить
И с босыми ногами
По огню мне ходить,
Заболеть лучше тяжко
И валяться в бессилье,
Мне все это — лучше,
Чем видеть насилье.

— Прекрасно, прекрасно, уважаемый Мирза-Хан!..

— Очень хорошо! Наш начальник просвещения—краса поэтов!

— Стихотворение—вполне достойное социалиста!

Приветствия, поздравления, одобрительные крики раздались в зале городского головы Ага-Бозорга, у которого сегодня собрался комитет социалистов. Начпрос Мирза-Хан только что прочитал свое стихотворение, вызвавшее такой восторг слушателей. Все вынули записные книжки и стали записывать стихи, звучавшие по-персидски музыкально и красиво.

— Я написал это стихотворение вчера. Здесь, в вашем провинциальном городе, мне столько пришлось увидеть кошмарных насилий, что душа поэта не выдержала, насилия я не переношу. А у вас, господа, куда не взглянешь, всюду вымогательства, произвол, притеснение...

— Наш дорогой Мирза-Хан первый раз в провинции, — произнес одетый в черный сюртук красивый брюнет, адвокат Мурат-Мирза.—К сожалению, такое положение не только у нас в провинции, но всюду в стране. Никто не может быть спокоен за свою собственность. Каждую минуту любой сатрап может отнять у вас имение, дом, землю, воду, деньги. Взятки задушили купцов и помещиков. Капиталы в оборот не пускаются—предприниматель боится их выявить, так как сейчас же соблазнится власть. Помещик разоряется, купец прячет деньги в кубышки и зарывает их в землю. За счет разоряемых богатеет офицерство.

— Да, трудно стало жить,—вздохнул Ага-Бозорг.—Нужна встряска.

— Ну, не те времена сейчас, чтобы перевороты делать. Начнется переворотом, а кончится революцией!

— О, это ужасно!—воскликнул Мирза-Хан.—Опять насилия, кровь...

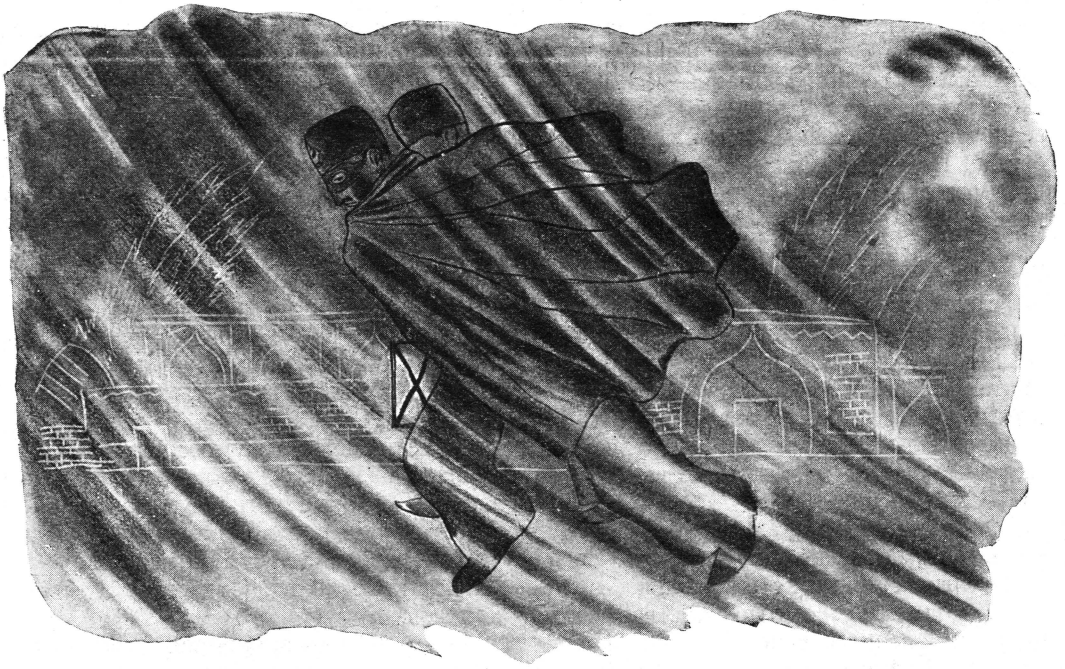
— И чья кровь-то? Ведь чернь бросится на нас, на имущих. Ведь зараза большевизма уже проникла во все щели. Нужно терпеть, чтобы не вызывать волнений. На-днях были у меня крестьяне, с которых финансовые чиновники взыскали пустяшную сумму старого налога...

— Деньги за плевок и за зимний виноград?

— Да. Так мужики какой шум подняли! Собрались четырьмя селами, ходили к губернатору, грозили чиновникам... Ведь этак и до бунта недалеко! Положение такое, что за свое имущество приходится дрожать в собственном доме. Начались в городе грабежи.

— По дорогам в уездах также.

— Ночью на базаре расклеивают угрожающие прокламации, забастовали ковровщики, бросили работу батраки.



Слуги взяли в руки по фонарю и понесли впереди своих господ

— Да, необходимо что-то предпринять. Наш комитет должен поговорить о положении с губернатором. Власти должны подумать о спокойствии.

— Правильно! Прекрасно сказано. Нам нужно спокойствие! Ведь в таком положении не может развиваться ни торговля, ни промышленность, ни искусства.

— Самое лучшее—отправиться к губернатору сейчас. Теперь вечер, он свободен, можно у него посидеть. Сегодня он вернулся с охоты и привез несколько жирных газелей, так что, вероятно, будет прекрасный ужин.

— Решено! Пойдемте, господа!

Гости и хозяин дома стали собираться. Лакеи бесшумно ходили по пушистым коврам и ловко одевали уходящих. Затем слуги взяли в руки по фонарю и понесли впереди своих господ, освещая попадавшиеся в темных улицах рытвины и колодцы.

У входа в губернаторство сидели два стражника в синих мундирах. Увидя группу хорошо одетых господ с большим количеством слуг (чем измеряется важность посетителей), стражники молча открыли тяжелые двери и впустили пришедших в длинный темный коридор. Когда посетители проходили мимо освещенной каморки с открытыми дверьми, оттуда вышел куривший трубку фарраш. Узнав пришедших и поздоровавшись с ними, фарраш бросился вперед докладывать губернатору. Гости замедлили шаги, пока не вернулся фарраш с другим слугою, проводившим всех через двор в большой зал. Помещение это было убрано громадными коврами, на которых стояли низенькие столики, покрытые вышитыми шелком скатертями. Всюду были расставлены мягкие кресла с ковровыми подушками. По углам горели на высоких длинных подставках красивые лампы.

— Добро пожаловать, господа! — приветствовал гостей вышедший из внутренних покоев губернатор Сандари, полный, упитанный мужчина, одетый в черный костюм, но в сорочке без воротника, как ходит большинство городских персов. — Очень рад видеть всех запросто. О, да кажется весь комитет социалистов в полном сборе? Прекрасно. Скоро подойдет начальник гарнизона полковник Гаджи-Хан, будет чудесная компания для ужина. Прошу!

Через несколько минут на столах появились вазы с душистыми пирожными и фруктами, крепкий ароматный чай в маленьких стаканчиках. Около гостей слуги поставили кальяны. Потекла приятная беседа. Губернатор славился своим гостеприимством и был хорошим собеседником.

План успокоения

Темной ночью со стороны пустыни пришел горячий удушливый ветер, закутавший город в тяжелую тучу песка. Попряталось все живое. На улице невозможно было дышать, глаза мгновенно засыпало пылью. Редкие уличные фонари и масляные лампы давно потухли. Прохожих не было нигде.

В полночь проскакал верховой от губернатора, привезший пакет в дом Вели-Хана, раиса назмие (начальника полиции). Полицмейстер отпустил верхового и, надев автомобильные очки, отправился к губернатору в сопровождении ажана (полицейского).

По дороге фонарь ажана осветил фигуру здоровенного усатого парня, быстро и уверенно шагавшего в темноте навстречу. Многие бы удивились, узнав в усаче базарного слепца.

— Селям алейкюм, господин раис! А я направлялся к вам! — произнес встречный.

— Селям алейкюм, Машалла! Иди ко мне и дожидайся моего возвращения. Ты мне сегодня будешь нужен. Постучи, слуга тебе отопрет и угостит чаем и кальяном.

— Ваш приказ на моих глазах! Иду и буду ждать. Храни бог!

Машалла быстро скрылся в темноте, а начальник полиции, засыпаемый горячим песком, поспешил в губернаторство.

Когда Вели-Хан вошел в зал, там, кроме губернатора, сидел начальник гарнизона, полковник Гаджи-Хан, за пять лет пребывания в провинции основательно раздобревший. Подбородок и затылок, как гармоника, складками выпирали из-под воротника мундира. Оба — и губернатор и полковник — давно перешли со стульев на ковер и сидели на подушках, попыхивая кальянами. На разостланной перед ними скатерти стояли графины с ширазским и исфаганским вином, кишмишевая водка и английский коньяк.

— Изволили приказать явиться? — спросил вошедший полицмейстер.

— Очень рады вас видеть, Вели-Хан! — приветствовал раиса назмие губернатор. — Садитесь запросто, прямо на ковер. Как погода?

— Буря. Из пустыни пришел сам [1]. Много этой ночью по дорогам погибнет караванов.

— Да, теперь они идут по ночам, и, если не будет где укрыться, опасность большая.

— В прошлом году, господин Сандари, я видел недалеко от города двух чарвадаров [2], которые погибли в такую бурю. Тела их почернели от сама. Большие убытки причинит сам помещикам — засыплет колодцы подземных оросительных каналов.

— Ну вот, — прохрипел толстяк Гаджи-Хан. — Опять помещики будут плакаться на убытки. Опять волнения...

— Извините, полковник, но о каких еще волнениях вы изволите говорить?

— Мы как раз именно по этому поводу и хотим побеседовать с вами, Вели-Хан, — произнес губернатор. — Вам чего: коньячку или исфаганского?

— Благодарствую, я никаких спиртных напитков не пью. Но от боли в груди лечусь кишмишевкой.

— Пожалуйста, лечитесь!.. Что слышно о новом начальнике просвещения Мирза-Хане? Как он устроился у нас в городе?

— Очень он всему удивляется, возмущается каждым пустяком. Стихи разные сочиняет. Социалист!

— Так. Но вы, между прочим, имейте в виду, Вели-Хан, что новый начпрос — нам человек весьма полезный, вы понимаете меня? И его участие в комитете социалистов, конечно, желательно нам. Он помогает нам выравнивать линию.

— Слушаю-с. Ваши указания в моей памяти!

— Сегодня мы с полковником обсуждали работу наших социалистов и при-

[1] Сам — горячий ветер, самум.

[2] Чарвадар — погонщик животных в караване.

шли к убеждению, что в общем это симпатичные, не вредные люди. Мы обратили внимание и на то, что некоторые члены комитета очень обижены. Например, Ага-Бозорг, человек почтенный, влиятельный в населении. До сих пор он служил городским головой без жалованья. Теперь я изыскал возможность платить ему сто туман в месяц.

— О, если Ага-Бозорг будет получать такое жалованье, то его влияние будет весьма полезно для правительства!

— Очень рад, что вы поддерживаете меня. Остается еще адвокат Мурад-Мирза, который зарабатывает в суде очень немного, а между тем он мог бы быть очень полезным человеком, так как, кажется, тоже имеет большое влияние.

— Совершенно верно, господин губернатор. Мурад-Мирза очень часто устранял большие неприятности. Даже недавно он предотвратил скандал с крестьянами, которые пришли в город жаловаться на финансовых чиновников за взыскание плёвых денег. Ведь только Мурад-Мирза сумел отправить всех жалобщиков обратно в деревни!

— Кстати, дорогой Сандари,—прошептал полковник, наклонясь к уху губернатора. — Наш финансовый начальник очень усердно работает и делает много взысканий. Но я его так редко вижу.

— Не беспокойтесь, друг, — также шопотом отвечал губернатор, — он только что сегодня был у меня и просил передать вам новости. За минувший месяц...

Сандари долго шептал на ухо толстяку Гаджи-Хану, лицо которого расплывалось в довольную улыбку. Через минуту полковник облокотился на подушки и мечтательно прищурил глаза.

Разговор губернатора с раисом назмие перешел на последние события — забастовки ковровщиков и батраков.

— Ну, здесь, конечно, социалисты не виноваты? — спросил Сандари.

— Нисколько! — быстро ответил Вели-Хан.—Это работа большевика Кяльбали! Всех мутит паршивый часовщик! В последнее время у него и в мастерской и на дому собирается весь черный базар. Об его речах и делах я вам ежедневно рапортую. Теперь же докладываю, что необходимо как можно скорее избавиться от сумасшедшего старика.

— Я прикажу его повесить! — закричал вдруг полковник, глаза которого сразу налились кровью. — Не могу слышать об этом большевике!

— Дорогой полковник, — возразил губернатор. — Повесить старика—это значит вызвать волнение черни, устроить из вонючей гадины народного мученика. А сейчас, когда идут забастовки, это будет только излишней головной болью и нам и правительству.

— Но что же делать? Надо же, ведь, покончить с этим безобразием?

— Разрешите мне кое-что доложить, — тихо сказал полицмейстер и, нагнувшись к губернатору и полковнику, начал говорить шопотом. Слушатели одобрительно закивали головами.

— Прекрасно, превосходно... — шептали восторженно слушатели.

— Я поговорю еще с муштеидом[1] Хаджи-Агой, — шептал Вели-Хан,—и народ устроит такой праздник... До Тегерана дойдет!

— Браво, браво! — не выдержал полковник. — Ну, знаете, губернатор, у вас не полицмейстер, а прямо министр! Клянусь моими усами, я подарю Вели-Хану моего гнедого иноходца!..

Все выпили, после чего раис назмие встал, простился и отправился домой.

Самум разыгрался. На улице невозможно было дышать. В воздухе стоял визг песчинок, звеневших при ударах о постройки. Фонарь, который нес ажан, тотчас же потух.

Расправа

— Убийство!.. Убийство!..

— Где?.. Кого убили?..

По улицам бежали утренние прохожие, направляясь к одной из окраин города. Шумели ребятишки, которых хватали в панике бежавшие женщины, напуганные страшным словом. На шум выходили из дворов горожане и, поймав отрывочную фразу, устремлялись за бегущими. Все более увеличивалась толпа, пока не уперлась в переулок, откуда раздавался надрывистый женский плач.

---

[1] Муштеид — духовное лицо.

— Зарезали старого Кяльбали.

— Что? Кяльбали? Этого почтенного старика? За что? Что он имел, что его убили? Такой уважаемый человек, бедняк!

— Утром сегодня зарезали, — пояснили стоявшие в переулке. — Не отошел и двадцати шагов от дому. Горло перерезали. Почти совсем голову отхватили! Видно, бритвой.

— Кто же это сделал? Поймали?

— Пока никого еще не арестовали.

— Повесить за такое дело сейчас же! Без суда! — раздались возмущенные крики. — Где полиция?

— Идет, идет! Идет раис назмие! Вот сейчас...

Толпа стала тесниться и пропустила Вели-Хана, с трудом протискавшегося к трупу. Старый часовщик лежал посреди улицы, весь залитый кровью. Голова его почти совсем отделялась от туловища, срезанная сильным ударом. Около убитого в истерике билась старая, бедно одетая женщина, жена Кяльбали, рвавшая на себе волосы и в кровь царапавшая свое лицо. Издавая ужасные вопли, старуха без устали раздирала свою одежду. Из лохмотьев рубашки выпали на землю сухие груди и пачкались в кровяной луже. Стиснув зубы, смотрели на эту картину грязные, прокопченные рабочие, прибежавшие с базара. Тяжело вздымались костлявые плечи, руки сжимались в кулаки. Многие плакали навзрыд, как дети.

Началось следствие. Труп перенесли во двор убитого. Раис назмие поторопился сделать распоряжение о мордешурах [1], выказал соболезнование и дал жене убитого десять туман на похороны. Вдове стали бросать трудовые гроши и рабочие. Надорвавшаяся от истошного крика, старуха впала в беспамятство.

К полудню в толпе стали говорить о том, что утром кто-то видел проходившего по этой улице слепого Машаллу. Скоро нашлись и видевшие. Но мнения разделились. Одни говорили, что если никого больше не подозревают, то следует взять на допрос Машаллу. Другие возражали, что слепой не может перерезать горло зрячему. Третьи говорили, что если слепой и проходил по улице, то свидетелем он быть не может.

Когда спор разгорелся, рабочие стали настойчивее и упорнее выкрикивать подозрения на слепого. Наконец и вся толпа громко потребовала привода Машаллы. Писавший протокол и прислушивавшийся к разговорам раис назмие изобразил на лице полную готовность «внять гласу народа» и громко дал распоряжение привести слепого во двор убитого.

Через полчаса ажаны доставили слепого Машаллу, взяв его с обычного места — с черного базара, от мастерской убитого часовщика.

— Смотрите, смотрите! — раздались возмущенные голоса. — Рукав слепого замазан кровью!..

— О, имам Гусейн! О, имам Реза!.. Благословите руку щедрого! Медная монета слепому — спасение души во имя Алия. Велик и всемогущ аллах!

Когда ажаны подвели слепого к столу, полицмейстер осмотрел Машаллу и спросил его:

— Почему у тебя правый рукав в крови?

— Откуда слепой может знать, чем запачкана его одежда? Вот вы, зрячие, видите, а что могу сказать я — слепой? Мне сказали, что ведут к раису назмие. Если меня спрашивает он...

— Да, тебя спрашиваю я, раис назмие. Утром убили здесь на улице часовщика Кяльбали. Тебя же утром видели проходящим по этой улице. Проходил ты здесь?

Машалла выронил свой посох, поднял руки вверх и заплакал.

— О, Али!... О, имам Реза!.. Горе мне, горе! Убили моего благодетеля! Если бедный слепой Машалла ел иногда кябаб [2], то только на даяния покойного, да упокоит всевышний его чистую душу! Пусть сожгут дом того, кто застрелил щедрого из щедрых. Правоверные! Дайте и мне вырвать кусок мяса из тела злодея! О, имам Гусейн!..

Слепой сел на землю, посыпал голову пылью и стал бить руками по своей груди, предварительно разорвав ворот рубахи.

---

[1] Мордешур — обмывальщик покойников.

[2] Кябаб — жареные на вертеле кусочки баранины.

— Эй, Машалла! — спросил Вели-Хан. — Проходил ты сегодня утром по этой улице?

— Каждое утро и каждый вечер прохожу я здесь из дома на базар и обратно. И где кроме может ходить несчастный слепой, когда он не видит путей и знает только одну дорогу?

— А почему у тебя рукав запачкан кровью?

— Разве я это вижу? Дали мне сегодня правоверные, да не уменьшит аллах их щедрот, баранины на кябаб. Вот это мясо, в моих карманах. Может быть оно пачкает? Я не вижу, смотрите вы, зрячие...

Слепой достал из карманов хлеб, вареную репу, кусок сырого мяса, несколько медных монет и выложил все это на землю.

Раис назмие посмотрел на мясо, взглянул на окружающую толпу и в недоумении развел руками.

Толпа молчала.

Палка в союзе с четками

— А сколько будет стоить чудо?

— Я полагаю, что трех тысях туман будет достаточно. Тысяча уже обещана из одного места, а две соблаговолите пожертвовать вы, Хаджи-Ага, из даяний, которые соберутся с верующих.

— Ну, Вели-Хан, вы назвали такую сумму, что у меня сразу заболела голова! — И старый муштеид пододвинул к себе жаровню с горячими углями, взял коричневую трубку с белым фарфоровым шаром, налепил на него близ крохотного отверстия кусочек мягкого опиума, захватил тонкими изящными щипцами раскаленный уголек, и, приложив его к опию, стал затягиваться.

Раис назмие пододвинулся поближе к жаровне, стоявшей между ним и Хаджи-Агой, и бросил на него быстрый взгляд. Личность муштеида была примечательна и изобиловала большими неожиданностями. На лбу духовника, как раз над переносицей, было выжжено большое круглое пятно, с серебряный рубль величиной. Пятно это свидетельствовало о святости муштеида и должно было показывать верующим, что образовалось при частых молитвах от поклонов и ударов о круглый мохр (небольшой камень, который кладется при молитвах на землю пред молящимся). На толстом носу Хаджи-Аги из здоровой мясистой бородавки рос большой пучок черных волос, свешивавшийся вниз и терявшийся в красных усах. Такого же цвета густая борода скрывала все лицо, оставляя на виду только часть лба, глаза и нос. На голове муштеида была надета громадная, искусно свитая из тридцати метров белой материи, чалма. Одежда состояла из белого халата, под поясанного синим кушаком, и накинутого на плечи коричневого плаща — «аба». Хаджи-Ага сидел на ковре, поджав под себя ноги, и с наслаждением курил опиум. По мере курения тусклые глаза муштеида загорались блеском, сам он оживлялся и становился бодрее.

— Пах, пах, пах! Две тысячи! — бормотал он.

— Не меньше, — сказал полицмейстер. — Дело в том, что человек для чуда не простого звания. Он из хорошей купеческой фамилии, имел торговлю, разорился и вынужден был ослепнуть, иначе ему грозили неприятности с кредиторами. Теперь он хочет помочь делу укрепления религии у верующих, а потом снова заняться торговлей.

— Как его имя?

— Машалла.

— Вы уверены в том, что он... действительно будет видеть?

— Ну, конечно. Он и сейчас ведет некоторым лицам письменные работы.

— Я все-таки боюсь, что такой крупной суммы мы не найдем, — вздохнул муштеид.

— Разрешите напомнить, что траурный месяц мохаррем в этом году будет проводиться с особой торжественностью. В этом заинтересованы все: и власти, и купцы, и помещики. Положение вы видете, какое—простой народ забросил религию и стал поддаваться большевикам. Крестьяне волнуются, собираются несколькими селами, отказываются платить налоги, лезут в город, рабочие начали устраивать забастовки... И где все это? У нас, в нашем городе! Разве можно было когда-нибудь предполагать это?

— Да, да... — ответил муштеид. Вы знаете, что крестьяне в наших местах

— Вы уверены в том, что он... действительно будет видеть?

уже нигде больше не засевают «божьей грядки». А ведь два года назад еще почти в каждом селе верующие безвозмездно обрабатывали особое поле, урожай с которого шел духовенству. И вот теперь дожили...

— Поднять дух религии в простом народе необходимо немедленно. И стоит говорить о деньгах на это дело, когда все с лихвою вернется вам от верующих жертвователей!

— Хорошо, я сегодня сделаю истихар [1], и если аллаху будет угодно, то поможем великим чудом образумить народ.

— Надо будет дать Машалле задаток, чтобы он подготовился, — сказал полицмейстер.

— Заходите завтра, обсудим окончательно.

Вели-Хан встал, простился и вышел.

Муштеид кончил курение и перешел в приемную, где на коврах вдоль всех стен сидели, поджав под себя ноги, спрятав под плащи руки и опустив вниз глаза, мюриды (ученики и помощники муштеида). Сидевшие разом встали и низко до пояса поклонились. Хажди-Ага прошел на почетное место у камина, где опустился на подушки, после чего разрешил сесть и мюридам.

Некоторое время длилось молчание, пока, наконец, муштеид начал разговор на тему о проведении наступающего мохаррема, в особенности же десятого дня— «ашуры», когда верующие собираются в процессии, надевают саваны и канжалами режут свои головы.

[1] Истихар — гадание на коране чтением наудачу открытой страницы.

Хаджи-Ага давал инструкции—сколько закупить на пожертвованные купцами и помещиками деньги полотна для раздачи на саваны, сколько закупить чаю и сахару для угощения самоистязателей, в каком количестве варить для них рис и мясо, какую им раздать сумму денег.

Мюриды удивлялись щедрости, с которой муштеид намечал смету расходов. «Не слишком ли много участникам процессий? — думали мюриды. — И что останется бедному духовенству?» Но Хаджи-Ага говорил уверенно, внушительно, и понемногу сомнения исчезли из голов мюридов.

— Большие расходы, — говорил муштеид, — но и пожертвования будут обильны. Я сделал истихар, и мне было открыто божественной книгой, что в этом году мохаррем будет необычайным по своей торжественности, великолепию процессий, стечению верующих, обилию даяний и великих дел. В старые годы во время мохаррема творились изумительные чудеса, подкреплявшие святость исповедуемого правоверными ислама. Будем же усердны в наших молитвах, раздуем пламя веры в сердцах паствы и будем просить великого пророка о ниспослании нам чуда!

Хаджи-Ага стал перебирать четки и зашептал молитву, чему последовали и все присутствовавшие.

Через некоторое время мюриды удалились, а муштеид перешел во внутреннюю, семейную часть своего дома — «эндерун», где на мягких шелковых тюфяках и подушках сидели и лежали молодые жены Хажди-Аги, щелкая фисташки, поедая душистые фрукты и играя в куклы.

„Чудеса“

— Человек, превращенный в собаку!

— Где? Где?

— Вот ведут на цепи! Смотрите!

Шум, крики, оживление. На площади, освещенной факелами, фонарями, масляными светильными лампами, толпы народа. Горожане, ремесленники, лавочники, рабочие, мальчишки, крестьяне из окрестных деревень, батраки, погонщики вьючных животных, разносчики сластей, подслащенной воды, жарильщики бараньих кишек на палочках, продавцы вареной репы и свеклы.

Обычно пустая площадь закипает с началом месяца мохаррема. Круглый год лишенное каких бы то ни было зрелищ и развлечений население стремится в духовный театр, к «текие» — громадному кирпичному зданию с куполом. Здание это без окон и дверей, со стороны площади без целой стены. Таким образом, текие имеет вид большой открытой сцены. Кирпичный пол приподнят от земли на полтора метра. В глубине текие стоит черный деревянный «мямбар» — кафедра с десятью ступеньками. Вот и вся обычная обстановка. Но для мохаррема пол текие сплошь застелен коврами, принесенными из домов состоятельных прихожан, с потолка купола спускаются хрустальные люстры, в нишах стен горят лампы и множество восковых, стеариновых, парафиновых и сальных свечей, приносимых женщинами — наиболее темной частью населения.

— Ведут, ведут! Человек, превращенный в собаку! Глядите!

Толпа бросилась к текие и сгрудилась вокруг человека, по наружности лавочника, державшего на толстой цепи тощую собаку. Человек по лестнице взобрался на пол текие, ударил плетью собаку, которая завыла, и уселся на ковре. Выдержав паузу и подождав, пока улеглось волнение в толпе, вожатый собаки начал свое повествование.

— Я — торговец и скупаю по селам шерсть, мед и масло. Месяц назад отправился я в горный район нашей провинции. Однажды заночевал я в Барсовом ущельи, в одиноком доме некоего Саламоллы. При мне были деньги. Когда я внимательно посмотрел на хозяина, то взяло меня большое сомнение и боязнь. Вид у хозяина был весьма подозрительный. У-у, проклятый! — воскликнул рассказчик и с сердцем ударил собаку, которая жалобно взвизгнула. — Посидел я немного, а потом решил оседлать своего осла и уйти от греха, чтобы ночью дойти до какого-нибудь ближайшего селения. Но Саламолла стал просить меня остаться. Когда же я откровенно высказал хозяину свои сомнения и боязнь остаться ночевать у него, он мне торжественно

поклялся святым Аббасом, что не причинит мне никакого вреда. Я поверил клятве мусульманина. Что же он со мною сделал? У-у, проклятый! — и расказчик снова стегнул собаку, завывшую от боли. — Когда я уснул, Саламолла взял вот такой громадный кинжал и отрезал мне голову. Конечно, я умер и ждал, когда Азраил отнесет мою душу. Но близился мохаррем! И преступная клятва потрясла небеса! Не успел еще злодей пересчитать мои деньги, как в дом, через запертые двери вошел сам святой Аббас!

— О-о!.. Сам Аббас? — пронеслось в удивленной толпе.

— Да, святой Аббас! Вошел, приставил мою голову к шее, и я ожил. Встал я и вижу в светлой одежде святого Аббаса, а перед ним валяется и плачет от ужаса Саламолла. И сказал тогда святой Аббас таким голосом, который прогремел, как гром.

— А-а-а... Как гром? — опять прошептала толпа, завороженная рассказчиком.

— Да, как гром! Прямо можно было оглохнуть! И сказал святой Аббас: Зачем ты, неверный, поклялся моим именем и нарушил клятву? Ты поступил, как собака, и отныне станешь собакой! И только он это сказал, как Саламолла превратился вот в эту собаку. Вот глядите, правоверные, на этого клятвопреступника, наказанного самим святым Аббасом! У-у, проклятый!..

Рассказчик вскочил и стал бить плетью несчастную собаку, которая начала вырываться, визжать и нестерпимо выть. В толпе поднялось возмущение, в собаку полетели камни и комья сухой грязи.

— Убить, убить проклятого клятвопреступника! — поднялись дикие крики.

Возбужденная толпа заревела и полезла на текие.

В углу площади, покуривая трубки, сидела группа носильщиков и тихо вела между собой свой разговор.

— Третьего дня слушал я этого самого рассказчика в другом текие. Там собака у него была маленькая и черная, а сегодня — большая и желтая.

— Вероятно ту собаку убили, как убьют сейчас и эту. А завтра он пойдет в другой квартал с другой собакой рассказывать свою историю.

— Хорошо он заработает за мохаррем,—завистливо сказал один хамаль.— И спину гнуть не нужно, знай шевели языком. А собак бродячих — сколько хочешь.

— Да, — сказал другой, — мохаррем дает многим беднякам легкий заработок. В этот месяц раскошеливаются богачи и духовенство.

— Ну, не так-то легко заработать даже в мохаррем. За полотняный саван, за чай и вареный рис девять дней мы избиваем свои груди, а в десятый режем свои затылки и лбы! — возмущенно воскликнул Сафар.

— А что же остается делать, если нет другой возможности заработать на белье и подкормиться? — возразил Реза, изможденный и сгорбленный молодой носильщик. — Ну, поколотишь себя, — так, ведь, тело-то не купленное? Порежешь в ашуру немного кожу на голове — за неделю заживет. Зато из пожертвованного мне савана я шью себе прекрасную рубашку, которую ношу год. А то еще и штаны мальчишке выгадаю. Зато я целый месяц по вечерам пью бесплатно сладкий чай. Зато меня угощают рисом и мясом. Хоть несколько дней, но я сыт, как богач! Да еще и денег дают.

— Скажи, Реза, — перебил говорившего другой носильщик. — Можно ли мне записаться в десте [1] этого текие?

— Да, в этом году принимают много народу. Десте будут очень большие. Говорят, духовенство отпустило много денег. Бедный народ хорошо заработает. А ты, Сафар, будешь участвовать в процессии?

— Разве я когда-нибудь участвовал? Никогда не буду сам себя избивать и резать свою голову.

— Но, ведь, все режут...

— Кто все? Разве режут свои головы или истязают себя плетьми и цепями купцы, помещики, чиновники, власти, все состоятельные люди? Только несчастные бедняки по своей темноте!

— Нет, не темнота здесь виновата, — возразил Реза, — а только наша бедность! Если бы я мог быть сытым и приобрести белье без резанья головы и

[1] Десте — религиозная процессия.

битья своей спины и груди, то разве я стал бы это делать? Нужда, нужда заставляет и меня и всех участников десте!

Рассказчик со своей собакой уже удалился из текие, где к этому времени стали устраивать бесплатный буфет для участников молений и процессий. Появились столики, закипели громадные самовары, на коврах расставляли большие подносы с сотнями небольших стаканчиков и блюдечек. Несколько человек усердно кололи на мелкие кусочки сахар. Около текие взвивалось пламя очагов, на которых установили огромные медные котлы с рисом. Суетились повара, резали баранов, приносили груды хлеба. На кафедру взобрался проповедник и приготовился к речи.

Вдруг из соседней улицы пронесся громкий крик, всколыхнувший всю площадь.

— Великое чудо! Сейчас в мечети исцелился слепой Машалла! Он стал видеть!

Толпа бросилась к мечети, где улицы уже были запружены народом, жаждавшим увидеть прозревшего.

Во дворе мечети творилось невообразимое. Наэлектризованная чудом, толпа бесновалась от религиозного восторга. Машалла, всем известный слепой, ходил в толпе и видел!

Религия в действии

— Шах Усейн! Вай Усейн!.. Шах Усейн! Вай Усейн!..

— Хасан! Усейн!.. Хасан! Усейн!..

Ашура. Десятый день мохаррема. Город беснуется. Армяне, евреи и европейцы попрятались в домах. Все дрожит от ритмических выкриков многих тысяч участников десте, рева огромных толп, пронзительных звуков труб, боя барабанов, плача и воя женщин.

По залитым палящими солнечными лучами городским улицам мерно движутся к площадям и текие процессии.

Впереди каждого десте идет оркестр из труб, тромбонов, больших и малых барабанов. Музыканты во всю мощь легких выдувают только одну ноту, какая выйдет из инструмента. Барабанщики изо всей силы бьют в большие барабаны. С маленьких барабанов сыплется жуткая, надрывная трель.

За оглушающей музыкой несут черные и зеленые шелковые хоругви, с вышитыми золотом изречениями из корана. На древках хоругвей — позолоченные и посеребренные изображения руки с пятью пальцами. На длинных палках подвешены вырезанные из листовой красной меди узоры и трафареты с колокольчиками и бубенцами.

Далее — караваны убранных разноцветными шалями, шелками и коврами животных. На верблюдах, лошадях и мулах сидят в седлах красивые дети, изображающие замученное потомство святых.

За ними прыгают и бегают, потрясая деревянными булавами, одетые арабами люди. Они скачут вокруг носилок, на которых лежит набитая соломой белая подушка, изображающая труп с отрубленной головой, руками и ногами. Красной краской вымазаны места, где подразумеваются отрезанные части тела.

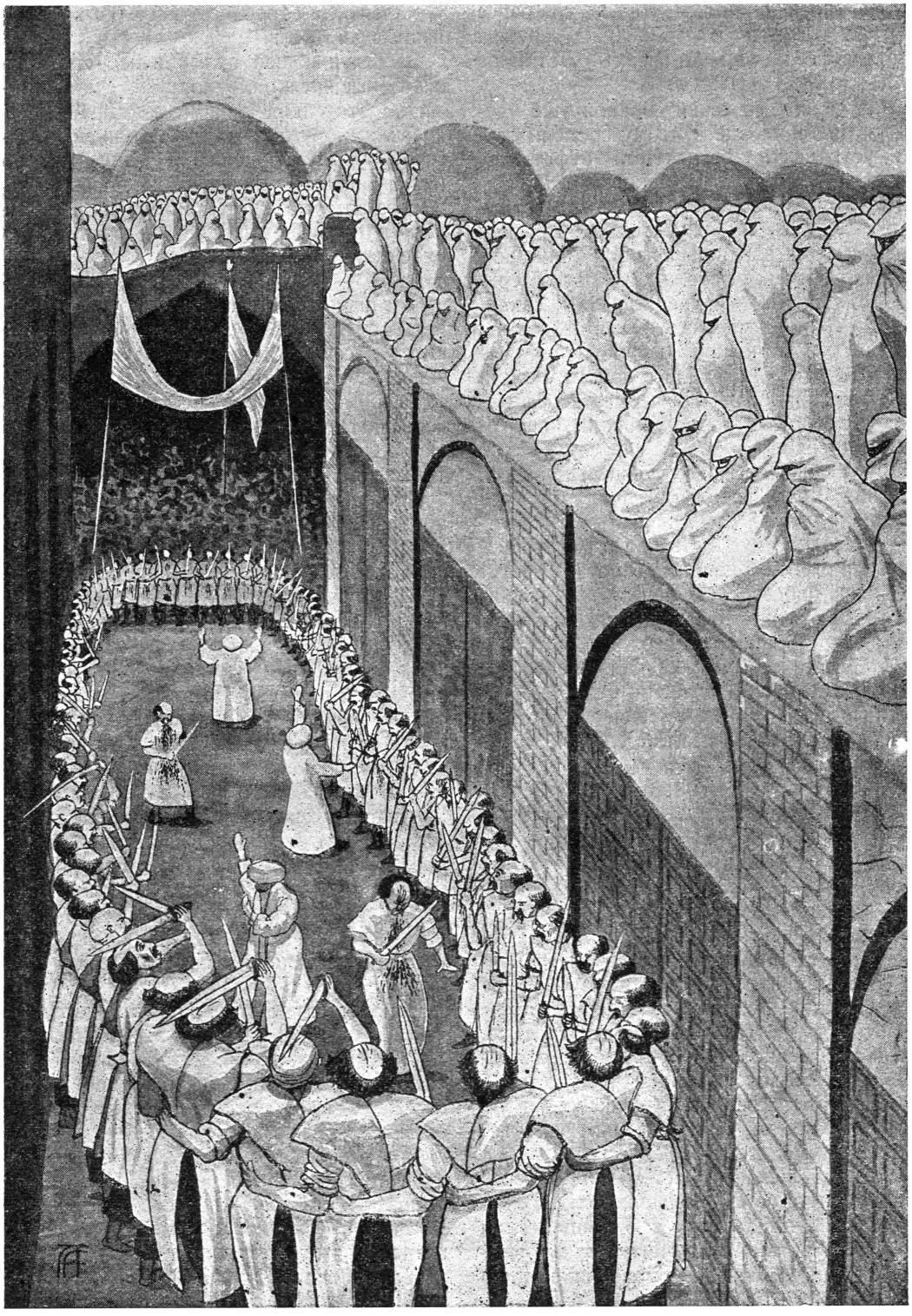
Шествуют группы купцов с обнаженными головами, посыпанными песком.

Вот медленно шагают самоистязатели.

Первая группа, одетая в длинные черные рубахи с двумя вырезами на лопатках. У каждого в руках связка железных цепей, прикрепленных к деревянной рукоятке. В такт своим выкрикам «Шах Усейн! Вай Усейн!» истязатели ритмично ударяют звенящими цепями по своим обнаженным и почерневшим лопаткам.

Следом идут рядами люди в коротких черных рубашках с расстегнутым воротом. С тем же ритмом люди дружно бьют себя по голой груди ладонями. Из горла вылетает звенящий стон отбиваемых легких.

Наконец самое страшное в процессии— люди в белых саванах, с выбритыми головами, вооруженные отточенными кинжалами и саблями. Обнявши левой рукой соседа, в такт крикам они взмахивают оружием, поднимая его вверх и опуская вниз. Цепь саванов замкнута и образует круги по 20-30 человек. Они мерно кричат и в такт переставляют ноги. Каждый круг одновременно подвигается вперед и движется вокруг центра, вытягиваясь в узких улицах в длинные овалы.



Обнявши левой рукой соседа, в такт крикам они взмахивают кинжалами, опуская их на выбритые головы

Рисунок автора рассказа

Вот процессии входят на площадь. Шум и крики становятся нестерпимыми, усиливаясь от плача и воя женщин, облепивших крыши.

Горячее солнце и дикий хаос звуков сверлят мозг.

И вот перед белыми саванами, впереди показывается обнаженный до пояса медленно шагающий самоистязатель. Его тело сплошь увешено зеркалами, колокольчиками, жестянками. Все это держится на острых крючках, воткнутых в кожу. На поясе истязателя—колесо со спицами из острых кинжалов, упертых остриями в голое тело.

При виде залитого кровью мученика беснование достигает апогея. Духовные лица, идущие внутри кругов, дико вскрикивают и хватаются за свои бороды. Устремляя гипнотический взгляд на почти потерявших сознание вооруженных людей, духовные царапают себе лица и замазывают их грязью. Вот одурманенный видом крови мученика и загипнотизированный взглядом ахунда, кто-то несмело провел острым кинжалом по своему бритому темени. Из прореза брызнула кровь, потекла по лицу, окрасила жуткими пятнами белый саван... Тотчас же напротив пролилась кровь из головы другого... Третий... Еще несколько саванов залились кровью... Вот уже истекают кровью все поголовно.

Матери выскакивают на улицу и протягивают своих детей ахундам [1], которые бритвами надрезают детское темя.

Дальше, дальше движутся дестe. Саваны из белых стали красными. Люди обезумели. Кинжалы уже звенят, ударяясь о черепа. Вот зашатался один и с побелевшим под запекшейся кровью лицом рухнул на землю. Подбежали с носилками ажаны и персидский врач. Понесли... Еще один... А вот у кого-то после зверского удара вылетел кусочек мозга...

— Реза!.. — раздался дикий женский крик.

И с крыши свалилась вниз, на землю, жена носильщика.

Дестe топчутся на месте и рубятся. Но вот убрали трупы. Дорога свободна. Дальше! Вперед! Еще крови!

*

...Траурный месяц прошел торжественно, как никогда. Голод и чудеса сделали свое дело. Разговоров об ашуре и прозревших хватит надолго. Много времени уйдет на залечивание ран, на похороны. Почти в каждой семье бедняков есть участники мохарремовских процессий.

Забастовок нет.

Тихо.

Базар благоухает пряными ароматами. В галлереях прохладно, полито водою. Торговля кипит. Чрез пустыни и горные перевалы идут дорогие заморские товары. Мерно гудят колокола верблюдов, наполняя пустыни задумчивым звоном.

*

Вы думаете — все спокойно?

---

[1] Ахунд — духовное лицо.

КРАСНЫЙ ФРОНТ НЕ ЗАПРЕТИШЬ...

Очерк
МАКСА ГЕЛЬЦА

МОЛОДЕЖЬ красного Веддинга решила предпринять 23 июня поездку на праздник фашистов в Потсдам и его окрестности. Задачей их было приобщить к революционному, коммунистическому движению потсдамскую молодежь, находившуюся еще под влиянием националистов и фашистов.

Мы знали, что среди потсдамцев есть здоровый элемент — дети рабочих, которых мы можем и должны вовлечь в свои ряды, доказав им, что их место под знаменами комсомола, подлинного защитника интересов рабочего класса.

Из Берлина веддингская молодежь вышла еще накануне вечером.

Утром 23 июня группы комсомольцев и пионеров должны были с грузовиков распространять по деревням и местечкам Потсдамского района листовки и воззвания, петь революционные песни и проводить подворную агитацию по вовлечению в комсомол. Открытое комсомольское собрание на одной из больших потсдамских площадей должно было завершить это агитационное путешествие.

Ровно в полдень я прибыл в Потсдам. Мне нужно было разыскать веддингцев; приходилось соблюдать большую осторожность, чтобы не попасться на глаза шныряющим повсюду фашистам и полиции. Здесь, в Потсдаме, дело всегда могло дойти до столкновения с ними.

На большой площади Фонтана не было и признака комсомольского собрания. Лил проливной дождь. Но нелепо было предположить, что веддингская молодежь из-за дождя попряталась по домам. И все-таки ни на улицах, по дороге с вокзала, ни на самой площади я не встретил ни одного комсомольца.

Минут пятнадцать простоял я на площади под проливным дождем в ожидании, не покажется ли где-нибудь отряд комсомольцев. Никого. Или они запаздывают? Может быть, еще не окончили подворный агитационный обход? А вдруг на-

значенная на сегодня демонстрация не состоится?

Мне было известно о расхождении, существовавшем у некоторых товарищей, зараженных оппортунизмом, с большинством комсомольцев.

Оппортунисты находили более правильным ограничиться для агитации фабричными районами и выступление в Потсдаме — гнезде фашистов — считали базумием.

— Нам это ничего не даст, кроме жестокой бойни, — говорили они. — Мы слишком слабы. Триста комсомольцев против пяти тысяч фашистов и Стального Шлема! Самое большее, чем мы добьемся — это потеряем наши знамена и музыкальные инструменты, да вдобавок нас еще и поколотят.

Им возражали, что это не большевистский подход.

— Мы должны проникать всюду. В Потсдаме тысячи пролетариев, среди которых наша работа поставлена еще слишком слабо, и рабочая молодежь находится там под влиянием фашистов и Стального Шлема. И если в Потсдаме нам удастся вовлечь в комсомол хотя бы пятнадцать ребят — это уже будет успехом. Остальные будут наблюдать нашу демонстрацию, услышат наши песни, будут читать листовки. Это произведет впечатление и заставит их призадуматься.

Очевидно — решил я — победили оппортунисты, и никого из веддингских комсомольцев на площади я не дождусь. По всей вероятности, для агитации избрали другое место.

Промок я насквозь и был очень зол.

Вдруг на площади показались мужчина и женщина под зонтом. Они остановились, оглядываясь по сторонам, точно кого-то искали. Затем направились прямо ко мне. Это были — рабочий с женой.

— Ты ищешь веддингских ребят? — сказал рабочий. — Мы их тоже ищем. Было об'явлено, что сегодня в час дня на площади состоится комсомольское собрание.

Я спросил, нет ли здесь поблизости такого места, где собираются рабочие и коммунисты, быть может, у них кое-что и разузнаем.

В маленьком трактирчике, куда меня привели, я застал рабочих, которые оживленно, разбившись на кучки, беседовали и спорили между собой. От них мы тотчас же узнали, что случилось с веддингскими комсомольцами и пионерами.

Оказывается, ребята арестованы потсдамской полицией и сидят во дворе полицейпрезидиума. Случилось это так: когда комсомольцы с пионерами, возвращаясь с агитпоездки по деревням, с барабанным боем и криками «Рот-Фронт» проезжали на грузовиках по улицам Потсдама, полиция окружила их, арестовала и отвела во двор полицейпрезидиума.

О причинах ареста никто не мог сказать ничего определенного. Говорили, что формальным поводом послужило нарушение комсомольцами запрещения разбивать палатки в лесу и разводить костры.

Как бы то ни было я должен был немедленно отправиться в полицейпрезидиум и выяснить причину их ареста

Я, признаться, сомневался, удастся ли мне застать там кого-нибудь из ответственных полицейских чиновников. День был воскресный, следовательно, праздничный. Потсдамцы строго чтят господа бога, именем которого дурачат и отвлекают народ от классовой борьбы.

Однако когда мы позвонили у ворот, я категорически потребовал у вышедшего полицейского впустить меня для переговоров с полицейпрезидентом. Двое полицейских отвели нас в служебное помещение, находившееся в глубине двора.

И тут нас ожидало изумительное зрелище: вся левая сторона залы была набита комсомольцами и пионерами, окруженными густой цепью полицейских.

Ребята увидели нас, и от бурных криков «Рот-Фронт» задрожали стены. Маленький пионер проскользнул между ног одного полицейского, бросился прямо к нам и взволнованно выпалил:

— Слушай, Макс, зеленые[1] в Потсдаме арестовали нас за то, что мы кричали «Рот-Фронт». Но кто имеет право нам это запрещать?! Мы опять будем кри-

[1] Зеленые — жандармы.

чать! А теперь мы играем во дворе в «рейхстаг». Очень весело! Посмотри!

Потсдамская полиция оказалась в нелепом положении. Начальство не знало, что делать с молодежью.

Кричать «Рот-Фронт» им не запретишь — не заткнуть же им глотки!

А эти триста юнцов чувствовали себя отлично и как назло разошлись во-всю. Они знали, как бесит полицейских их боевой клич «Рот-Фронт» и революционные песни. И с молодым задором они пропели их все по очереди.

А во дворе затеяли игру в «рейхстаг».

Инсценировка, которую устроили ребята, была действительно уморительна.

Комсомольцы на глазах у полиции зло высмеивали высшую власть государства— рейхстаг и его продажных депутатов.

Молодежь играла блестяще и так натурально имитировала продажных политиков, что сами полицейские едва удерживались от смеха, а их начальники наблюдали за происходящим с перекошенными от злобы лицами, не зная, что предпринять.

Таким образом, веддингская молодежь провела во дворе потсдамского полицей-президиума великолепную демонстрацию и своеобразный митинг.

День был потерян не зря. Это было видно по поведению полицейских: при аресте они обходились с молодежью очень грубо, теперь же прониклись к арестованным невольным уважением. Наши славные боевые ребята, действительно, ни на минуту не забывали, что они коммунисты и должны агитировать всюду, где бы ни пришлось: в школе, на улице, на производстве, даже здесь, в полицейпрезидиуме, должны малейшую возможность использовать для дела пролетариата, на пользу революции.

За это время во дворе собрались дети полицейских. Игру в «рейхстаг» они приняли с восторгом.

Триста комсомольцев встретили нас бурными криками «Рот-Фронт», а к ним присоединились, на страх и удивление своим отцам, и дети полицейских.

Когда я спросил у полицейпрезидента о причинах ареста 300 комсомольцев, он совершенно неожиданно и очень любезно стал просить меня повлиять на товарищей, чтобы они прекратили крики «Рот-Фронт», так как Союз красных фронтовиков запрещен, нельзя же, чтобы на улицах Потсдама комсомольцы устраивали демонстрации!

Поняв, что поддержки у меня он не получит, полицейпрезидент добавил:

— Через час я освобожу арестованных, но они должны итти в город отдельными группами, а не все вместе. Никакой демонстрации на улицах не устраивать. Приезжие из Берлина должны сейчас же вернуться обратно.

Я вышел и ждал у наружных ворот, пока не показались первые колонны освобожденных. Под усиленной охраной полицейских их повели к вокзалу. Я подбе-

гал к каждой проходившей группе и предупреждал, чтобы они не уезжали в Берлин, а ждали на вокзале остальных. Мы должны во что бы то ни стало провести в Потсдаме еще один митинг.

Прошел целый час, пока последний комсомольский флажок появился в воротах полиции.

На вокзале комсомольские колонны задерживались: у них не было денег на билеты, они остались, якобы, у руководителя.

Благодаря этой уловке на площади у вокзала и в станционных зданиях собрались все триста комсомольцев. К ним присоединились потсдамские рабочие и молодежь.

И тут случилось небывалое для Потсдама событие, окончательно подорвавшее авторитет полиции: на вокзале начался митинг комсомола.

Весь сложный план полицейпрезидиума лопнул, как мыльный пузырь.

Уже после того, как все берлинские комсомольцы имели на руках проездные билеты и полицейские сияли от удовольствия, думая, что избавились, наконец, от красных мучителей, один комсомолец вскочил на плечи товарищей и произнес зажигательную речь:

«Товарищи пролетарии! Мы пришли сюда для того, чтобы сказать вам, что ваше место только в рядах коммунистической партии и комсомола. Вы—наши братья по классу. Вас так же эксплоатируют, как и нас, и вы не должны верить лживым словам и зазываниям фашистских руководителей, состоящих на содержании у капитала. Не верьте обманным лозунгам фашистов и националистов, находящихся в услужении у «гвардии резиновых дубинок» и действующих против революционного пролетариата. Социал-фашистский министр Зеверинг, бывший рабочий, изменник рабочего класса, запретил Союз красных фронтовиков и Красный юнгфронт. Но эти организации живут, вовлекают в свои ряды рабочих и продолжают бороться за дело угнетенных! А ваш полицейпрезидент хотел перещеголять «великого» Зеверинга и запретил даже самый «Рот-Фронт». Однако комсомоль-

цы показали ему сегодня, что им рот не заткнут!»

С четверть часа говорил комсомолец, и его слова произвели сильное впечатление на потсдамцев.

И если бы полиция вздумала сейчас наступать на берлинских комсомольцев, то ей пришлось бы разгонять сначала дубинками новых потсдамских друзей берлинских комсомольцев. На это она не отважилась. Положение полицейских было шатким уже во дворе полицейпрезидиума, а уж здесь оно стало просто глупым и смешным.

Комсомолец закончил свою речь обращением к полиции:

— Вы хотели помешать провести в Потсдаме митинг и демонстрацию, но этим вы помогли нам завоевать Потсдам.

Вслед за комсомольцем я тоже сказал несколько слов и привел свой разговор с полицейпрезидентом. Когда я дошел до того, как он просил меня помочь ему убедить молодежь не кричать «Рот-Фронт», раздался оглушительный хохот. Смеялись все — и комсомольцы и потсдамские друзья.

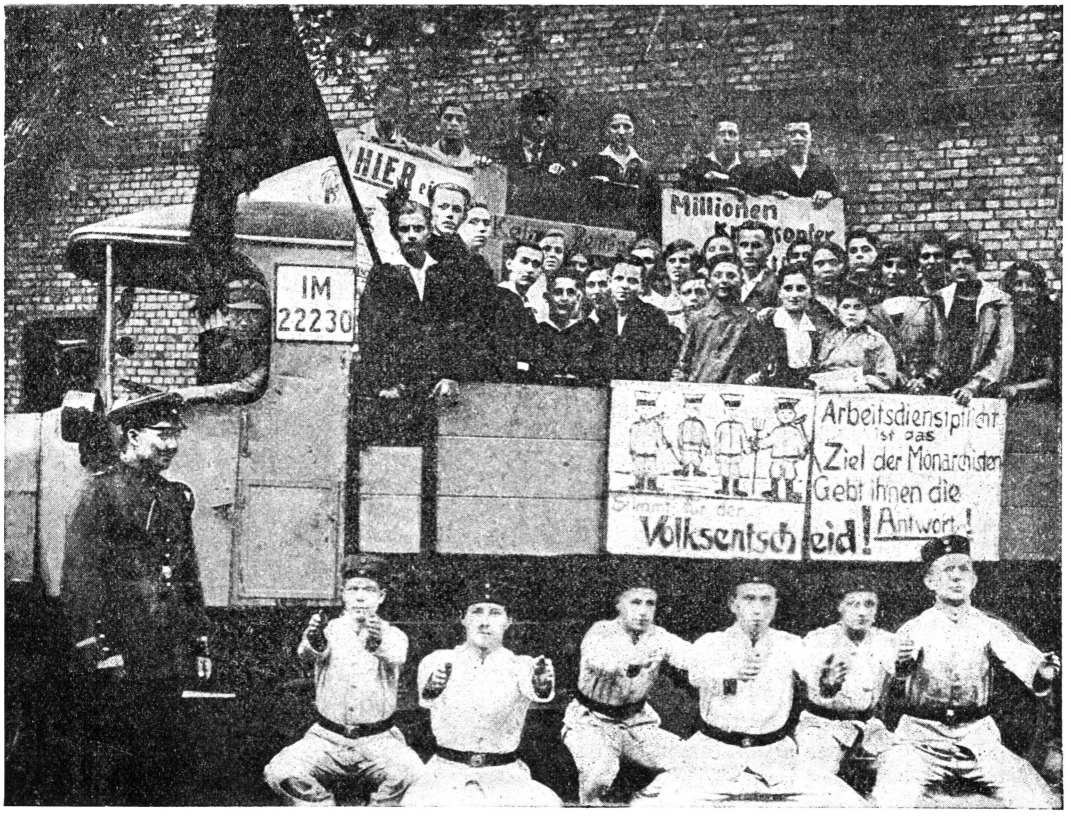
А когда я крикнул:

— Мы прощаемся с потсдамским полицейпрезидентом и потсдамской полицией и приветствуем собравшихся рабочих и молодежь троекратным «Рот-Фронт»! — то не только из трехсот комсомольских грудей вырвался мощный боевой клич «Рот-Фронт», но его подхватили сотни потсдамских рабочих и молодежь, и он долго гремел по окрестностям.

Эта поездка веддингской молодежи увенчалась полным триумфом коммунистических идей партии и комсомола.

Дисциплинированное и смелое выступление комсомольцев завоевало симпатии рабочих Потсдама, а потсдамским коммунистам и слабым еще комсомольским ячейкам дало зарядку для дальнейшей работы.

Так берлинские комсомольцы пробили первую внушительную брешь в крепости фашистов — Потсдаме.



СЕМЯ ШАЙТАНА

Рассказ
А. ТЭМИРА
иллюстрации
В. ЩЕГЛОВА,

Год «великого перелома» не прошел бесследно и для советского Востока. Здесь партия ведет решительное наступление на байство; несмотря на отдельные перегибы,, растут колхозы, кипит ожесточенная борьба за советский хлопок. Сельскохозяйственный Октябрь несет Средней Азии тракторы и машины, ведет с собой армии ирригаторов и селекционистов. Октябрь побеждает сопротивление классового врага. В 1930 г. товарный сбор хлопкового волокна увеличится на 50% против 1929 г., посевная площадь на 34 , урожайность повышается на 12%, Средняя Азия дает 4.123 тысячи центнеров товарного волокна, а на 1932 г. контрольные цифры предусматривают получение 787,2 тысяч тонн волокна.

В 1930 г. впервые все поля, вопреки сопротивлению байства, вопреки их вредительству, засеяны сортовыми семенами.

Об одном из вредительских актов байства ведет свой рассказ А. Тэмир.

КАЗАЛОСЬ, все уже было сделано. Этот район считался счастливым.

Наиболее памятен центру был кишлак Баг-и-Даньяр в дашне Макку. Посевную кампанию проводили здесь бешеный агроном Хорь и партработник Сериков. Кооперировать приезжали испытанный Антонов, и я, еще зеленый. В конце явилась бригада; это были замечательные, настоящие ребята с маслобойного и мыловаренного, из них двое— националы.

Мы добились своего. Торжественное решение декхан сеять хлопок было подобно присяге и военной музыке. Одиннадцать бедняцких хозяйств задумались об организации артели. Старой женщине приснился молочный колхоз. Это был счастливый район, прозванный одним из наркомземцев благословенным. Шесть прожорливых и нечистоплотных баев, жирных, как охолощенные петухи, вели себя положительно добродушно — они даже не убили до сих пор ни одной из трех женщин кишлака, сбросивших чачван. Мулла Муеллимов отвечал нам тихим и ровным голосом. Его красные глазки, оттянутые к скулам, кротко мигали.

Прошло около трех месяцев. Я работал в городе. Я жил в европейской части, на одной из боковых улиц, скудно электрифицированной и полной мелких, злых собак. Однажды ночью ко мне неожиданно пришли товарищи — двое из тех, кто проводил ударную работу в Баги-Даньяре. Это были Зуев с хлопкоочистительного и Латифа Бадретдинов с маслобойки. Они пришли, бледные, с длинными лицами, прямо с позднего заседания в горкоме.

— Случилось большое несчастье, — беззвучно сказал Латифа, тяжело сел на мою кровать и опустил голову на руки.

Он получил в этот день короткое письмо, составленное с чьей-то помощью одним из неграмотных декхан: «Случилось большое несчастье. Приезжайте, пожалуйста, скоро». Больше не писали ничего.

Лучше бы Латифа и Андрей сообщили мне что-нибудь дурное, касающееся лично меня. О счастливом кишлаке

Баг-и-Даньяре я любил вспоминать, засыпая после очень трудного дня, и засыпал с улыбкой, как человек, припрятавший про запас какую-то постоянную ценность, в роде облигации.

— У меня отпуск по липовой болезни, — сказал Зуев, — думал отдохнуть дня два. Уж видать общественное добро на пользу не идет вору. Едем в Баг-и-Даньяр и конец...

Мы выехали в 3.40 пополуночи.

Поезд пришел на пустынный полустанок ровно в девять. Росы уже не было. Сорная трава со щучьими зубами больно цеплялась за икры сквозь холстину штанов. Скоро мы достигли сухого каньона. За каньоном пошли тощие сады без собак и с невысокими дувалами. Сады сменились тоскливым нетерпеньем пустоты, пустота — новыми, лучшими садами; их можно было считать началом кишлака Баг-и-Даньяр.

Кишлак встретил нас удивительным молчанием. На дверях красной чай-ханэ висел замок; с земляного возвышения перед чай-ханэ, похожего на могильную насыпь, был унесен рыжий ковер и даже исподняя кошма. На хворостяных, засыпанных землей мостках через арык спал мальчик с медным вздутым животом и серебряными от пыли ногами. Больше людей не было. На створах частной лавочки тоже висел замок, величиной с полведра.

— Идем в сельсовет, — с трудом вымолвил Латифа, кусая ноготь большого пальца.

Солнце уже принималось мучить; воздух начинал вскипать; в усталых глазах мелькали лазурные пузырьки и стрелки. Злые, разбитые, с горечью во рту, как с похмелья, мы побрели в сельсовет, на другой конец кишлака. По пути нас встречало все то же беспросветное запустенье — то не было запустенье деревни, чьи жители разбрелись на поля—мы не встречали ни стариков, ни ребятишек, ни зашитых в серые темницы страшных треугольных баб.

— Пятый замок, — сосчитал мертвеющим голосом Зуев, указывая на голубую сельсоветскую дверь.

Сельсовет — наша гордость — батрацкий сельсовет Баг-и-Даньяра был заперт и заколочен, как частная лавочка, уничтоженная фининспектором за долги. В тоске мы бросились на базарную площадь. Она, естественно, была пуста — базар играл в кишлаке раз в неделю. Навстречу шел мальчик, тот, что давеча спал на мостках; он еще протирал кулачками красные глазища и с трудом выгребал серебряными ногами глубокий лесс.

— Все в мечети, весь кишлак, все дети и женщины, все, кроме сумасшедших, и тех, кто нечаянно заснул. Сумасшедшие в страхе заперлись в домах, а тот, кто нечаянно заснул, спешит в мечеть к своим родителям.

Так он сообщил Латифе, глядя на нас со страхом и презрением.

Мы испугались. Весь Баг-и-Даньяр в мечети! Ведь теперь не Рамазан и не Ураза!

Но мальчик уже бежал в мечеть, и в тишине его бег отражался лессовой почвой, как конский топот...

Мы поплелись к притону аллаха. У притона толпился народ. Молельня не могла вместить всех пришедших за дурманом, и часть из них оставалась за дверью. На земле был затеян чай. Над грязным паласом вспархивали чайники, по ковру прыгали пиалы, скреблись скрюченные шматки черствых серых лепешек. Мы нашли председателя Паваева, сидельца потребительской лавки Бокки, трех парней, подававших заявление в партию, и старика Балтабаева—автора письма к Латифе. Они с криком повскакали на ноги; председателя сжал в об'ятиях Зуева, сиделец Бокки — меня. Постепенно, привлеченный шумом, вокруг нас сгрудился народ. Кое-кто выдрался из самой мечети.

— Что случилось? — спрашивали мы, как потерянные, сжимая декханские локти, тряся за плечи, хватаясь за рукава, полы халатов, поясные платки...

— К нам приходил от бога шайтан,— отвечал весь кишлак Баг-и-Даньяр, гордость маккумской долины... Бледный, изможденный, худой, с землой в ноздрях, с тенями смерти во впадинах подбород-

ка кишлак стоял перед нами на дрожащих ногах: — К нам приходил шайтан, подлая поганая моржа, он оставил след, дорогие товарищи: он излил на землю свое семя. Все кончено. Ох, мулла предупреждал нас, а мы не слушали его! Пусть советская власть поможет нам деньгами или семссудой!

Я принялся трясти сидельца так, что, казалось, с него посыплются, как спелые плоды, глаза, зубы, уши... Но он стоял на своем:

— Приходил, излил, нагадил. Иди — смотри.

Могло померещиться, что на месте хлопковых полей, политых и окопанных с великой надеждой, простерся диковинный огород. Это было сборище оголтелых и гнусных растений, банда, сумасшедший дом, махновщина, сволочь. Какие-то подонки растительного мира, преступники в кудлатых папахах, кривобокие выродки, деклассированная мразь занимали пространство, политое декханским потом от конца поля благочестивого бая Кеюма до прямого арыка муллы. Среди грязных банд терялись здешние земледельческие нацменьшинства — просо, кукуруза, мак.

— Это просо тех, кто послушался господа и не посеял хлопка, — об'яснил парень, присылавший заявление в комсомол.

На поле муллы колосилась прекрасная пшеница. Она производила после всего впечатление святости и чистоты. Сладко было на немногих полях, засеянных хлебом, — на танапах сытых, правоверных людей. Хлопок погиб.

— Они задушили его. Эти травы — басмачи, — тихо сказал Паваев. — Они выпили всю нашу воду, выжрали наш помет...

Он шел рядом со мной. Впереди брели Латифа и Зуев с Балтабаевым. За нами тащилось человек двадцать, покинувших мечеть. Мы добились связного рассказа:

— Вначале хлопок шел из земли чистый, как молодая луна. На базаре в большом кишлаке говорилось о басмачах, но даже этого мы не боялись. В советской лавке не переводился товар; Бокки привез какую-то жирную копченую рыбу. Что нужно человеку? Вера в великое дело, хлеб, чай и штаны. В чай-ханэ пришел мулла с исламчулем Санадовым — бывшим аксакалом. Они бормотали, что в кишлаке пахнет бедой. Всевышний пошлет дьявола наказать нас за неверие. Вскоре под хлопком засорилась земля. Кишлак усердно полол. Полол, полол, земля не унималась. «Ну вот, уже свершилось. Он сбросил семя, облегчился и побежал по советскому пути», сказал мулла. Мы дергали и дергали. Земле становилось хуже. Хлопок не поднимется никогда. Зимой будет го-

лод; старики и дети умрут к концу февраля. Это было уже однажды триста пятьдесят лет тому назад в Арабистане, когда шайка нищих крестьян ограбила одного святого, торговца мануфактурой и пряностями. Сегодня мулла назначил, несмотря на будни, покаянный день. Но вы пришли, так помогите нам посеять немного хлеба. А соединять нас в общее хозяйство не нужно теперь, совсем не нужно: мы устали дергать и ничего не хотим.

— Товарищи, — простонал Зуев, — товарищи, это обыкновенная сорная трава!

По нескольким лицам прошла темная тень улыбки.

— Мы знаем, что это сорная трава, что же еще? Только почему ее так много, такая разная и так сразу везде?

Мы тоскливо переглянулись.

Это была сорная трава. Но такой жирной и сильной сорной травы никто из нас никогда не видал и не хочет увидеть. Я нашел крапиву, она походила на подзаборную крапиву, как тигр на кота. Я узнал подорожных «собак»: они были свирепы, как пастушеские псы. Злей верблюжьего клопа выросла серая пустырная травка.

— Ты еще коммунист? — вдруг спросил Латифа человека со шрамом поперек лба.

Это был коммунист, член сельсовета Джамал. Он вздрогнул, чуть отступил, но заставил себя ответить:

— Еще да.

Больше Латифа его ни о чем не спрашивал. Заговорил сиделец Бокки, жестикулируя дрожащими кулаками:

— Разве мы уже не хотим быть коммунистами? Я не сделал ничего дурного. Я тащил на себе копченую рыбу двадцать километров пешком, потому что ишаку не понравился ее запах, и он не захотел везти ее. Я сказал своей жене при гостях, что сам сниму с нее чачван, когда сыну исполнится два года. Днем, в лавке, я не мог посидеть отдохнуть, ночью я считал и считал про себя, вешал и вешал и думал, что еще купить, чтобы все радовались. Лучше бы я умер, чем он!

Он закрыл лицо.

Трое коммунистов весеннего набора были среди наших провожатых.

— Надо собраться, товарищи, — выдавил из пересохшего горла Латифа. — Собраться сегодня. Завтра пусть соберется весь кишлак. Послезавтра мы поедем в город.

— Соберемся мы или не соберемся — его не спасти, — угрюмо пробормотал худой ластоногий декханин.

Близ его расплывшейся и лиловой ступни полулежала тоненькая веточка хлопка в струпьях розовых засохших цветов. Я и Зуев приметили ее одновременно, и у нас заныло сердце.

— Уже не спасти ни за что, — спокойно отрубил Латифа. — Ссуду на пшеницу получить тоже трудно. Я не

знаю, как сейчас помочь. Зимой будет нечего кушать. Надеяться не на что. Но кто имеет зачем собраться, пусть подымет руку и придет.

Это было вне правил и декханских обычаев. Только шесть человек из двадцати подняли руки.

— Махтумов и Джурунбай заперлись дома и отказались итти в мечеть, — сказал предсовета. — Их сочли сумасшедшими. Они тоже соберутся.

Махтумов был новый мираб, выбранный беднотой, Джурунбай — милиционер и писец сельсовета. Они пришли на заседанье, запальчивые и одичалые, как люди, которым целый год нельзя было ни с кем заговаривать, которые давно не слышали даже собственного голоса. Они чувствовали себя сумасшедшими, удивленные собственным большевистским упорством.

Мы собрались в жилище Бокки. Это была душная и липкая комната, темная, по обыкновению всех декханских жилищ. Хозяин принес нам кошму, черствую, шелушащуюся грязью, как подметка. Слышно было, как за стенами кибитки, подпирая их, скребясь об них больными боками, уныло бродит, бездельничает, отхаркивается, сплетничает обнищалый, любимый кишлак.

Наши взоры были обращены на Махтумова — первого из двух, не пожелавшего покаяния в мечети. Теперь, ободренные нашим приездом, поддерживать Махтумова и Джурунбая готовились все; Мират был охвачен чувством, похожим на вдохновенье: его широкие ноздри вздрагивали, и в зрачках коричневых глаз происходили один за другим спешные электрические разряды. Он высказал свое сердце, поводя головой, как норовистый конь:

— Человек, который призвал чорта на помощь против человека — последний вонючий пес, собачья падаль. Когда мулла и баи увидели, что им пришел конец, они попросили бога прислать шайтана. Пусть сгниют они вместе с ним! Чорт — слуга богатых и жирных; бедным он не помогал никогда.

— Так же, как и бог, — очень тихо вставил Джурунбай, — без разрешения бога чорт никогда не ходит. Аллах пустил его на помощь богачам.

— Ни бога, ни дьявола не существует, — сказал я, как должен был сказать.

— Они оба одинаковы, — подхватил Махтумов, не обратив внимания на мои слова. — Аллах не так воспитан, чтобы пакостить при всем народе, и посылает, вместо себя, шайтана. Эти паршивые штуки мы очень хорошо знаем. Этих паршивых штук мы не боимся, за свое право мы готовы подохнуть все до одного!

— Ой, я ненавижу, — застонал Джурунбай, — я ненавижу!

Декхане сидели, угрюмо понурившись.

— От аллаха и шайтана можно ожидать всего, — с отчаянием, робко вставил Бокки и застыл на минуту с раскрытым ртом, прислушиваясь, не поразит ли его молния.

— Оставьте разговоры об аллахе, — глухо предложил старик Балтабаев; он покорно опустил голову на руки. — Ведь вот что вышло.

Латифа не выдержал:

— Нет никакого шайтана! — грубо крикнул он. — Нет никакого аллаха! Я даю честное слово, братья, как партиец, как узбек.

Тогда предсовета заскрипел зубами. Как на публичном собрании, он поднялся с кошмы:

— Все ли тут коммунисты? — громко спросил он, хотя отлично знал, что все, кроме стариков. — Тут только коммунисты, только свои! Какая ложь может быть между своими? Зачем, дорогой гость и брат, говорить, что шайтана и аллаха нет? Кому он говорит это?

— Нет! — крикнул Латифа, делая с отчаянием жест, будто разрывает на груди рубаху. — Нет!

— Зачем ложь между своими? — с укоризной повторил слова Паваева Джурунбай.

Паваев бросил нам вызов:

— Разве вы не считаете нас за коммунистов? Разве мы трусы, по-вашему, слабые бабы, дети? — Он нервно стянул на себе поясной платок: — Мы не дети,

нас не надо успокаивать сказками, ты нам не бабушка, высокоуважаемый Латифа! Аллах еще существует, как существовал всегда, но мы, коммунисты, не должны бояться его. Это наша честь. На наших полях видна рука шайтана. На наших полях трава шайтана — плевелы. Всякий знает, что плевелы—это его трава! Но если надо, я пойду, обкручу кишлак для общей великой пользы, я поклянусь, что шайтана нет — и пусть он посмеет тронуть меня! Но ведь здесь только свои. Мы не должны прятаться и лгать себе. Дело, я говорю, декхане? Мы должны знать, что нам угрожает наказанье и гибель от всемогущего. Во имя Ленина мы пойдем на них.

— Так, — мрачно ответили все, кроме Бокки.

Предсовета был бледен и прекрасен в эту минуту. Он продолжал голосом героя, твердым, как лед:

— Я узбек, я партизанский аскер, раненый в живот, я — член партии с этого года, я спрашиваю, неужели советская власть так слаба, что не может схватиться с шайтаном и аллахом? Уртакляр, я говорю, она может. Пусть я умер, как пес! Аллах против нас, мы против него; мы должны победить, а не то околеем. Гости, вы должны помочь нам, не оставляйте нас одних против целого аллаха!

— Советская власть знает средство против сора и против червяков и против белых дырок на листьях, — прошелестел сухими губами старик Балтабаев,— советская власть знает, может быть, средство против мести дьявола!

— Против мести аллаха! — звонко крикнул мираб.

Я беспомощно переглянулся с Зуевым. Политический промах сторожил нас. Мы не были ни учеными антирелигиозниками, ни агрономами. Мы, бесясь, не могли не гордиться своими товарищами, которые верили в бога и об'являли ему войну.

— Надо решать сейчас, — настаивали другие декхане, сами не зная, что именно решать.

— Мы добьемся для вас агрономической помощи во что бы то ни стало,— растерянно произнес Латифа, — мы добьемся для вас ссуды, мы добьемся особой комиссии для расследования, мы добьемся!.. — Он замолчал, вглядываясь в радостно заблестевшие глаза баг-и-даньярцев.

— Это не все, — тихо потребовал ластоногий Хаиджан. — Спасибо, да будет с вами мир! Это не все. Надо показать кишлаку, что шайтан бессилен перед нами. Иначе нам не будут больше верить, мы потеряем кишлак.

На нас глядели в упор наши братья и друзья. Было бы легче, окажись это провокацией баев, но они были искренни—искренни и тверды, как золото.

Зуев встал и тяжело прошелся по землянке:

— Мы пришлем в кишлак людей, которые докажут вам и всем, что аллаха с

шайтаном не существует! Они все расскажут, все об'яснят.

Кое-кто усмехнулся.

— Этого нельзя будет об'яснить, — устало сказал Балтабаев. — Его рука на полях.

Они гордились своим бесстрашием и готовностью бороться.

— Если бы мы были простыми людьми, — еще раз подчеркнул Махтумов, — вы могли бы успокоить нас, что бога и дьявола нет на свете. Но мы коммунисты. Мы должны смотреть правде в лицо. Мы скажем народу, что бог только пугало с ушами, но между собой...

Собранье охрипло. На голодных зубах скрипела пыль; пересохшие губы посолонели от споров и потрескались, как ноздри у ишаков. Но пойти в чай-ханэ — значило подвергнуться вопросам.

Ночевать мы трое — Андрей, Латифа и я — остались у Бокки. Ночь была невыносимая. В страшном одиночестве, страшной тоске лежали мы, скорчившись на черствой кошме, как на краю пропасти. Мы не знали надлежащих правил борьбы с аллахом, если нельзя убедить, что аллаха нет. Мы не знали, как убеждают. Мы молчали, поговорив друг с другом скупо и зло. Мне чудились вши и искры. Раскаленные блохи прыгали по рукам; сиделец Бокки стонал во сне, как маленький.

Светало. Днем соберется на сходку кишлак. Оставить дело так, как оно пошло, было невозможно, невозможно, невозможно...

Товарищ в истлевшей одежде, масластый, большой, в тюбетейке, пришлепнутой к острой макушке, как розовый пластырь, стал, пригорюнившись по-бабьи, на пороге кибитки Бокки.

Я высунул голову в мир. Весь кишлак неторопливо прохаживался по дороге, сидел на корточках, чаевал на помосте чай-ханэ.

— Ждут, — кивнул человек с острой головой. Он привалился к косяку, как рязанская баба, пришедшая взять взаймы сковороду или ухват.

Латифа сбросил с себя грязное одеяло. Зуев, встрепанный и бледный, растолкал Бокки, стонавшего во сне. Никто из нас будто бы не подготовился к тому, что сегодня взойдет солнце. Ничего не было решено. Махтумов, Джурубай, Паваев еще спали, наверняка, у себя по домам.

— Вы не бойтесь их... — сокрушенно прошептал декханин, — вам покушать бы надо хорошенько, да могут помешать. Ну, после покушаете, может, останетесь живы. А бояться чего-ж — ежели всевышнего вызвали на бой, бояться поздно.

— Откуда он знает? — Зуев скрипнул зубами и выбранился.

Гость поглядел на него влажными добрыми глазами.

— Может, ничего не случится еще, не захочет связываться всевышний — еще домой вернетесь, Паваева нашего возьмите с собой...

Я сжал изо всей силы ладонями виски, чтобы не потерять последнее самообладание.

— Вот я говорю, бояться не надо, что терять тебе? Советская власть — бедняцкая власть, и ты, русский, не бойся! «Приплелся к байге, на хромой кляче, смейся над кровным жеребцом» — такая у нас поговорка. Хочешь с великим тягаться, как великий, сам держись!

— Ты что болтаешь? — грубо спросил Латифа побелевшими губами.

Декханин горестно покачал головой:

— Не болтаю я; весь кишлак знает. Вы очень кричали вчера.

Он вздохнул прерывисто, как младенец, и присел на корточки, следя мирно и печально за каждым нашим движением. Мы, с помощью голубого черепка, умылись из кунгана, закопанного до середины в землю в углу жилья, и снова затоптались на месте. Зуев не вытерпел:

— Я сбегаю за Паваевым, и мы откроем сходку.

Он вытолкнул из рамы ветхую тяжелую дверь и, забыв прикрыть ее, побежал по пухлой дороге мимо загалдевшего кишлака. За Зуевым вырвался Бокки.

Наш гость нетерпеливо запер дверь и приютился на полу, поджав под себя

ноги. Теперь он созерцал зачем-то исключительно меня. Я криво и заискивающе улыбнулся.

— Нет уж, бедней меня никого не найдешь!—воскликнул неожиданно декханин.—Аллах, да будет благословенно его имя, ненавидит меня,—резко добавил он,—что ни сделаю, все напортит; лепешку ем, в рот глядит.—Его глаза вспыхнули и потемнели. Унылое тело напряглось; он хрустнул пальцами: — Вы — защита моя, ежели останетесь живы!

Мы молчали.

— Может, выйдете победителями, — беззвучно прошелестел губами гость.

Я увидел, как на глаза Бадретдинова навернулись слезы. Декханин рванул его за рукав:

— Тогда заставьте баев заплатить мне за работу! Меня зовут Умар. Ишак на масляном колесе не трудится так, как я трудился, я всю землю исползал от Сладкого Пятнышка до места, где жрал кабан, я пересох внутри, товарищ! Три рубля обещал мне мулла, три рубля, ичиги, рубашку, чай! Пусть он заплатит мне, я делал божье дело!

— От Сладкого Пятнышка до кабана... — недоуменно пробормотал Бадретдинов.—Двадцать *га*—больше, Умар! Но это в другой стороне, Умар! Умар, там нет полей! Что ты делал?

Декханин застонал, закрыл ладонями уши, закачался, как на молитве:

— Божью волю делал я, божью волю, по словам муллы, пусть он уплатит за нее! Лучше-б я считал песчинки, товарищ, звезды в небе, яйца саранчи! Мы искали семян, брошенных ветром, товарищ, я и еще восемь мужчин. Мы удили хлопок. Когда вы справитесь со своим великим делом, вы покараете нас. Пусть мулла уплатит нам за позор по ставке союза кошчи.

Он заплакал.

Зуев, Бокки, Паваев, Махтумов с Джамалом, Хайджан прорвались к нам сквозь терпеливую злобу Баг-и-Даньяра. Солнце уже накаливало снаружи глинобитные стены. Казалось, нас обложили саксаулом и подожгли. Я слышал глухие подземные удары: то не было землетрясение — они шли изнутри меня. Тяжелая кровь билась у нас в концах пальцев.

Умар рассказал правду. Необходимо верить. Так должно было быть.

Весной Баг-и-Даньяр принялся за дело. К лету вернутся гости с помощью. Кишлак топтал и рыл, как одержимый демоном труда. Такой демон существует. Бывают кишлаки, где есть также постоянный агроном. Баг-и-Даньяр предоставлен своей участи. Но у Баг-и-Даньяра есть честь. Кишлак дрожал бешенством работы, и чем бедней был декханин, тем крепче стали его руки, ибо в них вселились не рожденные буйволы и ишаки.

— Ну, а мы не труженики? Разве наши отцы не нажили своего добра желчью и потом? Беден тот, кто бездельничает или на ком нет благословения. А теперь мы покажем, как умеем трудиться, ежели пришла пора.

Так говорили баи. Девять батраков уминали жирный плов с шафраном и бе-

лой морковкой, обжигались чаем с зеленой халвой. Их узкие спины вздрагивали, бескровные уши жалко шевелились. Это были девять батраков, продавших обратно баям свои танапы, которые отдал девяти батракам земельноводный передел. Что могли они сделать с землей без орудий и без еды, с жалкой ссудой из бедняцкой кассы? Им хотелось хорошо поесть и одеться и сделать впервые в жизни зимние запасы для детей.

— То, что мы пожертвовали вам прошлой осенью за землю, — сказали баи после плова,—пустяки, по сравнению с милостыней, которую мы подадим вам за труд! И труд в этом году будет почетный, не тот, что всегда. Мы пошлем вас искать алмазы в кучах помета.

Тогда со вздохом подал голос кроткий мулла:

— Потому что бывают времена, когда во имя бога все шиворот-навыворот: алмазы становятся навозом и алмазами навоз.

И впервые в жизни шесть баев Баг-и-Даньяра остались на своих полях без батраков. Шесть баев гнули спины, как чайрикеры: пот залеплял им глаза, и загривки покрывались от солнца болячками; лица баев стали похожи на лица честных людей. А девять батраков исползали всю землю до Сладкого Пятнышка, до места, где жрал кабан. Семена растений, не имеющих дома, семена нищих и бесполезных теряются в море праха, как сила нечестивого мужчины, растраченная на поганых блудниц...

Хлопок убили люди.

Паваев растерялся, как охотник, упустивший дичь; его огромные ноздри трепетали, вынюхивая врага, но аллаха не было в рассказе Умара. Сорную траву посеяли баи руками батраков.

— И кишлак не поверит нам,—глухо прошептал Бокки.—Пускай даже все эти девять покаются на народе, кишлак не поверит нам.

— Падаринга! Кишлак поверит скорей в духа с лошадиной задницей, я сужу по Паваеву и по себе,—Джамал скривился.

Нам предстоял бой с людьми, которые называли нас дорогими товарищами. Наша дружба с Баг-и-Даньяром была сварена крепко из слез и пота, едких, как нашатырь.

Кто-то постучал в дверь кибитки ногами. Вслед за грохотом раздался взрыв голосов. Требовали мираба. Паваев выглянул, бледный и отощавший, как последняя четверть луны. Его встретили градом колючего смеха:

— Мы хотели полюбоваться на твою рожу! Прячься обратно, трус!

Избегать об'яснений было нельзя; мы вылезли из кишлака, прошли на негнущихся ногах в чай-ханэ и поставили себя лицом к угрюмому лицу Баг-и-Даньяра. Любимое дыхание кишлака обожгло веки и лоб.

— Товарищи! — крикнул я невольно, как бы начиная речь. Но сказать мне было еще нечего. В голове и под грудью медленно открылась черная беспомощная пустота. Между луной и декханами повис, кротко моргая, страшно ясный портрет муллы с бородавкой на тонком носу и пухлой верхней губой.

— Товарищи!—крикнул Латифа Бадретдинов, словно перехватывая знамя из моих мертвых рук.

Баг-и-Даньяр загудел и закачался перед бурей.

— Товарищи! Товарищи! — Лафита огляделся: из-за спины его вылез потный и зеленый Умар. Батрак вытянул цыплячью шею.

— Братья! Пусть вылезут Шарип, Файзлетдин, Нурхат, Касым, Вонючка, Джура, Халиль и Грыжа-Юсуп! О-о! — позвал он:—Халиль! Джура! Грыжа-Юсуп! Шарип! Касым! Нурхат! Файзлетдин!

Они откликнулись визгливой бранью. Умар затрясся и завыл:

— Сучье семя! Я все рассказал начистоту. Декхане, голубчики, сладкие декхане, валяйте за нами, во имя всемогущего, мы покажем вам!

— Что покажешь?—насмешливо сбычилась толпа.

Он вытащил на дорогу меня и Латифа; за нами бросились с Паваевым Бок-

ки и Зуев. Толпа внезапно всколыхнулась, пропуская к нам сторонников.

— Где старик Балтабаев? — вспомнил я.

Он подошел.

— Скорей к дому Исламгуля!—скомандовал Умар, икая и рыгая от страха.— Надо, надо!

Мы растерялись и побежали по дороге.

— Гей!—свистнул кишлак.

За нами горячим табуном взвилась часть толпы: впереди нее скакал короткий мулла, страшно высоко поднимая колени.

— Проклятье!—визжал он.—Прокляты, уже гниете, уже со спины, я вижу! Прокляты, прокляты, прокляты! Слава аллаху! Уже гниют печенки, уже готово! Прокляты все, кто бегут, голытьба! Проказа!

Я впервые услышал его настоящий голос.

— Обернись еще!—задохнулся Андрей.

Позади тяжко и грозно несся весь Баг-и-Даньяр в облаках лессовой пыли. У дома Исламгуля нас настиг сам хозяин, высокий, квелый человек с кирпичными щеками, с землистым лбом. Вокруг него металась куча баев.

— У меня хворает племянник!—крикнул Исламгуль.—Табиб говорит, если вы войдете в дом, племянник умрет.

— Я это говорю,—прошлепал губами жирный зловонный табиб.

— Он говорит,—прошумел кишлак.

Итти напролом было бы ошибкой.

— В другой раз пожалуйте покушать плов. Я позову вас,—поклонился Исламгуль. Он издевался.—Я рад гостям, уважающим жирную стряпню. Угостить бедняков—заслуга перед всевышним.

Кишлак захохотал.

— От ворот поворот, — ненавидяще пробормотал Зуев.

Из людского водоворота выпрыгнул, задыхаясь, Грыжа-Юсуп:

— Отворяй!—грохнул он в лицо Исламгулю. — Знаешь, что не в гости пришли.

Баг-и-Даньяр замолк. Лицо бая стало лиловым.

— Мусульмане! Дети мусульман! Они хотят итти к нему на женскую половину! Правоверные!—завыли кулаки.

На мгновенье Баг-и-Даньяр кончил жить. Стало холодно и тихо. Мне смертельно захотелось спать, и я оперся о Бокки. Нас разметал веселый грохот:

— Отворяй!

Не помню и не могу вообразить, как соблюли порядок. Десяток выборных, считая троих нас, Махтумова, предсовета и Умара, прошли на маленький мощеный двор. Он был оплетен сияющей виноградной листвой; под навесом листвы, светлой, как горящий спирт, гудел наклонный шмель, похожий на бочонок. Тонкая женщина вильнула в щель в стене, оставив запах затхлого белья. Хозяин пощелки-

вал зубами и бил себя связкой ключей по бедру.

— Вот они,—сказал Умар.

Мы нервно огляделись. Он указал на место, покинутое женщиной. Под защитой высоких и слабых цветов стояли глиняные кубышки.

Хозяин загородил путь:

— Женские дела.

Джамал отодвинул его. Но в кубышках лежали стеклянные кухонные безделушки: трубочки с молотой приправой, блюдца, удобные для сластей.

— Вот, вот! — хрипел Умар, торжествуя.

Мы не узнали сначала этих кружков и палок—так чудовищно встретить их на ичкары. То были пробирки для опытного взращивания семян, парфитки для проб, лаборатория культурного хозяйства.

Из кубышек разило нюхательным табаком, чихательной пудрой, жаром. Здесь хранились мелкие сухие и злые семена. Концам пальцев они казались насекомыми и словно жужжали на ощупь. Их было много. Хозяин хлестал себя по бедру ключами, как пантера хвостом.

С апреля по июль трудилась с подругами его младшая жена. Она бессмысленно подымала к свету пробирки, заклиная урожай, угодный мужу, богу и мулле.

Кишлак на мгновенье отхлынул назад. По десяткам пересохших губ прошел шелест ужаса. Мулла всенародно зарыдал, заломились руки над крошечной головой.

— Бейте отступников! — взвыли декхане.

— Дайте им говорить!

— Пусть скажут сами!

— Эй, Махтумов! Джамал! Паваев! Поживей говорите. Ждать не станем, у нас руки чешутся! Слышите, живей, не то не выдержим! Ой-ой! У нас камни в руках!

Но к Бадретдинову вернулся разум. Кося и вздрагивая, Латифа вспрыгнул на твердое рукопожатие Махтумова и Бокки.

— Товарищи, нам не нужно его ичкары — ишаку под хвост! Они врут, чтобы поссорить нас. Мы хотим расследовать, что стало с хлопком. Товарищи, шайтан не трогал хлопка. Его убили люди, товарищи! Его отравили...

Один из баев бросился на Латифу, повалил его на землю. Другой прыгнул на Умара, но руки декхан, созревшие для побоища, поднялись на нашей стороне.

— Кого я бью! — вопил обезумевший чайрикер, отстояв Бадретдинова.—Ой, худо, кого я бью! Почтенного человека, богатого человека! Я дышу его милостями. Ой, худо, что делать? Вот я его бью!

Меня ослепил удар в чужой висок. Я отскочил к стене. Рядом со мной кричал Махтумов:

— Я клянусь вам могилой отца, аллах не послал шайтана! Шайтан не трогал полей. Я сам об этом жалею. Пусть расскажет Умар.

Но Умар стоял в глубоком горе, с мутными круглыми глазами, с подбородком, мокрым от слюны. Невероятным усилием он поднял голос; ответ его был страшен для нашей судьбы:

— Рахметулла-бай сказал правду. То, что я желал, спрятано на изказы, я забыл. Семена и зерна, сладкий народ, семена и зерна...

Умар потребовал от толпы:

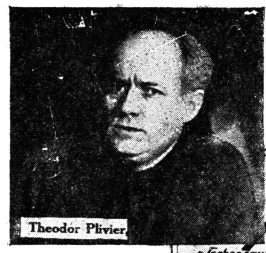
— Халиль! Хайзл, етдин! Грыжа-Юсуп! Кассым-вонючка! Шарип! Джура! Нурхат!

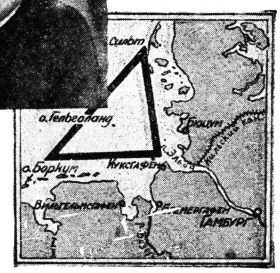
Они пришли. Они плакали навзрыд и требовали восемнадцать рублей за работу.

Когда мы вышли к кишлаку, воздух был совершенно трезв; в небе, близком и чистом, не оставалось ни капли аллаха. Толпа дышала ровно и глубоко; мы говорили с ней. Баг-и-Даньяр был взят.

В город нас ехало пятеро: Латифа, Зуев, я, Умар и Паваев. Умар спал. Нас знобило. На нас дрожала кожа, как на загнанных лошадях. Когда я закрывал глаза, темнота под моими веками ходила вверх и вниз. Время от времени меня потрясали приступы глубокого счастья победы; даже гибель хлопка в Баг-и-Даньяре не унижала их.

МОКРЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК





Из романа
Т. ПЛИВИЕРА

Иллюстрации
В. ГОЛИЦИНА

Недавно в Германии появилась новая книга об империалистической войне «Рабы кайзера» («Kaiser's culies») Теодора Пливиера. Мы даем 2 главы из этой интересной книги, мало уступающей «Огню» А. Барбюсса и, несомненно, превосходящей пацифистский роман Ремарка «На западе без перемен».

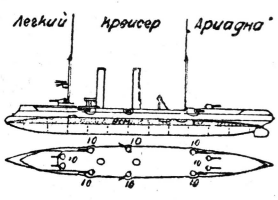
Т. Пливиер — новый писатель, его трудно причислить к определенной литературной группировке; пожалуй, всего ближе он стоит к импрессионизму. Читать его трудно, и в этом не всегда повинен переводчик. Но образы его настолько ярки, что мы не сомневаемся в крупном успехе его книги, выходящей скоро на русском языке в изд-ве «Молодая Гвардия».

I. «Ариадна» на страже

КАРЛ Клеезаттель стоит на вахте в «вороньем гнезде». С вершины Марса во все стороны открывается широкий вид. Судно внизу кажется вытянутым, заостренным с одного конца эллипсисом. Вахтенные у орудийных лафетов устарелого корабля в перспективе выглядят горбатыми карликами.

«Ариадна» [1] несет сторожевую службу: четыре дня в порту, четыре—в море.

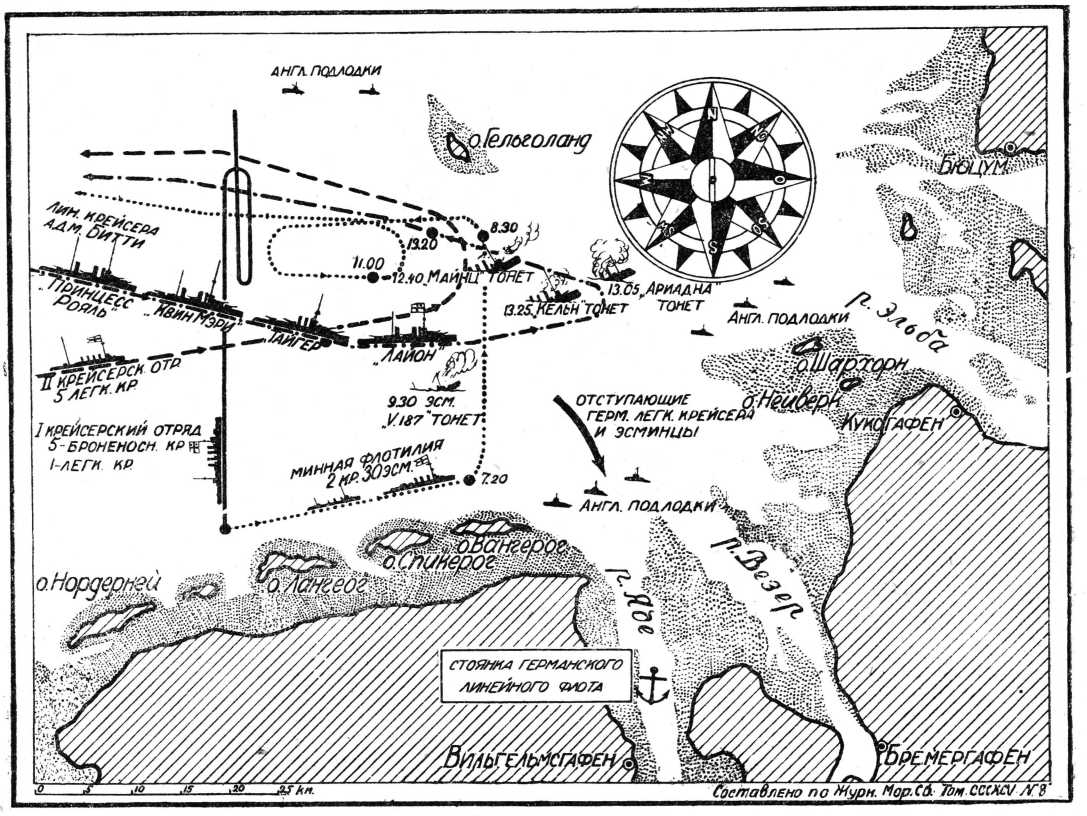
Прошли мимо третьей линейной эскадры. Суда современного типа с грозными башенными орудиями стоят на якоре, защищенные с фронта песчаными мелями, минными полями и выдвинутыми широкой дугой в Северное море мелкими сторожевыми судами. «Ариадна» идет вперед, делая по двадцать морских миль в час.



[1] Легкий крейсер «Ариадна» постройки 1900 г., 2618 тонн. Вооружение: 12 ор. 10-см., ход—21 узел.

Песчаная полоса слева — это остров Вангероог. Старая колокольня на западном его конце, в течение нескольких столетий служившая приметой для приходящих с моря кораблей, сплющилась в груду развалин: ее сносят, чтобы не давать неприятелю ориентировочного пункта для нападения. К западу от Вангероога лежит Шиикероог, затем Лангероог, Бальтрум, а дальше, от самого Боркума тянется цепь восточных Фрисландских островов. От Боркума, лежащего у голландской границы, до Сильта на голштинском побережье крейсируют сторожевые суда — миноносцы и вооруженные тралеры, несут патрульную службу легкие крейсеры.

Линия Боркум — Сильт — основание «мокрого треугольника», одно его бедро — восточно-фрисландский, другое — голштинский берег. Вершина лежит в устье Эльбы, в порту Куксгафен. На всей площади «мокрого треугольника» разбросаны подводные мели, опасные песчаные перекаты. Серое море коробится ко-



Карта битвы при Гельголанде.

роткими острыми волнами. Низко над водой стелются клубы тумана, собранные ветром в летучие острова.

«Ариадна», как маятник, мечется между востоком и западом. Через каждые полчаса она берет обратный курс.

Каждые два часа сменяются вахтенные, каждые четыре — вся вахта. Для свободной смены назначается работа — просмотр обмундирования. В кубрике по десять человек за столом сидят матросы, чинят белье, нашивают именные лоскутки на свое обмундирование. Некоторые под прикрытием наваленных на столах груд цейхгаузного материала рискуют сразиться в скат.

Гейн Матизен, в мирное время слесарь гамбургского завода «Блоом и Фосс», тасует и сдает карты.

— Пики козыри! Валет трефей!..

— Не орите так! — одергивает кто-то.

— Э-э, пустяки, боцман Вейс дежурит, этот ничего не скажет.

За соседним столом сидит Карл Клеезаттель, вокруг него несколько человек.

— Куда мы с нашими жалкими хлопушками! — рассуждает он. — Мы, мелкие крейсеры — только передовые дозоры. Наше дело — сообщать, что делается кругом. А когда нужно, выйдут на сцену бронированные крейсеры. А за броненосцами — тяжелый морской флот, гиганты.

Клеезаттеля прозвали Адмиралом, он — матрос действительной службы и дока в морской технике.

— Когда отслужишь свои три года в этих серых коробках да еще ткнешься раз-другой носом в книжку, так все станешь понимать, — продолжает он. — Морской устав я, конечно, в счет не беру. Там написано только про то, как держать себя перед начальством, какое значение имеет присяга, сколько нашивок на

рукаве у вице-адмирала и тому подобная ерунда.

— Да, уж эта проклятая «словесность»! Учили бы нас лучше тому, что действительно важно. Особенно сейчас, когда война.

Адмирал снисходительно улыбается:

— Вишь, чего захотел. Это не пройдет. Тогда ты будешь такой же умный, как офицеры, а это им не на-руку. Где твое место в бою? Бакборт, затвор второго орудия! Правая рука на рукоятке затвора сверху, левая — внизу...

Боцман Вейс, приземистый человек, упруго шагает вдоль столов. На минуту останавливается и прислушивается. Изрытое оспой лицо, мощные скулы, за суровыми чертами прячется добродушие.

— Держи ухо востро, братцы! — бросает он и медленно шагает дальше.

Клеезаттель понимает, почему у боцмана Вейса после девяти лет службы всего один якорь на рукаве.

Быстро и незаметно прячутся карты. Матросы склоняются над шитьем. Обер-лейтенант входит в кубрик. Мешковато висит мундир на его длинной сухопарой фигуре: из запаса, откуда-то из Силезии, чиновник.

— Стать в круг!

Обер-лейтенант вскарабкался на зарядный ящик и стоит на нем, как на кафедре, держа в руках переданный по радио приказ начальника флота:

«Английские морские силы патрулируют только между норвежскими и шотландскими берегами. В остальной части Северного моря до сих пор не обнаружено неприятеля. Английский боевой флот держится за пределами досягаемости наших боевых сил. Но рано или поздно неприятель должен показаться. В момент этой решительной схватки мы выступим со всеми своими боевыми судами!»

Кроме приказа, обер-лейтенант принес свежий номер иллюстрированного журнала для развлечения команды. Он читает два стихотворения. Одно воспевает «Гебен» и «Бреслау», прорвавшиеся от Мессины к турецким берегам, второе — героя-лейтенанта, который бросился с протянутой шпагой под град пуль и упал с возгласом «Ура кайзеру».

Обер-лейтенант Альвенс декламирует с мрачным, фанатичным выражением лица. Прядь волос упала на лоб. Глаза его широко открыты, подобно глазам лейтенанта, героя стихотворения. Матросы стоят неподвижно и смотрят мимо офицера, на железные стены кубрика или через иллюминаторы на стелющиеся над морем серые массы тумана.

— Разойтись по местам! Кончить работу!

За ужином приходится держать жестяные кружки с чаем в руке, балансируя, чтобы не пролить. «Ариадна» вся трясется на быстром ходу, как лихорадочный больной.

— Только и еды, что хлеб да маргарин, — сетует кто-то.

— Колбасу еще увидишь два раза в неделю. А шпику никогда, — говорит Гейн.

После ужина закуривают трубки. В голой, неприглядной каюте становится теплее и уютнее, когда она заполняется сизыми клубами табачного дыма. Матросы и кочегары гуторят еще некоторое время о войне, о еде, о начальстве, пока не раздается команда:

— Гасить огни! Соблюдать тишину!

II. Готовь судна к бою

На Марсе в «вороньем гнезде» висит Карл Клеезаттель. Он почти на одном уровне с облаками, высоко над капитанским мостиком и над обеими трубами. Неясный брезжущий свет. Ночь уходит, но день еще не наступил. Клеезаттель весь отсырел. Море спокойно, над водой поднимаются островки тумана. Клеезаттель засовывает руки в карманы. Лицо он может запрятать в воротник только до рта. Все время должен он следить за горизонтом, впиваться глазами в ползущие клубы тумана. На три-четыре морских мили — больше не видно. Сердце замирает в этом сером хаосе.

Вдруг он вскакивает. Слева впереди мутная масса тумана словно глухо ухнула. Клеезаттель вытягивает шею, вглядывается в туман. Ничего не видно, кроме ползущих дымных клубов. Вдруг опять глухой гул. Еще и еще. Залпы тяжелых орудий!

«Ариадна» меняет курс. Полным ходом врезается она в гудящий туман. Палуба оживает. Матросы подбегают к орудиям, занимают свои посты у телефонов и аппаратов, контролирующих работу артиллерии. Кочегары свободной вахты исчезают в люках, ведущих в машинное отделение.

— Готовь судно к бою! Все на свои посты!

Комендоры проверяют инструменты у своих орудий. Гремят под'емники, подавая снаряды и гранаты из камер, расположенных ниже ватерлинии. Санитары выстраиваются перед лазаретом. Внизу, в котельном отделении, кочегары стоят, согнувшись перед топками, бросают мощными, широкими движениями полные лопаты в глубокие пасти топок или мешают тяжелыми кочергами раскаленные угли под котлами. Тела их красны, как уголь, который они мешают. Пот прокладывает белые канавки в облепившей кожу угольной пыли. В машинном отделении сверкает металл, валы и рычаги в бурном движении. Между ними — машинисты с комьями тряпок в руках, вымазанных машинным маслом. Давление пара из десяти котлов вращает отливающие синевой стальные валы, заставляя винты на их концах бешено взбивать воду. Главный инженер в кабине соединен слуховыми трубками со всеми частями машинного отделения.

— Сто двадцать четыре оборота! — рапортует он командиру.

На капитанском мостике в руках командира судна сходятся все нити: артиллерия, машины, навигационное руководство, радио. Благодаря радиосвязи «Ариадна» является протянутым вперед щупальцем мощно вооруженных броненосных крейсеров, стоящих под парами на рейде.

III. А гигантов все нет...

Три часа уже несется «Ариадна» полным ходом. Наблюдательный пост на Марсе усилен еще одним человеком. Гейн Матизен стоит плечом к плечу с Адмиралом в «вороньем гнезде». И тот, и другой не отнимают подзорной трубы от глаз.

— Видишь что-нибудь?

— Ничего.

— Стрельба, однако, как-будто стала крепче.

— Хоть бы скорей разразилось! — говорит Клеезаттель.

Матизен обшаривает глазами горизонт со стороны кормы:

— Наших броненосцев еще не видать.

— Это потому, что такой туман. Они тут же, за нами, как на маневрах. Как только мы наткнемся на англичан и дадим им знать, они живо ринутся вперед.

Чуть-чуть светлеет. В безбрежной облачной пелене открывается просвет, но кругом все еще стоит стеной влажный туман.

— Адмирал, а Адмирал! Видишь там?

— Да, справа впереди.

— Судно справа впереди! — рапортует Гейн вниз, на капитанский мостик. — Курс прямо на нас!.. Три трубы! Это — «Кёльн» [1]. Под неприятельским обстрелом!.. Спасается бегством.

Еще одно судно вырисовывается на фоне тумана, какой-то серый гигант. Прожектор «Ариадны» бросает распознавательный сигнал. Судно не отвечает.

— Броненосный крейсер!

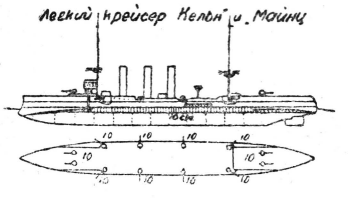
— Английский!

На капитанском мостике распознали судно. Часовые у мостика, орудийная прислуга передают друг другу, кто что слышал. «Ариадна» — клубок напряженных нервов. Внизу, у вентиляционных люков и под'емников, в камерах, расположенных ниже ватерлинии, тревожно-любопытные лица.

— Что там на палубе? — спрашивают голоса из бункеров, из машинного и котельного отделений.

— Здоровенный англичанище!

— Флагманское судно «Лайон».



[1] Легкий крейсер «Кельн»; постройки 1909 г; 4280 тонн, вооружение — 12 орудий 10-см., ход 25,5 узла.

— А наши корабли?

— Все еще не видать.

Второй броненосный крейсер того же класса показывается вдали — «Тайгер» [1]. Шестнадцать тяжелых башенных орудий направляются на крошечную «Ариадну».

— Руль на штирборт! — отдает приказ командир.

Крейсер ложится на обратный курс, стараясь полным ходом скрыться в туман. «Лайон» [2] дает залп из передней башни. Из нескольких жерл сразу вылетают клубы дыма.

— Что твой курьерский поезд по железному мосту грохочет! — констатирует Гейн Матизен.

Клеезаттель напряженно молчит.

Полторы секунды!

Два фонтана вскидываются из моря в нескольких стах метрах от судна.

— Пять тысяч пятьсот! — командует начальник артиллерии. — Залп — пли!

Оглушительный грохот! Стволы орудий подаются назад в лафете. Тринадцать кило железа из каждого орудия! Но от мощной брони крейсеров снаряды отскакивают, как горошины.

2 600 — тоннаж «Ариадны».

30 000 — тоннаж броненосного крейсера.

Пять человек орудийной прислуги на «Ариадне» стоят без всякого прикрытия на палубе. Восемьдесят человек прислуги каждого британского башенного орудия защищены толстой стеной брони.

Следующие фонтаны всплескиваются совсем близко за кормой «Ариадны». Противник пристрелялся. В воздухе — перекрестный огонь с обоих броненосцев. Бурый дым подымается завесой.

«Кёльн» скрылся в тумане.

«Ариадна» повернулась к неприятельским крейсерам кормой, представляя собой лишь узкую мишень. Снаряды шлепаются в воду рядом с судном. Водяные столбы, вспыхивая зеленым блеском, взвиваются вверх и рушатся на палубу. Десятки тонн воды чуть не с заоблачной высоты — какая мощность удара! Судно стонет и дрожит всеми своими шпангоутами и вдруг оседает кормой, как перегруженное вьючное животное, садящееся на зад.

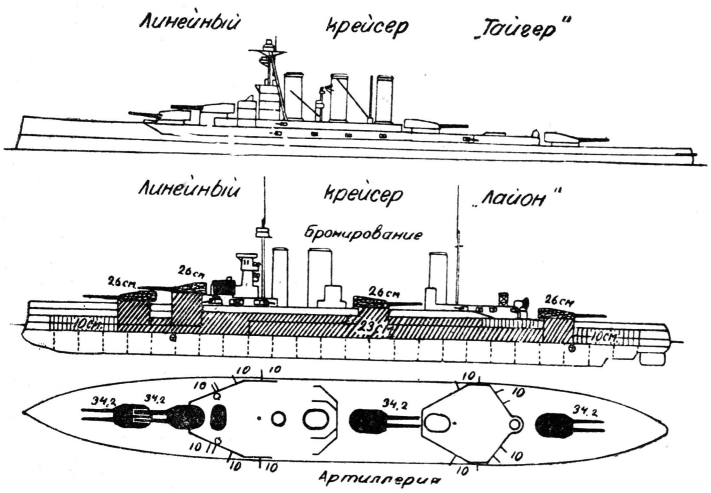
Различные предметы в камерах и отделениях летят в беспорядке на палубу. Стекла и контрольные инструменты разбиваются. Нити электрических лампочек перегорают. Ют захлестнут. Из-под стекающей воды показываются в кровь разбитые лица. Длинноногого обер-лейтенанта Альвенса уносят со сломанными руками.

— Больше оборотов!—требует командир.

— На помощь! — барабанят пальцы по клавишам радиоаппарата.

— Пли! — командует начальник артиллерии.

Кочегары работают, как черти. Тачки с углем, кочерги, захлопывающиеся то-



[1] **Лин. крейсер «Тайгер», постройки 1910 г., водоизмещение—21000 тонн; вооружение: 8 орудий 34,2-см., 16—10-см., ход — 33 узла.**

[2] **Линейный крейсер «Лайон», постройки 1913 г., водоизмещение—26 350 тонн; вооружение: 8 ор. 34,2-см., 16—10-см; ход — 31,7 узлов.**

почные дверцы. Пропитанные потом отрепья прилипают к телу. Легкие и грудные клетки работают, как мехи...

— Пару! Пару!

На палубе, у орудий мечется прислуга. Все приближающиеся серые чудовища в поле зрения подзорных труб. Перекрестный огонь. Удушливые пороховые газы. Дым ест глаза. Глотки — точно кожаные.

«Лайон» и «Тайгер» стреляют с большими промежутками, но они выбрасывают с каждым залпом 6 600 кило стали и динамита.

— Эй, там, на палубе?!

Кочегар Туруславский стоит внизу, у отверстия вентиляционного люка.

— Что, видны уже наши гиганты? — спрашивает он.

Матрос наверху — звено в цепи подавальщиков снарядов — вдруг выпускает из рук груз, который должен был подать соседу. Соседа больше не видать. К железной стене прилипло что-то плоское и широкое, как растянутая коровья кожа, красные и серые струи стекают на палубу...

— Чего им нужно все время, этим кочегарам?

Матрос просовывает голову в вентиляционный люк.

— Не видать еще наших гигантов? — повторяет Туруславский.

— Сволочи! — кричит матрос в темноту люка.

Туруславский схватывает лопату и принимается опять за работу. Котлы стоят под парами, готовые взорваться, но работоспособность машины достигла предела.

— Старый хлам, проклятое корыто!

— С таким ходом далеко не уйдешь!

Подавальщики снарядов, наблюдатели в «вороньем гнезде», орудийная прислуга все время оглядываются на восток, откуда должны прибыть им на выручку тяжелые суда. И каждый раз, как налетающий металл разрывает воздух, все живое пригибается к палубе.

— Карл!..

— Гейни! Ты еще жив?

Матросы смотрят в лицо друг друга, словно в дрожащее зеркало. Глубоко втягивают воздух.

Мачта еще стоит.

— Это воздух давит. Ничего не поделаешь, Гейн!

Так, должно быть, ощущается землетрясение. Такой же толчок снизу, переворачивающий все внутренности. Мускулы словно отрываются от костей. Нервы дрожат.

IV. Багровый хаос

Граната пробила палубу и застряла в носу. Сжатый воздух с воем вырывается через брешь. Угольная пыль и бурый дым! Через все проходы, люки, под конец через пробитую гранатой в палубе брешь струится поток полуголых черных тел. Кочегары... Они покидают трюм. Уголь в бункерах горит. Котельное отделение полно дыма. Пять котлов приведены в негодность.

«Ариадна» мчится лишь с половинною скоростью.

У переднего орудия разрушены аппараты. Телефон, подзорная труба, визирные приспособления — все уничтожено. Боцман Вейс измеряет фут-штоком дуло.

— Залп — пли!

Позади облака дыма от выстрела матросы приседают—пять человек у каждого орудия. Горсточка на капитанском мостике, на сигнальной и прожекторной вышке. У подножия мостика и вокруг цоколя трубы столпились кучкой прибежавшие снизу кочегары. Пальцы рук судорожно сцеплены. Челюсти стиснуты так, что скулы белеют под кожею щек.

Орудия на корме не получают больше снарядов. Люк под'емника смят. Каюта под кормой погружена в темноту. Команда ее ощупью пробирается между ящиками со снарядами и штабелями гранат, по живот в воде, к железному трапу.

— Кинле, чего застрял? Карабкайся! Живей!

Матрос Кинле добрался до выходного люка, одной рукой он уперся в поручень трапа, другою изо всех сил толкает захлопнутую и примятую в пазах крышку люка. Переводит дух и пробует снова.

— Ну, ползи дальше!

— Да не идет! — выкрикивает, наконец, Кинле.

Этажом выше, под броневой палубой I и II, крышка люка тоже защемлена и не подается ни на миллиметр. Смята попавшим снарядом. Пятнадцать-двадцать человек сгрудились в темноте на трапе. Они напряженно считают удары молотков, прислушиваются к скрежету инструментов, которыми сверху пытаются открыть люк. Старший офицер с ремонтным отрядом пытается освободить заключенных. Несколько кочегаров, в том числе Туруславский, с большим кузнечным молотом проникают под бронепалубу.

Внезапно вспыхивает ослепительное пламя. Все предметы превращаются в бешено несущиеся снаряды. Человеческие тела подхватываются, как сухие осенние листья, и с силой ударяются о железные стены. Туруславский и другие кочегары лежат на палубе около люка, как рыбы, выброшенные на сушу, и ловят воздух широко открытым ртом. Ремонтный отряд сметен, исчезли и раненые, которых расставили на носилках под бронепалубой, а с ними санитары, врач, старший офицер. Из кучи тел у стены поднимается длинноногое привидение и ковыляет через каюту — обер-лейтенант Альвенс. Лижущие палубу синие языки пламени охватывают его со всех сторон. Его руки — пылающие факелы. Те, кому удается спастись из-под обломков на верхнюю палубу, слышат его высокий пронзительный крик...

***

Гранаты летят теперь по плоской вытянутой траектории, обрывая у судна борта. Из всех дыр бьет пар, клубятся черные тучи дыма. В задней котельной тоже гаснет свет. Камеры заполняются дымом, каюты выметаются начисто. Кто еще может ходить, покидает ют. Уцелевшие вытаскивают раненых. С капитанского мостика свешиваются разорванные снарядами телефонные кабели и слуховые трубки, словно растерзанные металлические кишки. Мостиков, труб, мачт больше не видно. Они скрыты густой пеленой дыма, которую разбитый корабль волочит за собой.

Небо, в течение получаса висевшее над «Ариадной», словно огромная гремящая металлическая плита, вдруг перестает колебаться и снова становится спокойным.

«Лайон» и «Тайгер» больше не стреляют. Ничего нельзя разглядеть в дыму. Только две шлюпки годны еще для плавания, слегка потрепанные осколками. Они быстро спущены на воду. По канатам в шлюпки спускают раненых. Раны наскоро перевязывают. Нога, висящая лишь на обрывках мускулов, отрезается простым ножом.

Остальной экипаж толпится на носу. Воспаленные глаза, охрипшие голоса.

— Под второй бронепалубой есть еще кое-кто!

— И в задней аммуниционной камере.

— Камеры все залиты водой!

— Боцман Вейс и еще несколько человек на корме!

Сто пар глаз оглядываются назад, на гигантский, бурлящий парами котел. Снаряды и гранаты, лежащие возле орудий, с грохотом взрываются. Трюм корабля — пылающая печь. Тонкая броня палубы под ногами становится все горячее.

Офицерский мундир, четыре золотых нашивки на рукаве — командир. Он произносит речь, всего несколько фраз.

Почему не подоспели немецкие бронированные крейсера и линейные корабли? Почему «Ариадна» должна была дать себя расстрелять? На эти вопросы он не отвечает. Он заканчивает речь троекратным «ура» в честь «его величества кайзера».

Какая-то тень выплывает из багрового хаоса — кучка матросов. Они поддерживают друг друга и медленно плетутся вперед—Пауль Вейс со своими людьми. Обожженные и обессилевшие, они подходят к борту. Тех, что были под бронепалубой с ними нет.

Командир отдает приказ:

— Надеть спасательные пояса! Все за борт!

*

(Второй отрывок в августовской книжке).

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА МИНАЕВА

Пародия Е. ТОЛКАЧЕВА

Иллюстрации М. ГЕТМАНСКОГО

КОЛЛЕКТИВНАЯ НЕНАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Советский приключенческий рассказ часто носит еще на себе отпечаток штампа, в большинстве случаев он схематичен и нередко подражает худшим приемам так называемого авантюрного романа эпохи ресцвета западно-европейского и американского империализма.

Этим приемам мы об'являем беспощадную борьбу. Знамя «Борьбы Миров» — знамя советской героики, славящей борющийся за социализм коллектив, знамя революционной романтики сегодняшних дней и подлинно научной фантастики, помогающей нам видеть близкое «завтра» социалистического строительства.

«Открытие д-ра Минаева» пародирует типичные литературные приемы, язык и стиль советских «приключенческих» авторов.

Гл. I. А. Беляев — Человек с четырьмя ногами

МИЛИЦИОНЕР Потапов только что сменил товарища на посту, на углу Никольской и Собачьей площадки, когда к нему быстро подошел неизвестный гражданин.

Гражданин был прилично одет в форму совслужащего с туго набитым портфелем. Подмышкой у него был толстый том «Жизнь животных» Брэма, «Жуки Европы» и «Психоанализ» З. Фрейда в трех томах с золотым обрезом.

Гражданин положил книги на мостовую и спросил:

— Скажите, пожалуйста, как пройти на Красную площадь через Земляной вал?

Усердный служака, милиционер Потапов, сызмальства знавший Москву, как свои двадцать пальцев, поднял брови, вынул из кармана потрепанный справочник, помуслил палец и стал листать.

— Гыр-у!—взревела вдруг вынырнувшая из-за угла машина.

Занятый справочником милиционер Потапов не заметил, что грузовик летит прямо на «Жуков Европы», а когда заметил, было уже поздно — несчастье было непредотвратимо. В грузовике сидели дошкольники из 4701-го детдома «Красная Кошечка». Из-за поломки грузовика они не успели накататься всласть на 1 Мая, и заведующий детдомом, Мартын Иванович Шкрабов, сегодня организовал катанье для молодой смены.

Грузовик мчался.

Золотистое солнце золотило золотые маковки златоглавой Москвы и озаряло смутно сереющие серо-седые суровые сумерки стандартных строений, сооруженных силами смелых строителей.

Деловая жизнь на Никольской кипела: спешили озабоченные люди с портфелями, люди без портфелей и портфели без людей. А на Собачьей площадке и тем более в Лялином переулке никакой жизни не было вообще. Только по краю дома гулял лунатик, а в подземной лаборатории профессор изобретал перпетум-мобиле.

А грузовик мчался.

В это время сторож Зоопарка Кузмичев Андрей с группой юных натуралистов и корзиной мяса совершал обход и кормление зверей. Ласково похлопав по плечу льва «Мишку» и кинув ему полтуши быка, Андрей подошел к своей любимице, дикой туркестанской осе «Муське», почесал ей за ухом и стал угощать медовой коврижкой. Оса жмурилась от удовольствия, юные натуралисты плакали от умиления.

— Животная дикая, а понимает,—гордо сказал Андрей.

А грузовик мчался прямо на громадный том «Жуки Европы». Несчастье было неминуемо.

На террасе дома отдыха известный хирург Филиппов рассказывал затаившим дыхание слушателям о замечательном случае препарации черепа с пересадкой левой задней доли мозга и седалищного нерва, которую он совместно с неким доктором Минаевым произвел обезьяне Геко, жаловавшейся на шум в ушах.

— И вообразите мое удивление, — сказал он, — когда доктор Минаев вынул нож, отрезал у обезьяны ноги, приставил свою машину особой конструкции и... у Геко выросли новые ноги.

Слушатели были потрясены.

А грузовик был совсем близко.

Быстрее молнии гражданин в форме совслужащего бросился к своим книгам. Поднять «Жуков Европы» без домкрата он был не в состоянии, остановить автомобиль тоже. Тогда с быстротой света (300 000 километров в секунду) он подставил правую ногу мчавшемуся автомобилю.

Раздалось — крак. Грузовик на полном ходу переехал его правую ногу, от удара отклонился в сторону и быстро свернул в Лялин переулок, увозя перепуганных дошкольников.

Милиционер Потапов подумал:

«Теперь справочник не нужен».

Спрятал его в карман и направился к лежащему гражданину.

Правая нога незнакомца лежала отдельно, все остальное — отдельно. Мостовая была залита кровью раненого грузовиком.

Милиционер вынул свисток, но гражданин приподнялся и хрипло сказал:

— Не зовите никого. Я — доктор Минаев. Я сам вылечусь.

И тут на глазах милиционера произошло чудо. Доктор сел, передал отрезанную ногу милиционеру, вынул из кармана провод и приставил его к обрубку ноги. Где-то послышался глухой рокот. Через десять секунд из кровоточащего мяса показалось пять розовых ногтей, затем плюсна, предплюсна, голень, колено (подробнее см. анатомию), и через минуту доктор встал на ноги. Сняв с отрезанной ноги чулок, ботинок и полштанины, он надел их на свежеотросшую ногу, поднял свои книги и портфель, кивнул милиционеру и свернул в переулок.

А милиционер Потапов так и остался стоять с отрезанной голой ногой в руках.

Гл. 2. Л. Никулин. — Прошлое доктора Минаева

Миндаль на Украине[1] не цветет. А может быть, и цветет, только в 1919 г., когда комдив Спудя гонялся по всей Украине за бандюком батькой Рябым, тогда миндаль не цвел. Зато цвели артишоки.

У комдива были усталые кони и шашка с золотой насечкой, снятая с генерала Чупаева, а у батьки—обоз тачанок с пулеметами. Зато у комдива под началом были красные кавалеристы, а батько орудовал с босыми бандюками в шелковых шароварах.

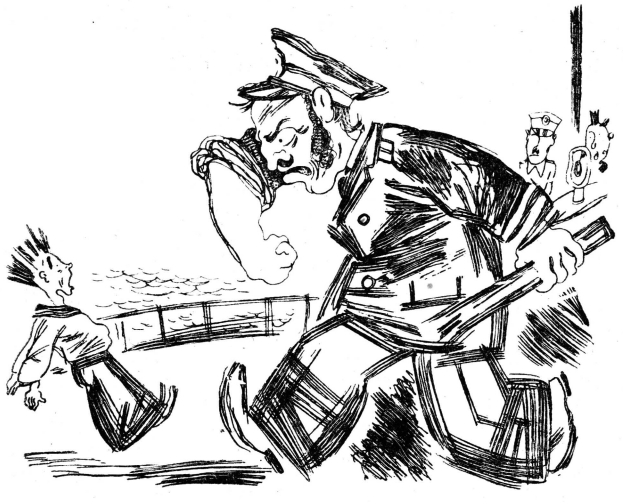
От батьки плакали черноглазые украинки, утирая слезы паляницей, а от комдивовых ребят улыбались чернобровые красавицы и стыдливо прикрывались плахтой.

Тринадцатого мая порубил Спудя бандюков без числа и отбил у них пленных, броневик и доктора. Пленных освободил, броневик пустил в расход, а доктора Минаева призвал к себе и допросил.

И странную историю рассказал ему доктор Минаев.

[1] Украина - советская социалистическая республика — входит в состав нашего Союза, занимает площадь 00 000 000 миллионов гектаров с севера на юг и 00 000 миллионов километров с юга на север. Прим. ред.

Гл. 3. Е. Бывалов.—Морской пролетарий



«По происхождению я — моряк, по образованию — пролетарий. А доктором я стал случайно, когда четвертый боцман-мат поскользнулся о новый мат, запустил витиеватый мат и раскроил свой ахтерштевень о фордевинд.

Я сидел в кочегарке, угнетаемый царским режимом. Услышав шум падения, я пренебрег конспирацией и вышел на грот-бомбрамсель.

Капитан Соколов, жуткий слуга капитализма, обозвал меня собакой и приказал починить боцман-мата.

Я вправил несчастному поврежденный ахтерштевень и забинтовал просмоленным канатом. К моему удивлению он выжил, и я стал доктором.

Потом мы попали в мертвый штиль. Паруса у нашего дизеля бессильно повисли, винт завинтился до отказу и стал, жалобно скрипнув, а фок-мачта нафокалась до одурения и тяжело прилегла на капитанский мостик.

Капитан Соколов, зверский прислужник капитализма, крепко выругался, бросил в юнгу Васю тяжелой грот-вантой, отчего у бедняги голова треснула, как яйцо, и, поскользнувшись, упал на крюйт-камеру. Он дико застонал: у него отвалилась левая нога.

Кругом столпились мрачные матросы.

— Собаке и смерть собачья, — весело сказал Арсентьич, рулевой.

— Что с ним? — спросил марсовой, Будкин.

— Да вот, нога отвалилась. От злости, наверно.

— Ничего, другая вырастет, — уверенно сказал Будкин.

Гл. 4. И. Окстон. — Загадочная загадка разгадывается

И тут меня осенила ослепительная мысль

Я бросился в свою каюту особого устройства, быстро собрал изобретенную мною машину, с особого рода конденсаторами, специально мной изобретенными, приладил особые регуляторы, вдвинул странной формы рычаги и провода и подошел к лежащему.

Все почтительно расступились передо мной. Я соединил остаток ноги капитана особой трубкой с изобретенной мною машиной, вдел сложной системы провода, прицепил специально приделанные рычаги и нажал крохотную черную костяную кнопку, на которой тайным шрифтом, только мне одному понятным, было написано:

Ос..орож..о. Оп..сно для ж.. зни.
Без р..зин .вых перч...ток не п... ходит...
Бер .ги е карм...ны.

Машина работала, матросы ахали, ветер гудел, океан грохотал, дождь барабанил, солнце светило, луна плыла, звезды сияли, капитан стонал. Все было в порядке.

Вдруг матросы ахнули сильнее прежнего. Капитан перестал стонать и удивленно осмотрелся: из обрубка ноги лезла... лезла неудержимо новая нога, розовая, пухлая, перевязанная ниточкой, свежая, только что с фабрики.

Гл. 5. Д-ра Саркизов-Серазини. — На юг

Старый матрос Арсентьич взял подмышку руль, обнял меня и прослезился:

— Ну, доктор, уж и доктор, а и доктор ты.

Капитан встал и, как побитая собака Ильдыз-Кихка, пошел прочь.

Я гордо выпрямился и сказал:

— Держите курс на Константинополь. Знаете, кто я. Я — потомок венецианских дожей.

По рядам пробежал почтительный шопот:

— Они сошли-с с ума-с.

Но я был тверд, и мы переменили курс.

Как хорошо пенились волны, как весело играли ракушки. Молодые красавицы-голотурии и раки-отшельники подплывали к самому борту и нежно шептали:

— Здравствуйте, доктор.

В Константинополе мы выбрали уютный караван-сарай, дали хороший бакшиш своему мулле, пообещали подарить ему живого шайтана, за что он назвал нас ишаками, и вообще уютно устроились.

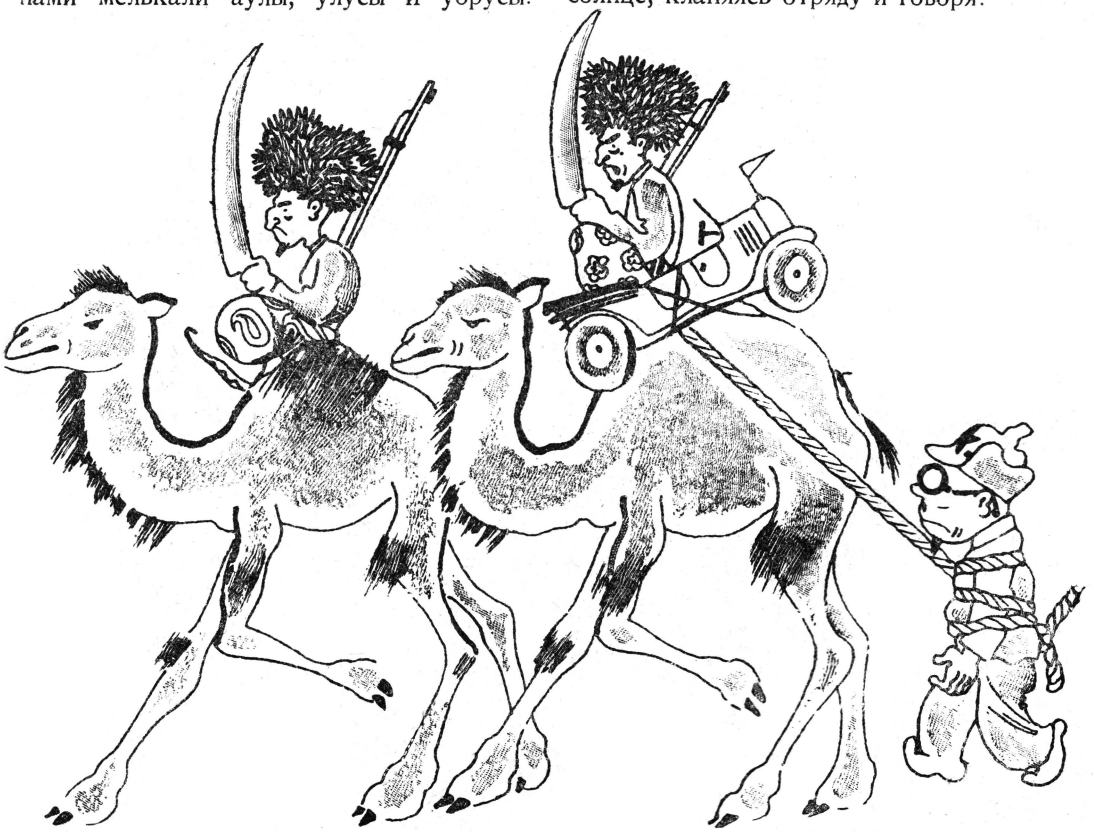
К нам приходили курды, хурды, мурды и делились со мной своими заветными ятаганами:

— Доктор, спаси нас. Спаси нас, доктор, — говорили они.

И я решился.

Гл. 6. А. Сытин. — В песках

Рано утром, погрузив свою машину на верблюдов, я с отрядом красноармейцев двинулся через Ферганскую степь. Перед нами мелькали аулы, улусы и убрусы. Хищные баи угнетали несчастных декхан, кружились в предутренней мгле янтарно-бирюзовые пески, и восходило древнее солнце, кланяясь отряду и говоря:



— Селям-алейкум, красный эффенди.

Так шли мы до Джетатура-Пуси.

По дороге мы разбили две банды мулайгафизов, зато я попал в плен к загадочному племени басмачей.

Со мной обходились нехорошо: заставляли итти пешком по зыбучим пескам, отчего у меня лопнули глаза, и кормили вареным саксаулом.

Но машина была со мной.

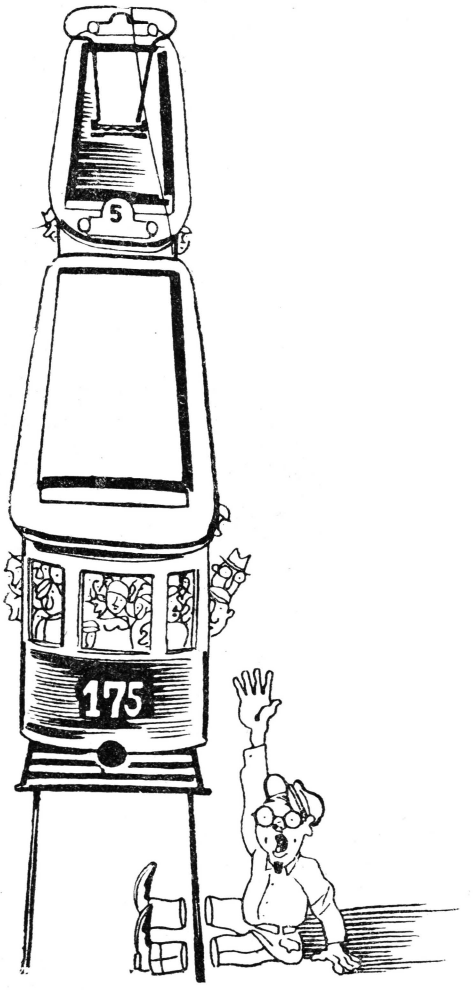
Гл. 7. М. Зощенко. — Ловкие ребята

Так-то вот, братишечки, дошли мы до города Ленинграда. Большой такой город, замечательный. Поселился я на Обводном канале в комнатушечке, завел себе примус, об'явился в соцстрах:

«Инвалид, — говорю, — кумпола у меня не хватает». Ну, известно, пенсию дали, сто целковых, как я красный профессор и, может, машину какую выдумал.

Отрастил я себе новые руки-ноги, ничего, гуляю. А как в соцстрах за пенсией итти, под трамвай номер пятый свои руки-ноги ложу и в таком, можно сказать, индустриальном виде заявляюсь.

Ничего, кормлюсь».



ПОДЗЕМНЫЙ ГУЛ

Рассказ А. КАРОТТИ

Иллюстрации М. ХРАПКОВСКОГО

Итальянский фашизм старается удушить всякую искру свободной мысли. Недавно было арестовано 20 виднейших ученых с европейскими именами по одному лишь подозрению в сочувствии противникам фашизма.

Если фашизм не церемонится с буржуазными учеными, то можно представить себе, как жестоко расправляется он со своими классовыми врагами, с настоящими революционерами.

А. Каротти, писатель-политэмигрант, знакомый уже читателям «Борьбы Миров», рассказывает о зверской расправе фашистов с населением маленького городка.

Но репрессиями не заглушить нарастающего подземного гула.

Перевод с итальянского В. УЗИНА

1

ТАМОЖЕННАЯ стража делала обход. Измученый холодом и страхом, пограничник нервно сжимал рукой винтовку.

Кругом был полный мрак. Ледяной ветер выл и свистел, лил проливной дождь, холодный и колючий, как снег.

Этот берег считался опасным, о нем шла дурная молва. Справа—дикие, скалистые горы Гарганьо, сзади—богатая рыбой лагуна Лезины, а налево—Адриатическое море и скалистые островки—ад политических заключенных. Волки—с гор, малярия—с лагуны, а со стороны моря—контрабандисты и беглые каторжники.

Молодой солдат судорожно сжимал винтовку. Об этом месте рассказывали столько легенд! Казарменная выучка не могла просветить ум молодого калабрийца. Он мысленно молил святых защитить его от волков, от пуль, от укусов ядовитых насекомых, но особенно от тех фантастических существ, которые населяют горы и развалины старого замка.

Деревушки, расположенные у моря, кишели полицейскими, карабинерами, шпионами. Фашистское правительство боялось этих голых, диких гор, приюта вооруженных банд. Когда арестовывали беглых, прятавшихся в горах, тяжелые наказания сыпались на таможенную стражу за недостаточную бдительность.

Солдат в душе проклинал день и час, когда его призвали на военную службу. Лучше бы ему оставаться дома и пасти свиней!

В темноте ничего не видно, в шуме волн ничего не слышно...

Но что это?

Он задрожал с ног до головы. Не тень ли это промелькнула мимо него? Что-то чернее тьмы. Дикий страх охватил солдата. Он схватил ружье и выстрелил. Потом нервно засмеялся, побежал вдоль берега и наткнулся на камыш. Его здесь было много—прекрасная защита полей и огородов от порывов злого норд-оста.

2

Когда солдат ушел, Николо зашевелился. Ему казалось, что он умирает от холода, хотя он не двигался всего только

три-четыре минуты. Не вернулись бы снова мучительные судороги! Возбуждение, которое охватило его во время борьбы с волнами, выбросившими его на берег, уступило место апатии и страху.

Спасаясь от преследования, он бросился из рыбачьей лодки в море, держа в руке камыш, скрывавший его от преследователей. Рыбаки дали ему все нужные указания, где приютиться на берегу. Но найдет ли он тропинку, хижину и товарища? Ему удалось убежать от таможенной стражи, но убежит ли он от других преследователей?.. Утром тюремщики могут заметить, что он бежал с проклятого острова, и радиотелеграф немедленно поднимет тревогу.

Невыразимый страх охватил его. Он боялся не за одного себя, его волновала мысль, что не удастся исполнить поручение, данное ему товарищами, оставшимися в тюрьме.

Была полная тьма. Он протянул руки вперед, ежеминутно натыкаясь на корни и стволы деревьев и радуясь тому, что его окоченевшие члены не совсем еще одервянели. Его платье промокло насквозь.

Вдруг он увидел что-то, мелькнула слабая надежда, он сделал усилие, его руки наткнулись на препятствие—опять ствол дерева! Опять обманутая надежда! Он стал прислушиваться — доносился только шум моря и вой ветра...

Снова щупал землю ногами, снова с трудом отодвигал колючий низкий кустарник и вдруг неожиданно для себя вышел на поляну...

3

В хижине, крытой соломой, не было огня, но Тотонно не чувствовал холода. В большой глиняной миске тлели размельченные косточки маслин (излюбленный способ обогревания в южной Италии).

Туловище и ноги юноши были в тепле, а голову он просунул в отверстие, в которое охотники вставляли ружья во время охоты.

Тотонно не нашутку волновался: ночь приходила к концу, а долгожданный товарищ все не появлялся. Он был вполне уверен в его ловкости, но ветер донес звук отдаленной перестрелки. Мало ли что могло случиться! Не даром таможенная стража делала обход!

Товарищи доверяли Тотонно и потому дали ему такое трудное и опасное поручение. Они знали, что этот 17-летний юноша—комсомолец, и восхищались его умением скрывать свои воззрения. Обыватели, полицейские, шпионы—буквально все были твердо уверены, что круглолицый Тотонно с карими глазами вполне доволен тем, что много работает и мало ест.

Тотонно вздрогнул. Он ясно расслышал крик сыча—раз, другой. Минуту спустя вблизи хижины залаяла собака. Тотонно улыбнулся, он знал, что никакой собаки здесь нет. Этой собаке ответили другие. Потом наступила тишина. Слышен был лишь вой ветра и отдаленный шум моря. Опять лай. Тотонно машинально почесал мокрые волосы, натянул берет и примостился у входа в хижину.

4

Тотонно был единственным сыном Марионы. Высокая, сильная, мускулистая, энергичная, смелая, она всегда была во главе всех демонстраций, во главе борьбы угнетенных и эксплоатируемых. Вместе с сыном она поденно работала в поле, а когда представлялся случай, вместе с другими тайком ловила рыбу в лагуне, что разрешалось только богатым владельцам.

Тотонно уже три года не участвовал в этих экспедициях. Он стал членом коммунистического союза молодежи и хорошо понимал, как нужно мстить эксплоататорам.

Товарищи поручили ему организацию связи и советывали не навлекать на себя подозрений.

Тотонно был очень осторожен. Тем не менее Беппо Римальда (по прозвищу Красноносый), следивший за порядком в церкви, стал подозрительно относиться к мальчику и сказал как-то священнику:

— А, знаете ли, дон Эйзебио, не нравится мне что-то сын Марионы. Он—ере-

— А знаете, дон Эйзебио, не нравится мне сын Марионы.

тик, не ходит в церковь,—и, понизив голос, прибавил,—мне кажется, он... красный... Что-то уж очень много читает.

Дон Эйзебио, озабоченный дорогостоящей ему тайной связью с одной местной красавицей и уменьшением доходов от паствы, послал Беппо ко всем чертям. Но тот затаил злобные подозрения к Тотонно.

Однажды подвыпивший Беппо вздумал читать мальчику проповедь.

— Ты идешь к гибели, несчастный...

Тотонно в ответ засмеялся и посоветовал ему поменьше пить.

Беппо размахнулся, чтобы дать Тотонно пощечину, но поскользнулся и упал. Тогда мальчик запел выдуманную им песенку о красноносом пьянице, который пьет на деньги священника.

Со всех сторон сбежалась орава мальчишек. Хором подхватила песенку Тотонно. Беппо кричал и грозил до тех пор, пока полиция не убедила его убраться подобру поздорову.

С тех пор его злоба против Тотонно удесятерилась.

Мальчишка дорого заплатит за нанесенное ему, Беппо, оскорбление. Но как наказать негодяя? Очень скоро Беппо придумал способ.

— Мошамэ, — сказал он одному отвратительному суб'екту, который содействовал знакомствам дона Эйзебио с женщинами и исполнял связанные с этим поручения,—хочешь заработать пятьдесят лир?

— Еще бы!—ответил тот.

— Ты знаешь Тотонно, сына Марионы? Следовало бы поговорить о нем с синьором Филиппо Сальминги...

Мошамэ внимательно посмотрел на своего собеседника. Что общего между главой местных фашистов и мальчишкой?

— Тотонно—коммунист,—продолжал Беппо,—я сам видел, как он агитировал среди крестьян.

Мошамэ тотчас же понял, что это—ложь и что просто дело идет о мести.

— А почему вы сами не пойдете к Филиппо?

— Тотонно заметил, что я слежу за ним. Если я донесу синьору Филиппо, мальчишка со своими товарищами может доставить мне всякие неприятности...

— Вот как, вы хотите, чтобы я имел эти неприятности? Благодарю покорно. До свиданья.

— Послушай, Мошамэ...

Но тот уже ушел. Беппо ничего другого не оставалось, как утешиться в кабачке.

5

— Сухой хлеб возьмите подмышку. Будете походить на крестьянина.

— А что мне делать с этими мокрыми лохмотьями? Они ведь могут меня выдать...

— Об этом я не подумал. За хижиной старый каштан. Спрячьте лохмотья в дупле. Их там никто не найдет... А теперь ешьте. Вот хлеб, яйца, молоко.

Беглец жадно набросился на еду. Насытившись, он спросил:

— Попаду я завтра к ночи в Сан-Северо?

— Конечно. Товарищи решили, что день вы должны провести в пещере Гаргано. Это вполне безопасное место. После того как стемнеет, я сам отведу вас в Сан-Северо. А теперь пора и в путь!

Не теряя ни минуты, Тотонно и его спутник пошли лесом. Дождь перестал, ветер стих. Слышен был лишь отдаленный шум морского прибоя.

6

В этот же день Мошамэ отправился в Лезину по поручению дона Эйзебио. Он должен был отнести письмо возлюбленной священника, Розальбе Менго, и вернуться в Роди решил лишь с наступлением ночи. Во избежание неприятных встреч он пошел лесной тропинкой. Дело в том, что, кроме надушенного письма красавицы, Мошамэ нес изрядную пачку кокаина, на который был большой спрос у жителей Роди.

Поднимаясь по крутой тропинке, Мошамэ проклинал темноту, холод и особенно дождь, промочивший его до костей.

Странный звук привлек его внимание. Он остановился и стал прислушиваться. Затем прижался к стволу дерева, внимательно всматриваясь в темноту. Мелькнула легкая тень и тотчас же исчезла. Мошамэ, наперечет знавший всех жителей Роди, моментально опознал Тотонно.

Куда он шел в такое время, да еще со свертком подмышкой? Уж не контрабанда ли это? Но какая?

Мошамэ вспомнил песню о красноносом пьянице и плотнее сжал губы. Как выследить мальчишку?

Сейчас это невозможно. Нужно сначала покончить со своими делами. Тотонно от него все равно не уйдет!

Успокоенный этой мыслью, Мошамэ пошел по направлению к Роди.

7

Сильный стук в дверь разбудил полицейского комиссара Роди. Это обстоятельство сразу привело его в дурное настроение. Проклятая служба!

— В чем дело?—недовольно крикнул он.

— Телеграмма!

— Давайте сюда!—Ворча, он зажег свечу и вскрыл телеграмму. Она была шифрованная—от префекта из провинции Тоджа.

— Чорт знает что такое! Надо тащиться в канцелярию и расшифровывать телеграмму.

Стараясь быть хладнокровным, он приказал полицейскому зажечь свет в канцелярии и начал одеваться, проклиная день и час, когда избрал такую неудачную карьеру.

Расшифровав депешу, он пришел в ужас.

— Чорт возьми, пропал я, пропал ни за грош!

Он нервно позвонил.

Вошел дежурный полицейский.

— Никаких донесений от наших информаторов не поступало?

— Нет!

— Необходимо выяснить настроение крестьян.

— Они совершенно спокойны.

— Внешность обманчива. К пяти часам карабинеры должны быть под ружьем. Идите.

Полицейский комиссар нервно закурил папиросу. Нехватало еще, чтобы начались крестьянские волнения в Роди! Ведь вся ответственность падет на него! Сальминги, глава фашистов, сидит спокойно, а он, Маццара, даже выспаться не может. Ну нет, на это он не согласен! Пусть и Сальминги почувствует прелесть ответственности!

Комиссар подошел к телефону и вызвал Сальминги.

— Синьор, я должен вам сделать очень важное сообщение. Необходимо, чтобы вы немедленно явились ко мне.

— Немедленно? В три часа ночи?

— Да, да, нельзя терять ни минуты. Если вы предпочитаете спать, то я снимаю с себя всякую ответственность. До свидания! — И повесил трубку.

Сальминги возмущенно рассказал жене о несносном поведении комиссара, но

все-таки встал, оделся, взял револьвер и полчаса спустя входил в помещение полицейского управления.

— Ну, что там у вас случилось?— снисходительно спросил он комиссара.

— Садитесь, синьор, положение очень серьезное. — И комиссар рассказал о телеграмме префекта.

— Теперь вы понимаете, какая ответственность лежит на нас обоих?

— Понимаю, понимаю.

— Прежде всего необходимо выяснить положение вещей здесь, у нас.

— Конечно, конечно.

— А что вы обо всем этом скажете?

— То, что я всегда говорил: крестьяне не могут быть довольны. Это надо признать, но надо помнить и то, что сказал Дуче[1]: «Пусть отдельные люди страдают и умирают, лишь бы отечество было могущественно».

В словах фашиста явно чувствовалось лицемерие. Его очень мало трогало могущество Италии.

Комиссар сделал вид, что верит словам фашиста, и утвердительно кивнул головой.

Сальминги продолжал:

— Нужно заставить крестьян понять, что с их стороны необходима жертва. Если они не хотят этого понять добром, заставим их понять силой. Если террор необходим, мы будем действовать террором.

Комиссар нетерпеливо перебил своего болтливого собеседника:

— Все это прекрасно, но я несу ответственность за происходящее в Роди и Лезине и вызвал вас сюда для обсуждения этого вопроса.

— Синьор комиссар, — едва сдерживая раздражение, ответил глава фашистов,—ничего особенного не произошло. Крестьяне спокойны, агитировавшие здесь коммунисты арестованы. А вот не можете ли вы мне сказать, почему Мариона все еще на свободе?

Комиссар улыбнулся.

— Я делаю свое дело,—с оттенком иронии сказал он.—За Марионой идет усиленная слежка. При первом удобном случае она будет арестована. Но это только деталь. Мне важно знать, разре-

[1] Так называют фашисты Муссолини.

— Пропал я ни за грош!

шаете ли вы послать префекту телеграмму о том, что у нас все спокойно.

— Нет, нет, это совсем не нужно. Сообщите префекту, что я вам советую арестовать Мариону и что...

— Ну хорошо, тогда я сообщу префекту, что положение неопределенное, но мы примем все нужные меры.

— Отлично, — несколько спокойнее сказал Сальминги.

— Теперь обсудим те меры, которые мы должны принять. У меня двенадцать карабинеров и два агента. К пяти часам вы должны прислать мне вооруженную фашистскую милицию.

— Как? Вы хотите все ликвидировать... И Сальминги грубо захохотал.

— Не смейтесь!

— Ну ладно. Давайте говорить серьезно. К пяти часам моя милиция будет в вашем распоряжении.

— Значит, вы меня поняли? На рассвете мы арестуем Мариону. Надо быть готовыми на всякий случай, надо занять площадь и вообще...

— Понимаю, понимаю, надо «принять необходимые меры»...

Сальминги встал и, лицемерно улыбаясь, попрощался с комиссаром. Тот иронически посмотрел ему вслед.

8

Как только наступило утро, на пороге каждого дома в Роди появились человеческие фигуры. Послышались возгласы, вздохи, проклятия. Мужчины и женщины столпились в переулках. Затем по двум главным улицам побежали на площадь плохо одетые, взволнованные люди. Толпа разбилась на группы, мальчики непрерывно бегали взад и вперед. Все говорили одно и то же:

— Довольно! Мы больше этого выносить не можем! Что нам делать?

Удивительно было то, что отсутствовали карабинеры и фашистская милиция.

— Надо поджечь городское управление!—раздавались голоса.

— Уйдем в горы!

— Устроим революцию!

— Пустяки, у нас нет ни оружия, ни вождей.

— А Мариона?

— Где Мариона?

В это время на площади появился человек в мокром, забрызганном грязью платье. Это был Симоне, извозчик, ездивший два раза в неделю из Роди в Сан-Северо и обратно.

— А ведь в Сан-Северо тоже народ волнуется и в Мотти и в Тоджи. Все говорят, что лучше умереть от пули, чем от голода.

— Слышите, слышите! — загудела толпа.—Симоне говорит, что в Сан-Северо и в Тоджи началась революция. Он говорит, что улицы Сан-Северо и Тоджи покрыты трупами рабочих, карабинеров и фашистов.

— Давно пора с ними покончить!

Волнение, вызванное сообщением Симоне, еще не успело улечься, как на площадь прибежали, запыхавшись, мужчина и женщина и закричали:

— Они арестовали Мариону! Они арестовали Мариону!

В эту минуту на площади появились карабинеры и чернорубашечники.

Прошло несколько минут.

Филиппо Сальминги, глава фашистов, с широкой трехцветной лентой через плечо, быстро отдавал распоряжения. Вооруженные люди уже собирались стрелять, как вдруг подбежавший к ним полицейский сделал какое-то донесение. Все сразу изменилось.

Толпа бросилась в одну сторону, а Сальминги со своим отрядом в другую, к полицейскому управлению. Площадь, освещенная ярким утренним солнцем, неожиданно опустела...

9

Мариону вели со связанными руками под конвоем всей имеющейся налицо фашистской милиции. Она, не переставая, ругала фашистов. Не стыдно ли: понадобилось столько вооруженных мужчин, чтобы арестовать одну беззащитную женщину!

Бедняжка дорого заплатила за свою смелость. Двое негодяев посадили ее под замок и били до тех пор, пока окровавленная Мариона не лишилась чувств.

В то время как в подвале разыгрывалась эта отвратительная сцена, Сальминги собирался со своей милицией разогнать толпу, а комиссар намеревался спуститься в подвал, чтобы допросить арестованную. В канцелярии затрещал телефон.

— Что такое? Этой ночью из тюрьмы бежал политический? Имеете какие-нибудь сведения от ваших людей?

— Да, стражник в долине Роди стрелял в странный предмет, выброшенный волнами на берег. Предмет оказался пучком камыша.

— Стражник не ошибся?

— Не думаю.

— Арестуйте его!

— Но...

— Беру ответственность на себя. Пришлите мне всех людей, которые имеются в вашем распоряжении. Вместе с моими пошлю их на поиски беглеца! Нельзя терять ни минуты!

Комиссар окончательно потерял голову и проклинал всех и все, не исключая и фашистский режим.

Между тем, Сальминги гордо шел во главе своего отряда. Бегство толпы развеселило его и его людей.

«Вот так герои! — думал он. — Чуть увидев фашиста, убегают, как зайцы».

Не задумываясь над поведением толпы, вполне уверенный в ее трусости, он со смехом вошел в канцелярию комиссара с заранее приготовленной фразой:

— Вот так герои!

— Вы еще смеетесь!—закричал взбешенный комиссар.—Мне кажется, вы просто с ума спятили. Известно ли вам, что сегодня ночью из тюрьмы бежал политический и скрывается в окрестностях Роди? Смейтесь, смейтесь, чорт возьми!

И он с негодованием направился к дверям.

— Синьор комиссар,—сказал, входя в комнату, полицейский,—важное сообщение: сегодня ночью сын Марионы Тотонно шел лесом под проливным дождем с каким-то свертком подмышкой. Ходят слухи, что паренек — коммунист...

Казалось, комиссару нанесли последний удар.

— Ну вот и прекрасно!—закричал он. — А вы, синьор, уверяли меня, что коммунисты уничтожены. Слышали? Поняли? Чего же вы не смеетесь? Коммунисты орудуют у нас под носом. Коммунисты организовали восстание, а теперь у повстанцев будет еще и руководитель. Знаете, кто бежал из тюрьмы? Не кто иной, как бывший коммунистический депутат Райберти... И он тут где-то поблизости. Понимаете?

Но Сальминги с перепуга ничего не понимал.

— Можно ли себе представить худшую службу, чем моя! Вся карьера погибла! Ведь наше правительство шутить не станет! Ведь...

Едва сдерживая волнение, комиссар обратился к начальнику карабинеров:

— Вы человек испытанный и хорошо знаете местность. Сегодня на нашем берегу высадился бывший коммунистический депутат Райберти. Выяснилось, что сын Марионы поддерживает с ним связь. Райберти, без сомнения, станет во главе восставших крестьян.. Возьмите карабинеров и милицию, арестуйте Райберти и Тотонно. Без них не смейте возвращаться сюда!

— Слушаюсь!

Затем, обратившись к Сальминги, сказал:

— В вашем распоряжении остается семь карабинеров и два агента.

Сальминги покраснел от злости.

— Ну что же, я горжусь тем, что с такой горсточкой людей буду защищать нашу страну, но я бы хотел знать, почему вы, официальный страж общественного спокойствия, поручаете свои обязанности другим...

— А вот сейчас я вам об'ясню, почему. Кто должен допросить Мариону, мать известного вам Тотонно, вы или я?

— Хорошо, хорошо,—улыбаясь, сказал Сальминги.

В эту минуту вбежал полицейский и громко закричал:

— Вооруженные крестьяне осадили городское управление.

Сальминги вздрогнул, но тем не менее твердым голосом приказал своим подчиненным:

— Марш вперед!

10

Тотонно и его спутник молчали. Они были голодны. Холод сковал их члены.

Тотонно первый прервал молчание:

— Скоро вечер. Подождите меня здесь. Я пойду на разведки.

— Хорошо,—ответил тот.

Тотонно медленно, ощупью двинулся вперед. Временами ему приходилось наклонять голову. Около часу он полз на животе. Хорошо, что Райберти такой худой и тонкий, иначе ему бы не пробраться по этому подземному ходу. Карабинерам и в голову не придет, что сюда может проникнуть человеческое существо.

Но как быть—вернуться обратно или продолжать разведку? Тотонно решил двигаться дальше.

Между тем, Райберти с нетерпением поджидал своего спутника. Он уже проделал так много трудного, а до цели еще было далеко. Ведь Райберти бежал из

тюрьмы для того, чтобы попасть в Милан и принять там участие в тайном заговоре. Потом он мечтал перейти границу и пробраться в гостеприимный Советский Союз. Он думал о продуктивной работе в пролетарском государстве, о трудностях и опасностях революционной работы в Италии.

Время тянулось медленно. Мучили холод и голод. Райберти прислонился к скале и стал делать гимнастические упражнения. Это помогло ему согреться. Неожиданно он почувствовал мучительную усталость и крепко заснул.

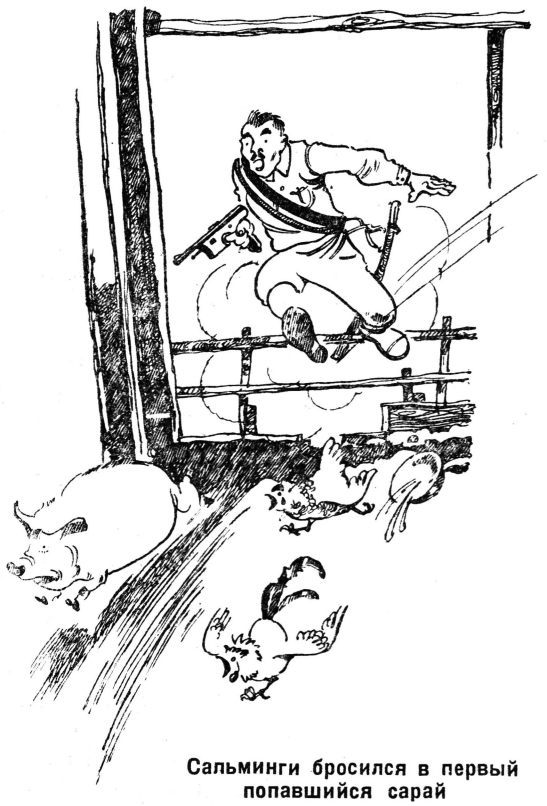
Сколько он спал, определить было трудно.

— Тотонно! — закричал он. — Тотонно!

Никакого ответа. Тотонно не вернулся. Неужели он арестован?

Райберти начал мучительно беспокоиться об участи своего спутника.

Время шло. Тотонно не возвращался. Как быть? Как выйти из этой пещеры?



Сальминги бросился в первый попавшийся сарай

Райберти казалось, что горы поглотили его...

11

Сальминги и его подчиненные издали услышали торжественные крики толпы и увидели густой дым. Опоздали! Фашисты разразились проклятиями.

Улицы были пусты и мрачны. Еще мрачнее были дома с открытыми окнами и закрытыми дверями. Казалось, отовсюду можно ожидать пули. Сальминги выработал план действий: он решил захватить один из домов и оттуда обстреливать городское управление.

Однако этот план оказался невыполнимым. Не успели фашисты очутиться в переулке, как раздалась стрельба.

«Мы меж двух огней», решил Сальминги, охваченный диким страхом, и бросился в первый попавшийся сарай, где до смерти напугал свинью и кур.

12

Когда вошел комиссар и полицейские, Мариона лежала неподвижно на каменном полу.

Она приподнялась с трудом и одним глазом (другой совершенно опух) посмотрела на вошедших. Комиссар приказал связать ей руки и удивился, что она не оказала никакого сопротивления. Положительно, полицейские слишком сурово обошлись с Марионой. Женщина не двигалась.

— Мариона, мы арестовали твоего сына.

Она открыла глаз и простонала:

— Не мучьте его, умоляю вас! Делайте со мной, что хотите, только не трогайте его!

— Успокойся! Ты поплатилась за то, что оскорбила полицейских. Но Тотонно был кроток, как овца, и его никто пальцем не тронул.

— Будьте благословенны, если вы говорите правду!

— Спасибо. Слушай, я скажу тебе то, что сказал и твоему сыну. Верь мне, как родному отцу. Кто поручил Тотонно пойти навстречу беглецу?

— Что вы сказали? — переспросила Мариона.

— Не притворяйся. Твой сын ушел вчера поздно вечером, несмотря на убийственную погоду. Ты отлично знаешь, почему...

— Видит бог, не знаю...

— Не выводи меня из терпения. Ты видишь, как хорошо я отношусь к тебе!

Постепенно Мариона стала приходить в себя и решила узнать, арестован ли Тотонно.

— Послушайте синьор комиссар, Тотонно действительно ушел вечером, но я не знаю, куда. Где вы его нашли? Наверное, промок, бедняга, простудился?

— Не твое дело!

— Как! — воскликнула Мариона. — Но ведь я его мать!

— Молчать! Куда пошел вчера твой сын?

— Если вы его арестовали, то сами знаете, где он был...

— Я из тебя силой вытряхну правду. Куда он ушел?

— Не знаю!

Маццара сделал знак полицейским. Один схватил ногу Марионы, другой—руку и оба начали медленно выворачивать суставы.

— Говори, куда ходил? Куда? Куда?

Мариона дико вскрикнула от боли. За стеной ей ответил такой же дикий многоголосый крик толпы.

Комиссар вздрогнул. Запыхавшись, вбежал полицейский.

— Они сломали ворота! Они уже здесь!

— На помощь! — крикнула Мариона, догадавшись, что случилось.

— Молчи, собака! — зашипел на нее Маццара.

В ту же минуту дверь уступила напору толпы, и людской поток ворвался в подвал. Возбужденные лица, горящие глаза, мускулистые руки, сжимающие вилы и топоры...

Комиссар бросился к выходу, но ловкий удар заставил его остановиться. Полицейские уже лежали на земле. Все это произошло в несколько минут. Одни осторожно приподнимали Мариону, другие старались разоружить комиссара. Он упорно сжимал револьвер в руках. Кто-то толкнул его. Он упал и больше уже не поднимался...

13

В глубине темной пещеры просачивались подземные воды. Тотонно ощупью пробирался вперед. Стало светло. Уже можно было разглядеть окружающее. Тотонно с радостью увидел выход. Настала полная тишина. Птицы пели, порхали бабочки. В природе был необычайный покой.

Дальше итти было страшно. Начало темнеть. Приближался вечер. Вдали послышался шорох. Мимо Тотонно промелькнуло что-то серое — заяц; он сделал несколько прыжков, потом остановился. Тогда Тотонно решил, что можно итти дальше. Быстро добежав до леса, он бросился на землю и стал прислушиваться. Тихо! Затем взобрался на ближайшее дерево и внимательно осмотрел окрестности. Никого! И все-таки тонкий слух Тотонно уловил звуки набата. Что-то творилось в Роди. Но что?

14

Прошло шесть часов с той минуты, как Тотонно пошел на разведки. Теперь, вернувшись, он тщетно искал Райберти. В пещере была два хода: тот, которым шел Тотонно, и другой, еще не исследованный. Несомненно, Райберти ушел из пещеры, но почему они не встретились? Неужели его нашли и арестовали? Нет, нет, это невозможно. А может быть, они спрятались где-нибудь, чтобы схватить и его, Тотонно?

Пройдя метров пятьдесят, Тотонно нашел Райберти. Он был без сознания. Тотонно с трудом привел его в чувство, накормил и стал рассказывать обо всем, что он узнал.

— Пьетро Пацекья с помощью моих товарищей-комсомольцев убедил толпу рабочих напасть на городское управление, а затем и на полицейское управление, куда посадили мою мать.

— Она арестована?

— Да, сегодня на рассвете, — сдавленным голосом ответил Тотонно. — Это сделали карабинеры, фашисты, шпионы, все вместе... Повстанцы подожгли полицейское управление и помещение фашистской милиции. Затем вилами убили карабинера, двух полицейских и комиссара, которые пытали мою мать...

— Мерзавцы!

— Она еще жива. Может быть, поправится.

— Ты ее видел?

Тотонно ответил не сразу.

Два часа тому назад он очутился в лесной хижине. Крестьянин дал ему еду и рассказал о событиях в Роди, о том, что город в руках повстанцев, что фашисты ищут Райберти в горах. В душе Тотонно боролись два чувства — он хотел повидать мать и должен был во что бы то ни стало проводить Райберти в безопасное место.

Не желая показать беглецу своих колебаний, он сказал:

— Нет. Итти туда сейчас опасно.

— Но ведь ты хочешь ее видеть?

— Еще бы! Но теперь надо довести дело до конца. Вся местность в наших руках. Ходят слухи, что восстание распространилось и дальше...

— Неужели?! — воскликнул Райберти.

Ему страстно хотелось немедленно присоединиться к массам борющихся за освобождение. Но он быстро одумался: каждый должен стоять на своем посту. Одни должны свергать фашистский режим, другие — стараться, чтобы движение не пошло по ложному пути.

— Идем, Тотонно, скорее, скорее!

— Хорошо, пойдем, но раньше вы должны собраться с силами. Ведь вы и двух шагов не сделаете в таком состоянии!

Только два часа спустя они двинулись в путь. У самого города было совершенно тихо; нигде не было видно караульных постов.

Вдруг раздался барабанный бой и звуки песни.

— Проклятие! — сквозь зубы пробормотал Райберти.

— Слышишь?

Тотонно ничего не ответил. Он понял, что фашисты расправлялись с повстанцами. Они не пощадят родной край, товарищей, друзей, родных. Если мать выживет, какие муки ее еще ждут впереди! Что будет с Райберти? Как итти в Сан-Северо, если там уже наступила реакция? Задача была слишком трудная, и Тотонно решил посоветоваться со своим спутником.

— Они идут из Сан-Северо, — сказал он. — Там, наверное, уже все кончено. Не вернуться ли нам в пещеру и подождать там несколько дней?

— Нет, Тотонно, — сказал Райберти, — я должен итти. Восстание указывает на то, что массы готовы к борьбе. Разве можно дезертировать в такую минуту? Ведь и ты бы хотел быть со своими товарищами? Проводи меня только до дороги в Сан-Северо.

— Хорошо, — со вздохом сказал Тотонно.

И они исчезли в темноте.

— Ун-ничтожу! Р-азмозжу!

ПРОГУЛКА ПО САДАМ
БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

(ФАКТЫ ПОЧТИ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ)

В КОНЦЕ- КОНЦОВ мы так мало знаем об этих садах, мы настолько не знакомы с буржуазной культурой, которая не исчерпывается все же фокстротом и спортом, что и случайная и короткая прогулка, верней, пробег, имеет свой смысл. И на первых же шагах пробега наталкиваемся мы на

сюрприз,

который сервирует нам солидная и серьезная немецкая газета «Германия», орган католического центра. Как глубоко, оказывается, не знакомы мы с духом буржуазной культуры... Ведь вот, обсуждая фильму Эйзенштейна «Старое и новое», пишет глубокомысленная газета:

«Этот коллектив, это большевистское товарищество возникает в последнем стете из голого эгоизма. Пароль этого коллектива: «Все за всех». Совершенно иначе обстоит дело с этически обоснованным чувством товарищества в немецкой культуре, лозунг которого: «Один за всех, все за одного».

Умилительный лозунг. Лозунг, высоко оценивающий человеческую личность, которую, очевидно, так уважают в буржуазном обществе! Во всяком случае — должны уважать. «Ведь на расцвете личности основано все будущее человечества», говорит в анкете «Пути к оптимизму», проведенной одной предприимчивой газетой, знаменитый германский писатель Вассерман. И прибавляет: «Будущее, а в особенности будущее немцев, зависит от того, насколько сможет проявить себя личность. Понятием коллективизм слишком злоупотребляют. Для нас не переносима нивелировка человека. В словах—личность, человек—заложены высшие основы счастья детей земли. И кто верит в победу личности, тот может, как оптимист, смотреть на будущее». Прекрасные слова. Ах, как жаль, что не ознакомился с этими словами венский железнодорожный рабочий Адольф Фрик.

Только мелочь

Что же произошло с Адольфом Фриком? Пустяки, это только мелочь, пять строк петита. Просто Адольф Фрик зарубил топором свою жену и двух своих дочерей, пяти и семи лет. Его одиннадцатилетнему сыну удалось спастись от топора. Затем сам Фрик пытался броситься под поезд, но был спасен. Будучи арестован, он об'яснил свой поступок тем, что он туберкулезный, должен скоро умереть и не хочет оставлять свою семью на с'едение нищете.

Но для чего спасли Фрика? Не для того, конечно, чтоб ознакомить его с высказываниями Вассермана насчет личности и оптимизма. Но для того, чтобы судить его, согласно закону, за тройное убийство. И, конечно, его осудят, и присудят к смертной казни или, в худшем для него случае, к пожизненному тюремному заключению. Ведь в Австрии есть еще судьи!

Полубоги

Как, впрочем, и в любой стране буржуазной культуры, как, впрочем, и в Америке. И нужно ли доказывать, что именно в Америке, достойнейшей стране, эти судьи—достойнейшие из достойнейших. Почти полубоги—по крайней мере те из них, кто входит в состав Верховного суда Соединенных Штатов. Верховный суд—это высшее в стране учреждение, причем функции его не только чисто юридического характера. Верховный суд по своему усмотрению интерпретирует законодательство всех 48 штатов, он наблюдает над выполнением законов, и фактически его властью и авторитетом устанавливаются нормы отсутствующего в Америке социального законодательства. Судьи, входящие в состав этого единственного в стране института, несменяемы, назначаются пожизненно и, как предполагается, непогрешимы беспристрастны, и внеклассовы.

Но почему же так возмутилась радикальная интеллигенция Америки, узнав об указе президента Гувера о введении в состав Верховного суда на место недавно умершего Тафта судьи Паркера? Почему не

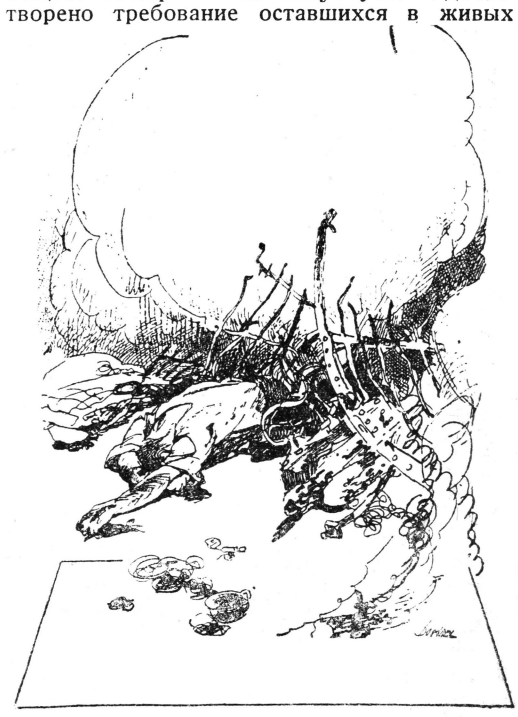
быть Паркеру полубогом? Интеллигенция бушует: помилуйте, судья Паркер, ведь это тот самый, который прославился своими выступлениями против равноправия негров; помилуйте, судья Паркер, ведь это тот самый, кто поддерживал законность так называемых «собачьих контрактов», в которых рабочие, поступая на работу, подписывают обязательство не входить в профсоюзы! И он, этот мелкий и циничный судья капитала, коронуется полубогом! Очень огорчены американские радикалы.

Жизнь и табак

Полно, стоит ли огорчаться, то ли еще бывает в Америке—великой, свободной счастливой стране, осуществившей лозунг свободы личности! Крепкие нервы у американцев, вот в чем секрет, и особенно крепкими оказались нервы у надзирателей и стражи тюрьмы города Колумбус в штате Огайо.

Пожар возник в этой тюрьме, и заживо сгорели в этом пожаре около 350 заключенных. Сгорели, но могли бы и не сгореть, если бы... если бы чуть-чуть ослабли у надзирателей нервы и отомкнули бы они своими ключами двери железных камер, в которых находились заключенные. Но не ослабли нервы: спокойно наблюдали надзиратели, как гибли в дыму и огне живые люди, спокойно слышали отчаянные их вопли. Открыть двери камер? Да, заключенные спаслись бы тогда; но ведь в переполохе могли они убежать из тюрьмы, могли наброситься на надзирателей и поднять бунт, что уж не раз случалось в американских тюрьмах. Пусть лучше горят, тем более, что были среди них и смертники и приговоренные к пожизненному заключению.

Но есть, есть в Америке справедливость. Ведь уже уволены двое из надзирателей, ведь уже назначена комиссия для расследования обстоятельств пожара, и ведь, сообщает телеграмма из Колумбуса: «Удовлетворено требование оставшихся в живых



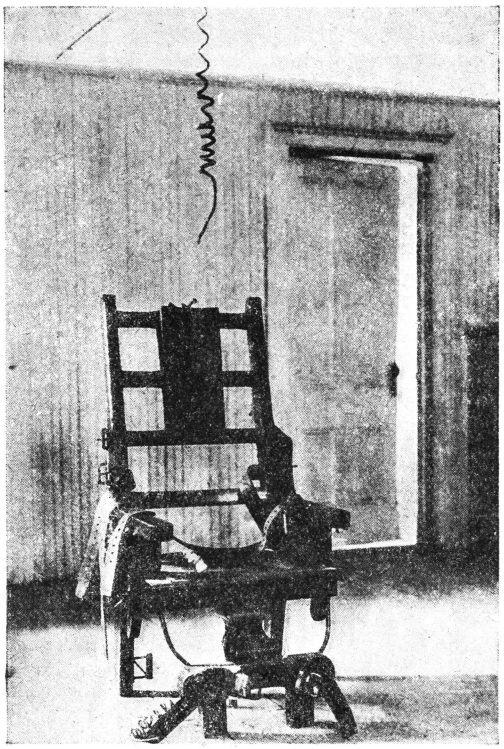
заключенных о выдаче им больших порций табаку в целях успокоения их возбужденных этим происшествием нервов...» Моралист воскликнет: видите, эти триста пятьдесят погибли не даром, все к лучшему в этом лучшем из миров!

Польза электрического стула

И даже казнь на электрическом стуле имеет свои полезные стороны, если только взглянуть на нее с истинно американской деловитостью и настоящим американским юмором. Так и взглянул на нее мистер Вальтер Бахрах, талантливый адвокат. По уполномочию семейства недавно казненного Гарри Диаманда он подал иск в Федераль-

ный суд штата Чикаго, иск против страхового общества.

Дело не в том,—пишет Бахрах в исковом прошении,—что Диаманд был казнен за убийство своей жены, но дело в том, что он был застрахован на смерть от несчастного случая в сумме 2500 долларов. И его наследники теперь требуют от страхового общества эти две с половиной тысячи, ввиду того, что оный Диаманд «был привязан к стулу неизвестными лицами. и, помимо его воли, через его тело был пропущен электрический ток, каковой факт является для Диаманда несчастным случаем».



Мы не беремся предсказывать, как разрешит суд штата Чикаго интересный этот казус, но можно ли отрицать в свете этого казуса, что ценность человеческой личности в странах буржуазной культуры высока и тогда, когда пропущен через его тело электрический ток! Нужно только не забыть предварительно застраховаться...

Категорический императив

И отсюда, пожалуй, вытекает, что быть казненным в Америке выгоднее (для родственников, конечно), чем прозябать в Европе. В Америке это знают и всячески оберегают себя от прилива желающих на худой конец хотя бы быть казненными в Америке. Поэтому и принял недавно американский сенат билль о сокращении числа иммигрантов в САСШ: вместо прежних полутораста тысяч, отныне будут ежегодно

допускаться в САСШ из Европы лишь 80 тысяч человек. Не много на 120 млн. населения, особенно, если вспомнить, что до войны число иммигрантов доходило до миллиона человек в год... «С нас хватит собственных нищих и не нужно нам европейских нищих», мог бы сказать сенатор Гаррис, внесший этот билль. И этот лаконизм пришелся бы по сердцу другому американскому политику, американскому послу во Франции, который на жалобы представителей французских торговых палат на то, что хозяйственные взаимоотношения между САСШ Европой не те, какие они должны быть, что Америка мало-по-малу изолируется от остального света, окружая себя высокими непреодолимыми стенами тарифов, ответил формулой глубокомысленной, мощной, красноречиво-лаконичной, могущей занять место рядом с категорическим императивом Канта.

Этот новейший категорический императив американского изделия гласит: «Пусть каждый покупает там, где ему это выгоднее».

История запомнит эту последнюю формулу мудрости буржуазного мира, история отдаст должное ее величавой суровости и красоте! Так говорит американский сверхчеловек Заратустра, по сравнению с которым его европейский коллега был несчастным романтическим щенком. Тот лишь говорил—падающего толкни, а американский его ученик—человек дела и падающую Европу планомерно и организованно сшибает. И есть еще умники, которые говорят об «организованном капитализме» и плановом хозяйстве капиталистического общества.

Полицейские всех стран...

Впрочем, Европа еще барахтается, не желая падать, и последний европейский Заратустра—Аристид Бриан—все еще пугает Америку «несвоевременными размышлениями» о Соединенных Штатах Европы. Но тускнеет голос Заратустры. В меморандуме о Соединенных Штатах Европы, каковой намерен он в недалеком будущем разослать 26 европейским государствам, основным является вопрос о создании «Всеевропейского союза полиции». Дело нужное, что и говорить, братский союз Интеллидженс Сервис с французской сюрте, румынской сигуран-

цой, польской дефензивой! Это будет, поистине, выражаясь нацшеанским языком, «союз белокурых, черноусых и всяческих других бестий», но неужели на самом деле Соединенные Штаты Европы—это есть соединенные штаты европейской полиции! Аристид Бриан может умереть, Аристид Бриан лучше уж ничего не скажет...

Долой тиранов!

Но нет, есть еще порох в пороховницах, еще бьется в сердце мира—в Европе—подлинная интернациональная, свободная и революционная мысль. В великом европейском городе Вене бьется эта мысль на интернациональной женской конференции, открывающейся на-днях. Это будет поистине интернациональная конференция—на ней присутствует, например, представительница южно-американского государства Перу—мадам Галлахер де-Паркс. И это будет свободомыслящая конференция, ибо намерена на ней упомянутая мадам, согласно ее сообщениям прессе, поднять великий бунт, поднять восстание против тиранов. Каких? Ну, конечно, против тиранов со знаменитой парижской улицы, где сосредоточены ателье знаменитых портных—законодателей мод.

Ведь эти тираны пытаются «заставить нас вернуться назад, к глупым непрактичным модам, к платьям с высокой талией и длинными юбками, к шляпам с перьями и цветами... Вопрос этот имеет не только практическую, но и духовную сторону, и я очень хотела бы, чтобы наша конференция высказала свое мнение по поводу этой попытки парижских магазинов создавать законы для практических и просвещенных женщин!»

Так говорила мадам из Перу репортеру большой и просвещенной венской газеты. Вопрос этот заинтересовал газету, весьма озабоченную поднятием духовного уровня

своих читателей, и поспешно устроила она анкету о будущем женщин вообще, и, в частности, о влиянии коротких и длинных юбок на психологию современных женщин. В чем же таится оно, это «вечно-женственное», о котором писал еще великий Гете, в короткой или длинной юбке?

Были запрошены «выдающиеся женщины» Парижа, Лондона, Берлина, Вены. Америка и тут оказалась загороженной непроницаемой стеной—дорогим телеграфным тарифом... И из последовавших многочисленных ответов выяснилось, что вообще будущее женщины весьма благоприятно и женственности ее ничто не грозит, если только она усвоит принцип двойной моды: короткой юбки для улицы и работы и длинной юбки для вечерних развлечений и домашнего очага.

Семеро ежедневно

Итак, отныне известно, в каком платье нужно работать, в каком предаваться домашнему очагу и вечерним развлечениям. Совершенно очевидно, что все это, однако, совсем не касается тех женщин, у которых днем нет работы, а вечером нет домашнего очага и милых развлечений. Но стоит ли с этой группой женщин считаться, стоит ли дискутировать об их будущем? Ведь так часто это будущее—просто смерть,

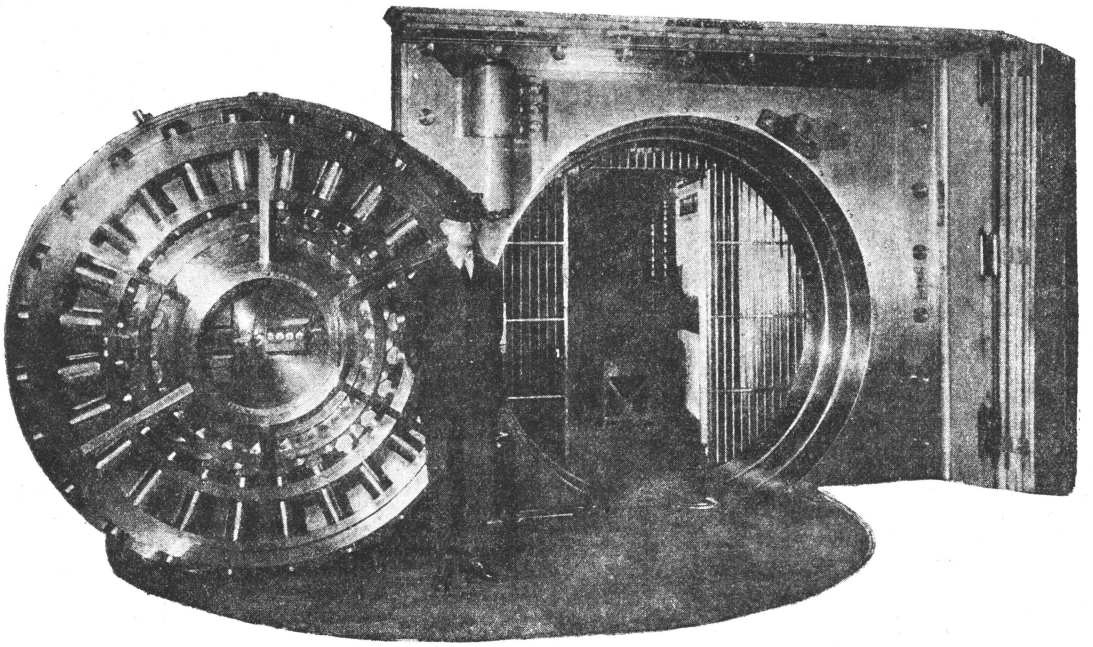
смерть от петли, от яда, от револьвера... И до сих пор ни парижские законодатели, ни венская конференция не установили формы и покроя платья для женщин-самоубийц. А ведь их, между прочим, не так уж мало. Вот в этом самом веселом городе Вене за первую четверть этого года покончили самоубийством 624 человека, приблизительно по семеро в день; соответственный период 1929 г. дал 539 самоубийств, а 1928 г.—448,— повышение идет, таким образом, равномерно из года в год... Из этих шестисот двадцати четырех больше 60% приходится на долю женщин. Нужно ли прибавлять, что значительное количество случаев самоубийств обусловлено потерей службы, безработицей, а не невозможностью решить этот мучительный вопрос о модах!

Держится, старушка...

Но ничего! Самоубийство не в счет! Маленькие недостатки механизма, а вообще говоря, «верхние десять тысяч» в каждой европейской стране могут быть довольны старушкой Европой: держится еще. Конечно, проклятая Америка... Но, оказывается, эта проклятая Америка не так уж обогнала Европу. Вот, взять к примеру состояние золотой наличности. В одиннадцать млрд. долларов исчисляется мировой золотой запас, и из них только три млрд. находится в САСШ и около 3,2 млрд. только в четырех европейских странах: Франции, Англии, Германии, Италии, причем, в одной только Франции с ее сорока млн. населения имеется золотой наличности 1,6 млрд., т. е. пропорционально населению больше, чем в Соединенных Штатах. «Живем», восклицают, торжествуя, французские газеты.

— Еще как живем,—милостиво соглашается директор знаменитого шведского спичечного треста Ивар Крегер.

Именинником ходит Крегер. Только что опубликовал его трест свой отчет за пос-



ледний операционный год и сообщил, что доход треста в этом году составил больше полумиллиарда шведских крон—около 400 млн. зол. руб... Доход за один год—одного треста—на спичках!

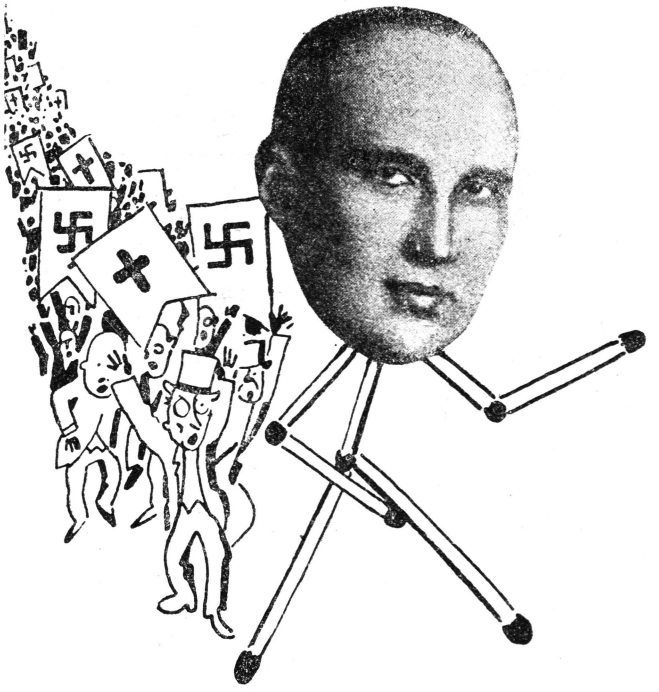
Диалектика капиталистической спички

Как получилась такая чудовищная прибыль? В значительной степени за счет того, что такие страны, как Германия, САСШ, Австралии, Бельгии и др., повысили в последнем году ввозные пошлины на спички иностранного происхождения. И стало-быть, на спички шведского треста? Нет, в том-то и фокус, что во всех этих странах шведский трест имеет свои собственные фабрики спичек, почти фактическую монополию спичечного производства. Таким образом и получается, что оружием интернационального треста служит повышение таможенных пошлин—такова своеобразная диалектика капиталистического строя.

Но тут не кончаются чудеса этой диалектики. Известно, что основным конкурентом спички Ивара Крегера является советская спичка. Борясь против нее, приказал спичечный диктатор повысить таможенные пошлины на спички: удалить советскую спичку с мирового рынка—было его повеление. Но спичка спичкой, и должна же быть за шведской спичкой в ее борьбе против советской какая-то идея! Ура, есть идея! Как можно потреблять советскую спичку, советскую нефть, советский лен, советский лес, ежели в этой нечестивой советской стране надругаются над христианской религией?

А потому дают пароль своей пастве капиталистические диктаторы — долой нечестивую Советскую страну!

И в итоге зажигается от шведской спички идея антисоветского крестового похода.



Только сон?

И шествует папа во главе крестового похода, осеняя паству свою крестом, сложенным из шведских спичек. И овладевают Ватиканом соблазнительные мечты... Эти мечты изящно формулировал еще несколько лет тому назад монсиньор Эрбиньи, епископ-иезуит, стоящий ныне во главе «русского бюро» Ватикана. Мечтания эти, зафиксированные им в специальном докладе, написанном после посещения Советского Союза, опубликованы ныне в отрывках и они гласят:

«Москва является теперь мозгом Азии... Святой Павел, находись он в Москве, чувствовал бы себя в центре громадного мира, значительно большего, чем языческий Рим... Но задачи святого Павла в Москве были бы, пожалуй, легче, чем та миссия, которую выполнял он в Риме».

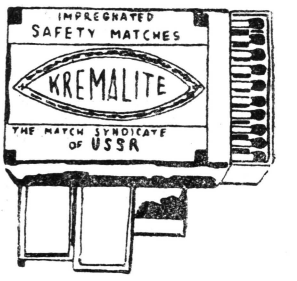
Какова же эта более легкая задача, предстоящая современным Павлам?

«Осенение Азии светом католицизма через Москву, через Москву, воссоединенную с Римом. Неужели это останется только сном?»

И боясь, чтоб это не осталось, увы, только сном, спешит Эрбиньи посоветоваться на эту тему, нет не со св. Павлом и св. Петром, — устарели они, — а с современными святыми католической церкви, с Иваром Крагером, с Генри Детердингом и со всеми фабрикантами советских фальшивок...

Шефство девы Марии

Но одними молитвами, снами и мечтами разве проживешь? А жить мировому католицизму хищно и особенно теперь жадно хочется после сенсационных его успехов—договора с Муссолини, прусского конкордата, теперь, когда такие блестящие перспективы рисует союз креста и зо-



лота, креста и пулемета. Но чтоб жить интенсивно, нужно омолодиться, и спешно омоложается католицизм. Новые методы ищут новые пути. И с жадностью читают католические публицисты советскую прессу. И пишет один из них в журнале «Дас Нейе

Рейх» под заголовком: «Чему мы можем научиться у Советов»:

«1. Системе социалистического соревнования: она может быть применена нашими союзами в отношении вербовки членов нашими глазами, в отношении вербовки абонентов нашими пастырями, в отношении прихожан...

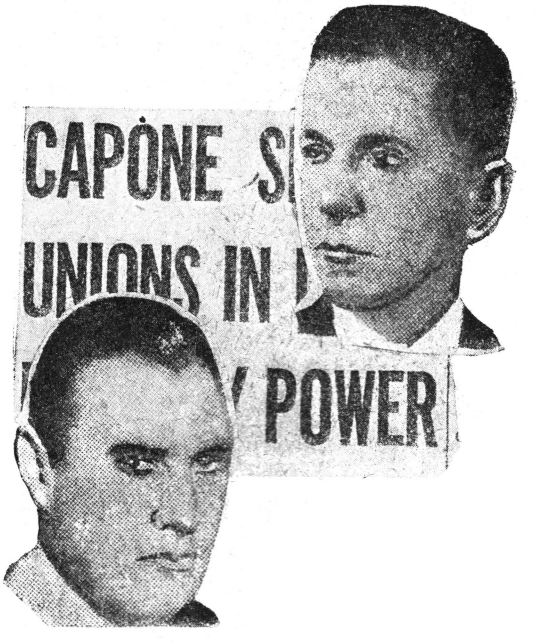
2. Система шефства: каждая община должна взять шефство над какой-нибудь другой и помогать ей духовно и материально, особенно старшие младшим, отечественные иностранным...» Рекомендует также автор применять систему чистки, осуществить идею об «ударниках и выдвиженцах в католической церкви». Как известно, одна выдвиженка уже существует в католической церкви: дева Мария. Эту выдвиженку, по словам «Католише Кирхенцейтунг», надлежит почитать всем верующим, в частности «детям—ведь они должны любить ее ради ребенка Иисуса, молодым девушкам—ведь она непорочная дева, юношам—для них она идеал, замужним женщинам—ведь была она супругой и вдовой, мужьям — почитая Марию, научатся они почитать и жен своих...» Но в нынешней ситуации особенно рекомендуется почитать деву-выдвиженку капиталистическим выдвиженцам, Крегерам и Детердингам, и отдать под шефство девы свои спички и нефть.

Конференция в Чикаго

Однако, если предложить деву Марию в качестве шефа мистеру Альфонсу Капоне, известному под прозвищем Рубчатый, и сослаться при этом на Детердинга, боимся, откажется он от этой чести, ибо он честный бандит, а не Детердинг, и ему нет нужды лицемерить.

Кто такой Капоне?

Дело в том, что за последние месяцы состоялось две конференции по разоружению: одна в Лондоне, между пятью державами, закончившаяся, несмотря на все лицемерие руководителей ее, фантастическим крахом, и другая в Чикаго, между двумя честными бандитами—Капоне и Мораном, закончившаяся блестящим успехом.



Это покажется преувеличением, кадром из кинофильмы, чудесами, но разница между чудесами чикагскими и католическими в том, что первые реальны до последней детали. И каждый американец знает, что вот уже несколько лет, как в Чикаго живут и работают две могучие бандитские шайки, одна под предводительством Капоне, другая под лидерством Джорджа Морана, с прозванием «сумасшедший». Основное занятие обеих шаек—это «бутлегерство», т. е. торговля контрабандным алкоголем, но не брезгают обе группировки также налетами, грабежом, шантажем и даже вульгарными кражами. Чикагская полиция и администрация у них в значительной степени на откупу; конечно, бывает, что членов шаек арестовывают, сажают в тюрьму, даже электрифицируют — во всяком серьезном деле необходимы издержки производства, но эти жертвы идут за счет периферии, не касаясь головки организаций. И они процветают, особенно организация Капоне Рубчатого, имеющего также титул «Император бандитов». Официально установлено, например, что за 1926 операционный год его организация имела валового дохода семьдесят млн. долларов, не менее половины которых составилось из взносов шантажируемых чикагских обывателей. Сам Капоне в среднем зарабатывает около миллиона в год. Он известен, как широкий человек, он поощряет искусства и выступает меценатом. Недавно он был арестован—не в Чикаго, а в Филадельфии, за противозаконное ношение оружия—револьвера, и отсидел короткий срок в тюрьме. Тогда своевременно сообщалось, что он сам устроил этот арест, чтоб на время скрыться от своих врагов. Отбыв срок, он отбыл в Миами—самый модный курорт в САСШ, где у него вилла, похожая на крепость.

Капоне нуждается в крепости, ибо у него мощные враги—шайка Морана. Долго свирепствовала между обеими шайками братоубийственная война. На улицах Чикаго происходили сражения, бушевал пулеметный огонь: обе шайки располагают большим количеством пулеметов. Лишь недавно один из верхов шайки Морана был, находясь в своем автомобиле, изрешетен пулеметным огнем с другого автомобиля: в теле его нашли более 50 пулеметных снарядов. И под влиянием ли речей Макдональда и Гувера, или по другим соображениям—состоялась конференция между предводителями обеих шаек, и предоставим слово нью-йоркскому корреспонденту «Дейли Телеграф»: «Они подписали мирный договор и соглашение о сокращении вооружений». Они согласились в том, что неразумно продолжать убивать друг друга, поскольку Чикаго достаточно богатый город, чтоб обеспечить дивидендами обе организации. Город разделен согласно мирному договору на сферы влияния: западная часть и деловой район предоставляются Капоне, северная часть—Морану. Каждая из договаривающихся сторон обязалась сохранить лишь минимальное количество вооружения для самообороны.

Треугольник

Еще раз: это не страница из уголовного романа, все это рассказано нью-йоркским корреспондентом солидной лондонской газеты «Дейли Телеграф» в номере от 15 апреля. Хороший рассказ.

Но разве плох помещенный тут же рядом рассказ об Оуэне Юнге, и разве не красноречив соседний рассказ о Джемсе Маймоне?

Оуэн Юнг—да, тот самый американский мультимиллионер, председатель «Дженераль Электрик Компани», имя которого совсем недавно повторяли сотни тысяч берлинских пролетариев, демонстрировавших Первое Мая под коммунистическими знаменами, восклицая: «Из Германии Юнга—мы сделаем Германию советскую!» Кто же не слыхал о плане Юнга, кто не знает, что имя это означает — петля!

Что же произошло с Оуэном Юнгом? Нет, ничего, он просто мастерит новый сверхгигантский трест, он организует слияние

«Дженераль Электрик» с «Вестингауз Электрик» и с «Радио Корпорейшен оф Америка». Эта последняя организация, концентрирующая всю радиопромышленность САСШ, имеет, кроме того, как заявил в американском сенате сенатор Дилль, исключительные контракты со всеми главными правительствами мира, касающиеся существующих патентов в радиоделе. А «Дженерал Электрик» пользуется монополией в области электрификации и производства электрооборудования. Из сливающихся организаций должен быть образован мировой радиотрест, опирающийся на поддержку нового банка для международных расчетов. И если эта комбинация пройдет, — говорит сенатор Рид, — создается такая монополия, «подобно которой еще не было в истории человечества».

Финансовый Наполеон, сказочный великан этот мистер Юнг... И Наполеон бандитов— это мистер Капоне. И рядом с ними—крохотный маленький человечек, чернорабочий города Престона, Джемс Маймон. Он тоже пытался делать, что мог, в своей жизни, и в качестве последней попытки — пытался удушить газом двух своих маленьких детей—Томаса, 9 лет, и Рональда, 6 лет. Не удалась и эта попытка: соседи спасли детей. Причина покушения? Ну, просто безработица, накануне только описали последнюю мебель в его каморке за долги. Теперь Джемса Маймона будут судить за покушение на убийство.

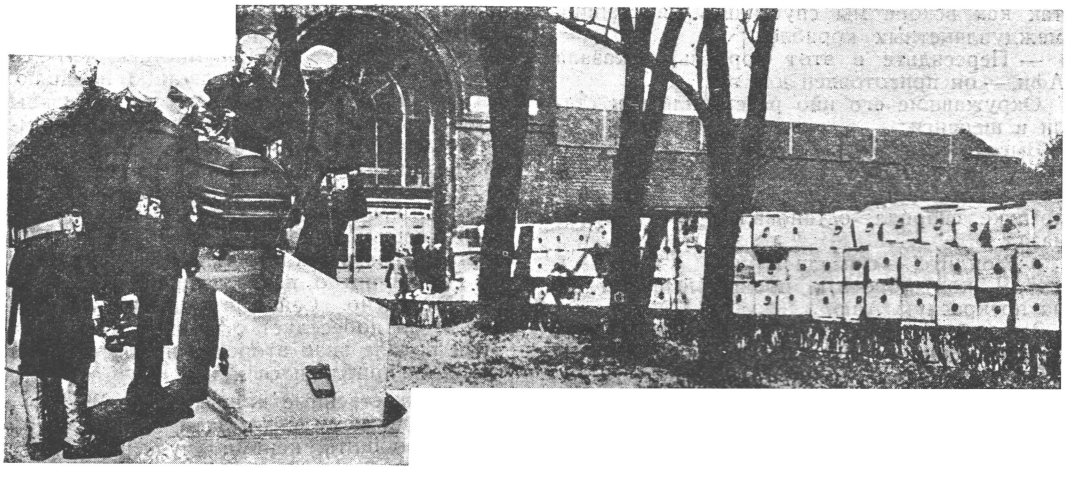
Юнг, Капоне и Маймон... Мировой бандит, создающий законы для этого мира, чикагский его коллега, эти законы безнаказано нарушающий, и третий, своим существованием, существованием детей своих платящий за существование этих законов. Таков треугольник, такова пирамида, всей тяжестью своей давящая на десятки миллионов Маймонов, такова пирамида, в высшей точке которой сливаются Юнг и Капоне, так, что не различишь, кто из них Юнг и кто Капоне. Но Джемса Маймона— в Вене называется он Альфредом Фриком и еще как-то называется он в Калькутте,—и в Чикаго, и в Шанхае, и в Париже, его всегда отличишь, всегда узнаешь. Он—десятки и сотни миллионов, он тот, кто страдает, тот, кто отчаивается, кто убивает себя и детей своих и кто, в последнем итоге, восстает и побеждает.

Треугольником распланированы сады буржуазной культуры, пирамидой высятся они...

*

Как это пишет газета «Германия»? Расцвет человеческой личности? Лозунг— «Один за всех, все за одного»? Не правда ли, этому расцвету способствует этот лозунг, который претворяет в жизнь буржуазная культура, культура Юнга, Капоне и Маймона.

МИХ. ЛЕВИДОВ



Гробы с телами 350 заключенных, погибших при пожаре тюрьмы в г. Колумбус (штат Огайо).

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

«Следующий мир» скоро выходит отдельной книгой в издании «Молодой Гвардии»

Профессор Брукс и его сотрудник Брайт, попавшие на один из спутников Сатурна — Айю, находят здесь идеальное государство будущего.

Ученый Тао и его ученица Афи знакомят людей Земли со всеми достижениями их социального строя. Эти достижения настолько велики, что даже профессор поколеблен в своих буржуазных убеждениях.

На соседнем спутнике Сатурна — Юйви — царит гнет буржуазии, и айвитяне после недолгой, но кровопролитной войны освобождают угнетенных братьев.

Брайт готовится к возвращению на Землю и пишет подробный отчет о пребывании на спутнике Сатурна.

Научно-фантастический и политический роман Э. ЗЕЛИКОВИЧА

ПОКИДАЯ 357-й город, я увидел внизу огромную, залитую светом Сатурна блестящую толпу с высоко поднятыми руками. Нас провожали десятки снарядов.

— Каково, Брайт, а? — сказал профессор.

— Вы видите, как вас провожают? Из-за одного этого стоит уехать! Но давайте побеседуем. Я хочу дать вам некоторые указания, в каком духе составить отчет.

Беседовать пришлось, впрочем, недолго, так как вскоре мы спустились на станции междупланетных кораблей.

— Пересядьте в этот корабль, — сказала Афи, — он приготовлен для вас.

Окружавшие его ийо расступились и стали в шеренги.

Высоко на небе сияли солнца.

Твердыми шагами прошел я меж двух рядов блистающих великанов, приблизился к крышке снаряда, остановился и оглянулся назад.

— Войдите, — сказала Афи.

— Я хочу бросить прощальный взгляд на прекрасную Айю.

За мной последовал профессор, Афи, Кайя, Тао и прочие друзья.

Все безмолвно сели. В последний раз завинтили крышку. Раздавшийся в тишине хорошо знакомый легкий шелест прошуршал у меня по спине. Зажегся мягкий голубой свет. Профессор Кайя стал у руля.

— Что это значит?—спросил я смущенно.

— Это значит, — ответила Афи, — что величайший ученый в области физики будет первым пилотом, который поведет вас с Айю по направлению к вашей родине.

Кайя повернул руль, и мы быстро покинули почву: планета Совершенства стремительно падала в бездну.

Еле сдерживая волнение, я отвернулся от Афи.

— Брайт, — твердо сказал профессор (в его тоне чувствовались металлические нотки). — Я понимаю вас, но все то, что вы в данный момент переживаете, не должно служить пищей для сентиментальных чувств. Думайте о том, что вы отправляетесь на Землю с наиболее важной миссией, чем все те, которые выпадали когда-либо на долю так наз. «пророков», а, именно: вы обязаны рассказать человечеству, как прекрасен коммунистический строй. Вот и все. Более мне нечего прибавить к этому — в этом все те инструкции, которые я намеревался дать вам.

— Правильно, — тихо заметила Афи. — Эта короткая фраза заключает в себе все.

— Поговорим о науке, — предложил я.

— Прекрасно. Сейчас я попрошу сюда Кайя, и он побеседует с вами.

Афи подала знак второму пилоту, и Кайя тотчас же приблизился к нам.

— Невежественные пришельцы с Земли,— обратился к нему с улыбкой профессор, — просят сообщить, какими «чудесными» силами вы витаете в межзвездных пространствах.

— Напрасно вы называете себя «невежественными»: ведь земная техника пережи-

вает сейчас «век электричества», т. е. ваша физика отстала от нашей всего лишь на одну эпоху.

— Чем же знаменуется у вас современная эпоха? — спросил я с любопытством.

— Вы уже знаете — лучами, которые мы получаем в десятках видов путем разложения атомов. Лучистая энергия открыла нам тайну тяготения, которой мы и овладели. На ней именно и основан принцип полета кораблей. Материя определенной структуры, «насыщенная», так сказать, тем или иным видом лучистой энергии, становится «тяжелее», «нейтральной» или же «отрицательно-тяготеющей».

— То есть как?

— Не притягивается, но отталкивается телами. Вся поверхность эллипсида распределена на участки. Каждый участок изолированно сообщен с аккумуляторами, которые пропитывают его разными видами «тяготеющей» световой и тепловой энергии. После того, как крышка корабля завинчивается, пилот поворотом общего рычага...

Кайя долго и подробно об'яснял технику полета, а затем, пригласив нас к столу, принялся чертить магнитные поля и выводить сложнейшие математические формулы. Признаюсь, что я мало понимал в стихии атомов и электронов, но зато профессор все время слушал с неослабевающим вниманием.

— А как поддерживается в корабле тепло? — спросил он.

— Довольно просто, — ответил Кайя. — Казалось бы, что температура междупланетного пространства должна была бы равняться абсолютному нулю, но это неверно: пустота не может быть холодной, ибо она не обладает никакой теплоемкостью. Корабль теряет в этом случае лишь сравнительно незначительную часть своей теплоты путем излучения.

Яркий полукруг Вуйи между тем занял уже все поле зрения. Остаток пути незаметно протекал в оживленных беседах с Афи и Тао.

Внезапно все стихли. Кайя стал у руля.

— Я доставлю вас сейчас на планету, — сказал он, — через которую вы проникли в наш мир, — и вскоре мы плавно спустились на Вуйи.

При абсолютной тишине была отвинчена крышка. Все отодвинулись, предоставив мне первому выйти на почву. Затем последовал профессор, Тао, Кайя, Афи и все прочие ийо. Вокруг нас садились корабли, которыми было усеяно небо.

Я отошел от снаряда и оглянулся кругом. Высоко стояли солнца, заливавшие ослепительным светом хорошо знакомую нам раскаленную равнину, а в разных частях неба, отливая серебром, сияли исполинский Сатурн и несколько лун.

Один за другим продолжали спускаться снаряды, из которых без конца выходили прилетевшие провожать меня ийо. Безмолвно становились они вокруг нас концентрическими кругами, производя впечатление грандиозного парада войск.

Когда последний снаряд опустел, Тао об'явил:

— Все вышли. Нас более десяти тысяч.

Это была блестящая армия могучих великанов, особенно ярко сверкавших на солнцах безоблачной атмосферы Вуйи.

Профессор красноречиво посмотрел на меня.

— Пройдемтесь, Брайт, по тем местам, где мы страдали.

Мне показалось, что с тех пор прошли уже годы...

— Идемте и вы с нами! — обратился я к ближайшим друзьям.

Афи взяла меня за руку, и мы молча направились к знаменитой горе.

— Здесь, — сказал я, остановившись, — доведенные до степени крайнего отчаяния мы решили покончить самоубийством...

Все молчали.

— Мистер Брукс, подойдемте... к нашему холмику.

Мы повернулись, ийо расступились, и вдали открылась полуразвалившаяся кучка камней с покрившейся черной палочкой... Я быстро двинулся вперед и вскоре достиг обгоревшей тряпочки, от которой остались одни лишь лохмотья.

Подойдя, я повернулся, поднял руку и, чувствуя, что невольно бледнею, произнес:

— Я готов, друзья мои.

Профессор стал рядом со мной. Слева приблизилась Афи. Вплотную подошли также Тао и Кайя. Один из ийо протянул мне узел с вещами. Я вынул магнето. Все стихло. Сердце мое неистово билось, и дрожащей рукой я начал крутить рычажок.

...Жужжание и свист прорвали тишину, и из зияющей черной впадины пространства посыпались каскады пенящихся искр.

— И-и! — мелодично прозвучало из тысячи уст.

— Нам повезло... — натянуто улыбнувшись, сказал профессор. — А мы уже готовы были остаться здесь несколько дней. Бодрее, Брайт! Переоденьтесь — раз-два! Чем быстрее, тем легче вам будет!

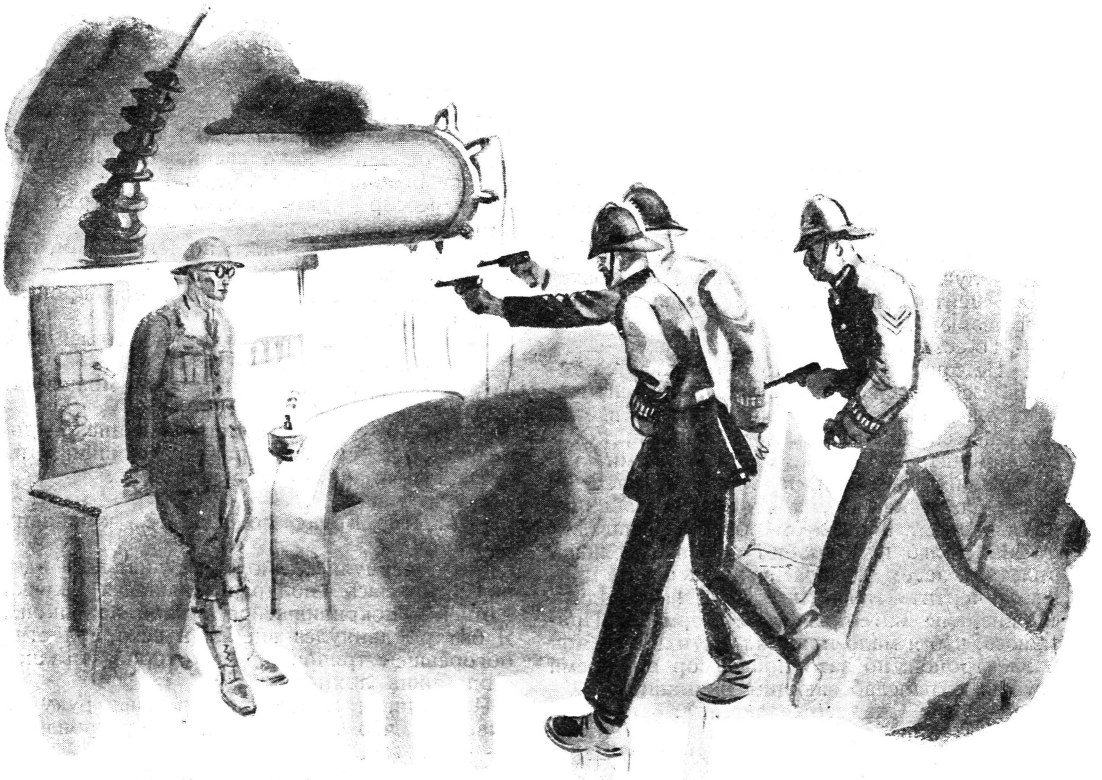
Снопы лучей продолжали ласково искриться, но мрачная, мглистая пропасть пугала меня.

Я начал быстро разворачивать узел... Минуты через три я стоял уже в своем темном, тяжелом, засаленном и неуклюжем земном одеянии, а легкая и блестящая чешуя, сверкая на солнцах, лежала у ног.

— До свиданья, друзья! — крикнул я окружавшим меня ийо и в тот же момент стремительно бросился в пропасть.

. . . . . .

Весь мир закружился и перевернулся. Стихия подхватила меня, с предельной быстротой завращала и мгновенно перебросила через всю Бесконечность. Раздался оглуши-



В коттэдж вскочили три полисмена.

тельный взрыв, сознание угасло, и я погрузился в мрак. Молниеносно пролетев темное царство полусмерти, я снова был выброшен могучей волной в бытие и пространство. Ударившись и почувствовав боль, я осознал, что живу. Раздался еще один взрыв, и узел с вещами скатился мне на ноги. Над головой жужжал резонатор. Я с трудом приподнялся, держась за стол и шатаясь, как после припадка...

. . . . . .

Я находился в коттедже. Было темно. Оправившись, я нащупал на стене выключатель. Вспыхнул резкий электрический свет. Ухватившись за рычаг резонатора, я бросил прощальный взгляд на «Следующий мир». В последний раз промелькнула где-то вдали блестящая ладонь профессора и освещенное солнцами прекрасное лицо Афи, с глубокими, смеющимися глазами... Хронометр показывал 1 час и 16 минут дня.

Я решительно повернул рукоятку: резонатор смолк и угас... Поблекло отверстие и, как призрак, рассеялось. Я остался один — совершенно один, заключенный меж четырех стен. Чувство щемящей тоски сдавило мне грудь, и я вспомнил... я вспомнил чудесную сказку. Она незаметно и тихо ушла, и громко вступила Реальность. Первое было — неприятный и затхлый воздух Земли. Затем резко скрипнул отпираемый снаружи замок, дверь распахнулась, и в коттедж вскочили три полисмена. В руках они держали направленные на меня револьверы.

— Стоп! Ни шагу вперед — или мы будем стрелять! Что вы тут делаете?

— Я только что прибыл.

— Откуда?

— С другой планеты.

Полисмен недоверчиво посмотрел на меня.

— Как вы попали сюда? На окнах ставни, двери закрыты и все под замком. Мы неотлучно дежурим у коттеджа, и никто вас не видел входящим сюда. И что это за взрывы вы устроили здесь? Прошу дать об'яснение.

— К сожалению, не могу — вы не поймете этого. Но я готов тотчас же раз'яснить все коллегии профессоров при государственном университете, куда и прошу вас доставить меня.

Полисмен пронизывающе взглянул мне в глаза. Затем, повысив тон, он медленно отчеканил:

— Именем закона вторично требую немедленно же дать мне об'яснение! Не забывайте, что вы не в какой-либо Советской России, а имеете дело с представителем британской полиции!

О, я хорошо это понял и ответил:

— Я прибыл из следующего мира, попав сюда из иного пространства через четвертое измерение. Поэтому ставни и двери остались неповрежденными.

Полисмен взглянул на меня уже с явной угрозой.

— Это все?

— Да.

— Больше вам нечего сказать?

— Нет.

— Прекрасно!

Он сунул револьвер в кобуру и достал карандаш и записную книжку.

— Ваше имя?

— Вилли Брайт.

— Профессия и род занятий?

— Инженер-электромеханик, ассистент профессора государственного университета мистера Джемса Брукса.

— О-чень хорошо-с!.. — медленно процедил он с кривой усмешкой, пряча книжку в карман.—А не будет ли вам угодно, сэр,— продолжал он саркастически, повысив голос, — сообщить мне, где находится сейчас труп того самого мистера Брукса, о котором вы только что изволили упомянуть, смотря мне прямо в лицо? А?

Я подскочил, дико вытаращив глаза... Волосы зашевелились у меня на голове и ледянящий холод разлился по жилам. Я мгновенно все сообразил: меня подозревают в убийстве профессора и сокрытии его тела... И вдруг, как из царства сна, в моем воображении вырисовалась сталактитовая глыба, залитая огнем восходящих солнц, и в ушах зазвучала «Симфония Миров»... Я еще острее почувствовал, что нахожусь на старой, родной, знакомой Земле...

Вперив в меня испытующий взгляд, полисмен ядовито улыбался. Он был, видимо, доволен своим искусством сыщика-психолога, выведшего преступника на «чистую воду».

— Ну-с, сэр, — торжественно и с расстановкой произнес он, забавляясь моим смущением, — именем закона покорно прошу вас последовать за мной!

Я молча взял узел, и мы вышли из коттеджа. Дверь заперли на замок. Воздух снаружи был хотя и лучше, но все же неприятен, и мне казалось, что от полисменов разит падалью.

Наше единственное тусклое земное солнце заходило, мрачно и слабо освещая унылое поле. Было пыльно, грязно и душно... Чернея, шумел позади жидкий лес, а профессор сидел в это время с блестящими ийо в голубом эллипсоиде: витая меж звезд, он летел на прекрасную Айю. Где-то вдали грустно прозвучал заводской гудок.

За свою участь я не боялся: со мной были письмо и доверенность профессора, и, кроме того, я мог продемонстрировать суду действие резонатора. От всего этого было только противно и гадко, и чувство непреодолимого отвращения до тошноты наполняло все мое существо.

Вскоре мы достигли деревни и вошли в знакомую гостиницу. Мне показалось, что она сильно изменилась: всюду было мрачно, грязно и шумно. Узкие и тесные помещения давили меня; в воздухе стоял тошнотворный туман от сигар и трубок, смешанный с угаром жареного на каком-то отвратительном масле мяса; в ушах неприятно отзывался звон посуды и пивных бокалов, а кругом сидели одетые в темную и грязную одежду пьяные люди с узкими лбами и каким-то тупым и зверским выражением лиц. Я закрыл на мгновение глаза и увидел блестящую армию Великой коммуны совершенного мира.

Когда меня ввели под конвоем в столовую, селяне вскочили с мест и зашептались: они узнали меня.

— Я голоден, — обратился я к полисмену. — Разрешается мне законом покушать?

Не поняв иронии, он спросил:

— А деньги у вас есть?

Я порылся в карманах и достал несколько случайно застрявших там серебряных монет.

— Можете, — снисходительно разрешил он, убедившись, что у меня есть самое важное, дающее в земном мире право на жизнь. — Прошу сесть и не покидать это помещение! Я сообщу о вас комиссии по расследованию дела об убийстве профессора Джемса Брукса! — прибавил он многозначительно. — Вы арестованы и находитесь под наблюдением моих помощников.

Пьяный шум раздражал меня, а от вони я прямо задыхался. Резкие, хриплые голоса резали ухо. Опустившись на кривой и жесткий стул, я кликнул кельнера.

— Сделайте яичницу, — сказал я, кинув монету.

Вместе со мной уселись за стол оба полисмена.

— Какой сегодня день и число?

— Четверг, 15 апреля.

— А который теперь час, точно?

Полисмены вынули часы и ответили:

— 8 часов и 24 минуты, но больше вам разговаривать не полагается.

«По закону», подумал я, усмехнувшись. Я взглянул на свой хронометр и убедился, что профессор был прав: земное время отстало от показываемого на 17 часов и 47 минут.

Вскоре старший полисмен вернулся и торжественно об'явил:

— Комиссия выехала на место происшествия.

— Очень рад! — громко ответил я.

Посетители снова зашептались.

На стол поставили грубый хлеб, а затем подали, наконец, и яичницу. Она была чем-то засалена, но голод превозмог отвращение.

«Я вернусь туда, будь это связано с величайшим риском для жизни!» думал я за едой.

Через некоторое время послышался шум под'ехавшего автомобиля, и в комнату вошел высокий джентльмен. Посетители заволновались, полисмены вскочили, стали во фронт и взяли «под козырек».

Джентльмен быстро подошел ко мне, протянул руку и произнес:

— Оскар Беркленд, председатель комиссии по делу профессора Джемса Брукса.

Этими словами заканчивалась рукопись мистера Вилли Брайта.

IV. Письмо профессора Брукса ученому миру

Айю, 15 апреля.

Бывшие коллеги! Вопреки вашим чаяниям, я оказался не только не сумасшедшим, но даже и не фантастом. Невероятная теория блестяще оправдалась на практике, о чем вы подробно узнаете от моего ассистента и товарища мистера Вилли Брайта. Не являясь ученым, он все же оказался единственным человеком, не будь это вам в обиду сказано, поверившим моим идеям и глубоко переживавшим со мной все мои неудачи и радости. Оставаясь верным и преданным до последней минуты, он не отступил от меня даже и тогда, когда благодаря моей «опасной авантюре», нам — одиноким и выброшенным за пределы мыслимого мира, — казалось, неминуемо грозила мученическая смерть. Публично приношу ему—Вилли Брайту—мою благодарность и признательность и заявляю, что написанный им отчет составлен по моему поручению, в моем духе и согласно моим инструкциям. Поэтому я беру на себя все вытекающие отсюда последствия, за которые лично отвечу по возвращении на Землю. А пока, уважаемые коллеги, я хотел бы сказать вам несколько слов по существу нашей экспедиции.

Считая вначале этим «существом» математику и физику, я позднее, однако, убедился, что есть вещи выше и шире. Наука, как и все то, чем разумные и неразумные существа занимаются, имеет своей целью стремление к благополучию за счет уменьшения страдания. Таким образом, величайшей наукой из всех является учение о всеобщем благе. Эти школьные истины трактуются в элементарных учебниках, но я осмеливаюсь преподнести их вам, ибо вы, не понимая этого, лишь увеличиваете зло.

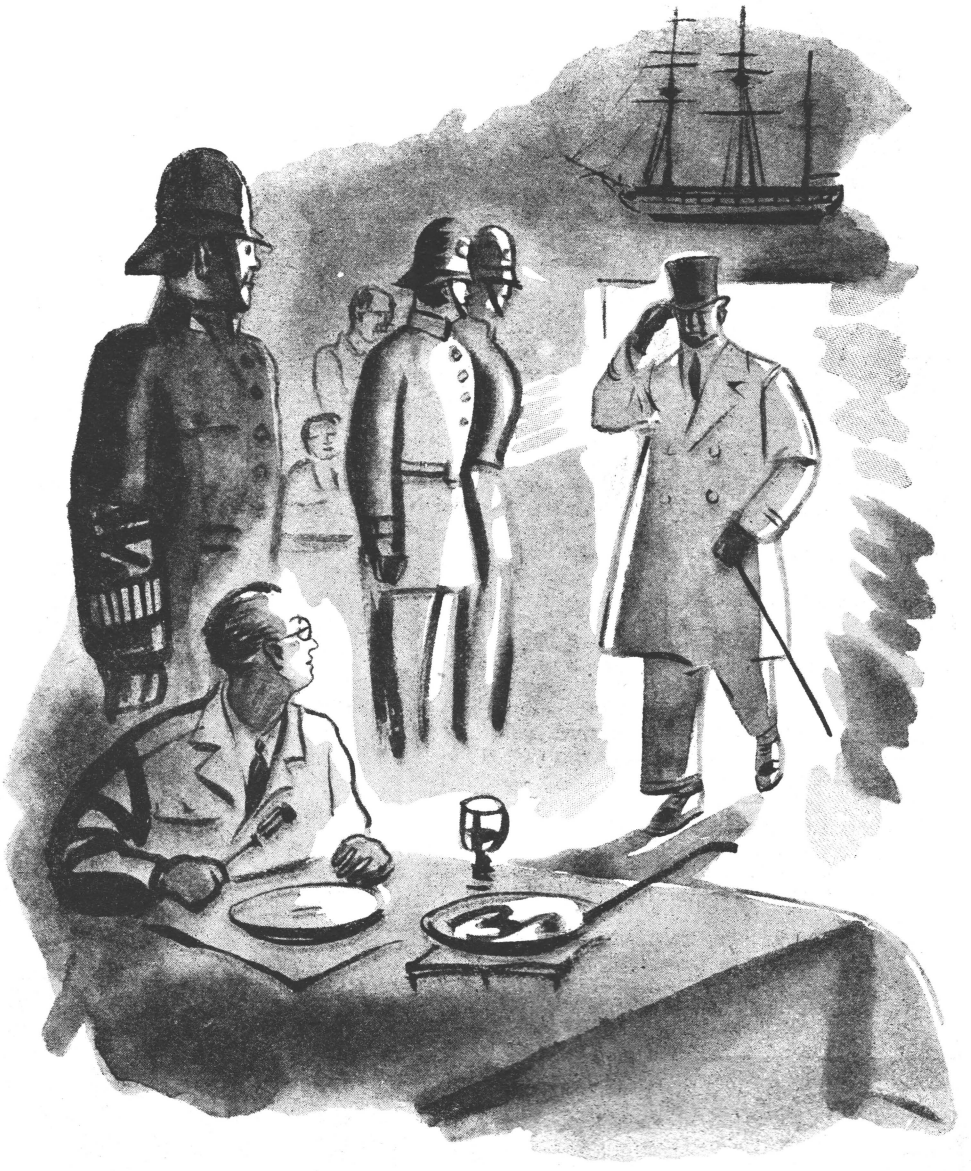
Вы наивно удивляетесь, и мои слова возмущают вас. Но позвольте спросить, не своими ли руками мы сбросили углекопов в глубокие шахты, приковали рабочих к машинам на фабриках и открыли человечеству тайны массового и мученического истребления друг друга? Кто, как не мы, выдумали динамит, дредноуты, аэропланы, ядовитые и ослепляющие газы и способы заражения масс эпидемическими болезнями? Мы старательно лечим дряхлые единицы и одновременно калечим здоровые миллионы. Вы ответите, что мы не входили во все это, работая только ради чистой науки! Тем хуже для нас! Мы не убивали, но создавали орудия преступления, з н а я, как они будут использованы. М ы д о л ж н ы были входить в это и, нося почетное звание ученых, н е м о г л и не знать, что мы способствуем рабству. Мы умывали руки от последствий наших ученых трудов, но это не может умыть нашу совесть. Сидя на вершинах своих кабинетов, мы затыкали уши и закрывали глаза перед действительностью, но это далеко еще не снимает с нас ответственности.

Поддерживая своей пассивностью режим эксплоататоров, мы привели к возникновению в наш век — век небывалого расцвета науки — совершенно невероятных возможностей. Рекордной из них является извлечение из-под затхлой плесени средневекового бескультурья мошеннически-лицемерных «идей» о крестовом походе—этом позорнейшем пятне в истории человечества против начинателя великой социалистической культуры — СССР. Поэтому я публично отказываюсь впредь от подобных путей, в доказательство чего не опубликую более в буржуазных государствах ни одного из моих трудов. Я скрою от буржуазных ученых полученные мною на Айю знания, чтобы империалистические державы не затеяли новых войн и не превратили бы другие планеты в колонии рабов.

Не подумайте, однако, что я проповедую Руссо и Толстого. Нисколько! Я стою з а современную цивилизацию, но считаю, что она не должна служить целям закрепощения, угнетения и взаимного истребления. А для этого трудящиеся должны исключить из своего общества подстрекателей войн и легионы эксплоатирующих их бездельников, которые обкрадывают их труд.

Вы считаете науку аполитичной, но вы не можете не понимать, что та дьявольская цель и пошлая форма, в какой знание преподносится нашими школами, делает его могучим орудием господства класса над классом. Поэтому всю свою будущую деятельность я свяжу с научными центрами СССР и им только сообщу все то, что узнал здесь. Ибо СССР — единственная на земном шаре страна, совершившая величайший в истории человечества перелом и положившая твердое начало к осуществлению того, что я застал здесь — на Айю.

Вы спросите меня: «Что же нам делать?» Отвечаю: громко заявить во всеуслышание об'единенный протест и присоединиться к борющемуся пролетариату. Ибо только он в о п р е к и вашей тормозящей деятельности



В комнату вошел высокий джентльмен.

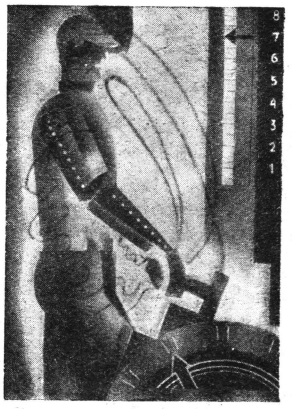
даст человечеству свободу и возможность культурного развития.

И не помогут любезно преподносимые вами классу насильников аэропланы, пушки, бактерии и ядовитые газы... Время убьет консервативную буржуазную формулу: «Пока жив человек, будут существовать войны и классы богатых и бедных». Пролетариат сам отвоевывает кровавые дюймы свободы, и кривая истории непреложно ведет из царства тьмы и насилия к свободе и свету. Социальные процессы нарастают в «скачки»: революции форсируют эволюцию, и каждый скачок разбивает новое звено цепей человечества.

Твердыми шагами грядет коммунизм.

Джемс Брукс

ТОЖЕ



1. Промышленность.

«В 2000 г. внутриатомная энергия сделает уголь пережитком старины, а наименее населенные места земли, например, Гималаи с их мощными водопадами, станут крупнейшими индивидуальными центрами».

«Вероятно, реклама нового романа», думает читатель.

Не надо спешить с выводами.

2. Наука.

«Превращение Сахары в продолжение Средиземного моря. Искусственное отепление полярных стран. Центральная Азия превращается в плодородную страну, климат ее становится мягким, подходящим для существования человека. Контроль над погодой и стабилизация ее».

3. Пути сообщения.

«Молекулярный мотор преодолеет силу тяготения. Полет Лондон—Нью-Йорк займет несколько часов. Пассажиры будут путешествовать в герметически закрытых кабинах».

— Ну, конечно,—уверен читатель,—сейчас редакция заявит, что это отрывки из нового романа, который будет печататься со следующей книжки.

4. Женщина.

«Искусственное деторождение — развитие ребенка из оплодотворенной клетки вне материнского тела — освободит женщину от опасностей деторождения. Но все же мужчина будет попрежнему для нее средством к выполнению своего назначения».

Опытный читатель «Борьбы Миров» недоверчиво щурится:

— Деторождение? Единственное назначение женщины? Странное утверждение. Правый уклон. Но, все-таки, я уверен, что это рекламируют новый роман. И рисунки уже готовы. Надо не забыть возобновить подписку. Ну, а что дальше?

5. Труд.

«Только одну неделю в месяц каждый гражданин будет отдавать однообразной, но невероятно продуктивной работе. Взамен ее он получит достаточную оплату, чтобы вместе с семьей жить с полным комфортом».

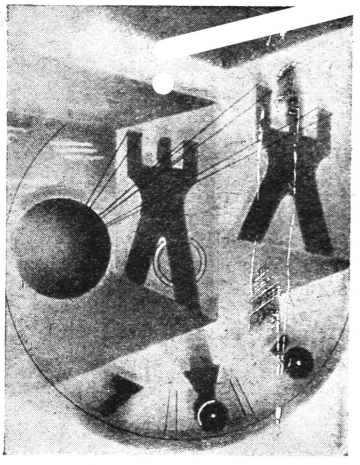
6. Развлечения.

«Повышение личного благосостояния даст возможность беднейшим гражданам заниматься дорогим спортом. Развитие радиотелефонии и телевидения даст возможность присутствовать на лекциях, в театре, на спортсостязаниях, не выходя из дома».

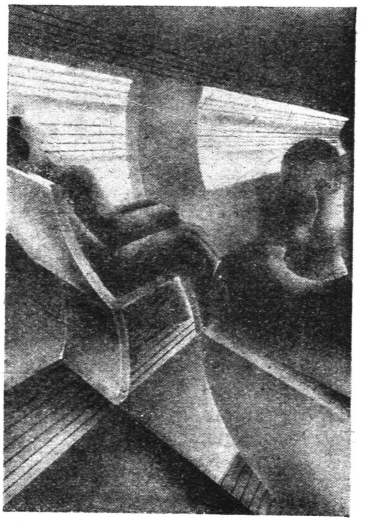
Читатель делает большие глаза:

— Оплачиваемый труд в будущем обществе, повышение личного благосостояния? Спорт—не физкультура, а зрелище? Ну, знаете?..

2

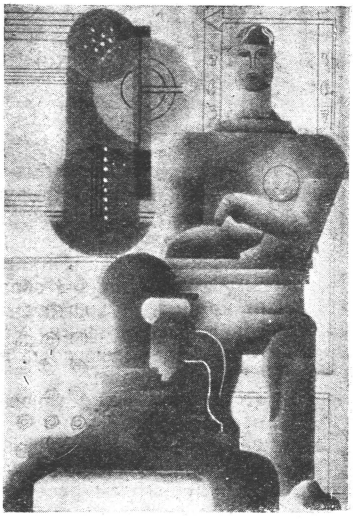


3



4

УТОПИЯ



5

Последнее испытание. Еще две цитаты:

7. Государственность.

«Индустриальная и коммерческая «Лига Наций» запрещает государствам всякие войны, кроме как за свое существование: мечи будут перекованы в карбюраторы».

8. Война.

«Когда будет достигнута возможность управления механизмами по радио, целые армии танков будут бороздить землю».

Теперь читателю ясно, что он ошибся.

Речь идет не о новом романе «Борьбы Миров».

На Западе вышла книга под довольно обыкновенным названием «Мир в 2030 году». Это не роман и не фантастика беллетристического порядка—таких выходят десятки в год. «Мир в 2030 году» написан очень серьезным человеком, который пользуется большой известностью не только у себя на родине.

Нет, это не Уэльс. Больше того, это не писатель-профессионал. Перо в его руках в свое время служило совсем не для услаждения скучных вечеров тоскующих мисс. Это политический деятель, довольно популярный в СССР. Нет, и не Чемберлен. И не Болдуин. И не Ллойд-Джорд. Хуже.

Эту книгу написал твердолобейший из консерваторов, лорд Биркенхэд. Тот самый, непримиримейший враг СССР. Угнетатель Индии, достаточный преемник Керзона.

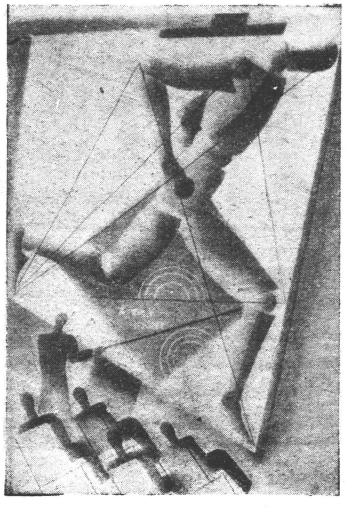
Этот враг будущего пишет о будущем. И в каких тонах! Твердолобый сдает позиции: да, трудящиеся будут хорошо обеспечены и даже будут жить в комфорте. Разве это не достижение для твердолобого? Министр не у дел решил помечтать и попутно сделать глазки рабочей партии. В этом отношении он своей цели достиг. Издателю удалось раздобыть от самого Макдональда благоприятный отзыв о книге лорда.

— Ну, ладно, — скажет читатель, — а почему сие важно в-третьих? Зачем нам нужно знать, что твердолобый написал какую-то книгу с определенно капиталистической тенденцией? Мало ли подобной дребедени выходит на Западе? К чему мне, читателю «Борьбы Миров», знать об этом?

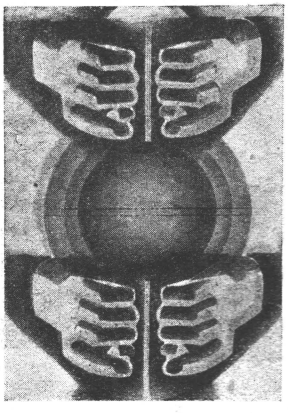
Во-первых, знать, что пишут даже твои враги, всегда полезно.

А во-вторых, да, в конце-концов, ты оказался прав, читатель: в «Борьбе Миров» будет печататься новый фантастический социальный роман.

Название его будет об'явлено позже. Но в одном будь уверен, читатель, — что автор его не лорд Биркенхэд.

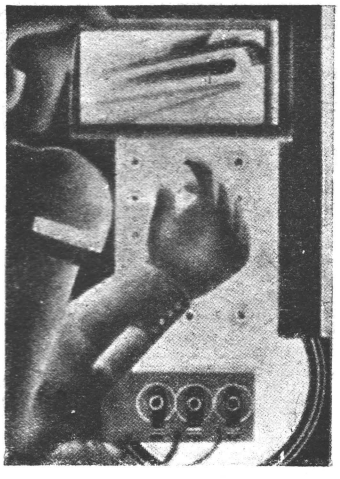


6



7

8



ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Наш глаз видит вещь иначе, чем фото-глаз, который регистрирует точный факт. В иностранных журналах часто встречаются «загадочные» снимки, серию которых мы здесь приводим. Здесь использованы, главным образом, с'емки детали крупным масштабом и с'емка в необычайном положении. Эти фото-трюки показывают интересные возможности кино-глаза.

В отделе «Что это такое» мы даем ряд необычайных снимков обыкновенных вещей. Это не загадки; это лишь забавные примеры применения фотографии. В будущем мы рассчитываем продлить этот отдел, постепенно переходя от фото-трюка к показу фото-мысли.

Читатели-фотографы, будьте изобретательны, попробуйте снимать обыкновенные вещи необыкновенным образом и присылайте снимки в редакцию. Всякой фото-выдумке, всякой фото-мысли найдется место в отделе «Что это такое» или «Как это сделано».

Лестница, снятая снизу.

ПОПРОБУЙ САМ СНЯТЬ ТАК

Стопка тарелок.

Гусеница.

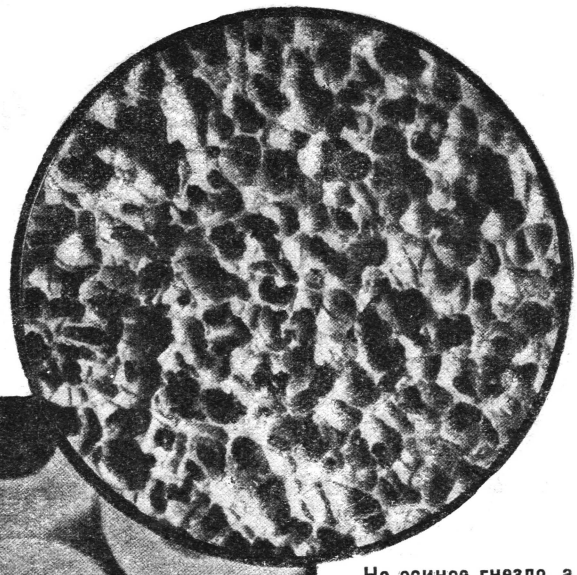
Это не макароны, а
паутина нитон «звездочкой».

СНИМАЯ, БУДЬ ОРИГИНАЛЕН

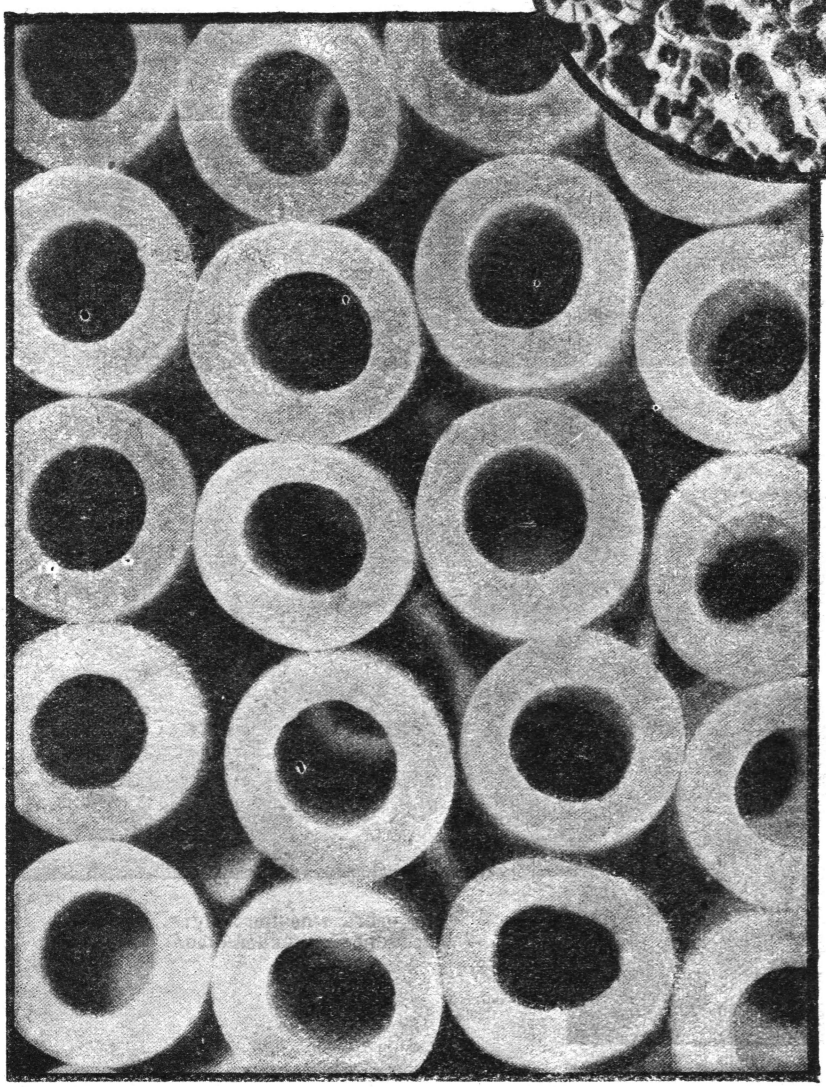
Не часть млечного пути, а
кольца (увеличенная) в 100 раз.

Карандаш.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?



Не осиное гнездо, а резиновая губка.



Не пушки, а макароны.

ПРИСЫЛАЙТЕ СВОИ РАБОТЫ ДЛЯ ОТДЕЛА «ЧТО ЭТО ТАКОЕ?»

НА ШТУРМ ЭВЕРЕСТА

8 июня

БЫЛО еще темно, когда Одель проснулся в своем спальном мешке. Необыкновенно ярко горели звезды на сапфировом ясном небе.

Одель взглянул на часы — до рассвета было близко.

Он решил встать, зная по опыту, как много времени отнимают самые простые операции, как трудно одеться, натянуть сапоги, вскипятить чай, приготовить завтрак на такой высоте.

Эти несложные действия заняли больше двух часов. Утро хмурилось, вершина горы закуталась в облака и туманы.

Вдруг туман начал светиться, стал тонким и золотистым: это лучи поднимавшегося солнца осветили его сверху.

«Может быть, самая вершина уже очистилась от тумана, — подумал Одель. — Теперь они, вероятно, вышли из лагеря».

Одель плотно набил провизией свой дорожный мешок. «Пусть подкрепятся после возвращения с вершины. — Он вспомнил о молотке, необходимом атрибуте каждого геолога. — Может быть, геология отвлечет от назойливых мыслей».

Он взвалил за плечи мешок, захватил молоток и вышел из лагеря. Не спеша поднимался он по склону, часто останавливался рассмотреть интересный пласт, отколоть кусочек породы. К двенадцати часам дня он был на полдороге между лагерями V и VI. Вдруг пелена тумана, закрывавшая вершину, разорвалась пополам, будто раздвинулся театральный занавес.

Одель остановился, пристально всмотрелся в даль. По снежному склону медленно двигалась крошечная черная фигурка, за ней немного ниже ползла такая же другая.

«Странно, почему они так недалеко от лагеря, — подумал Одель, — значит, они вышли гораздо позже, чем предполагали. Вероятно, что-нибудь случилось с аппаратами».

И впервые в сердце закралось беспокойство.

Фигурки подползали к еле заметному выступу. Должно быть в действительности это был высокий крутой утес. Шедший первым начал взбираться вверх. Одель напряженно следил за всеми движениями.

В это время плотная пелена тумана спустилась медленно, зловеще, как занавес в конце драмы, и скрыла всю сцену от глаз единственного зрителя. Одель машинально взглянул на часы. Они показывали двенадцать часов пятьдесят минут.

Туман не рассеивался. Одель тронулся дальше. Он старался вернуться мыслями к геологии.

«Итак, совершенно ясно, что вершина Эвереста сложена пластами осадочных пород, когда-то отложившихся на дне моря...».

Но перед глазами неотступно стояли две черные фигурки, исчезнувшие за плотной серой завесой.

Около двух часов дня Одель подходил к лагерю. Он пришел во-время: поднимался ветер, пошел густой снег. Единственным убежищем была одна маленькая палатка, носившая громкое название лагеря VI.

Палатка имела совсем жилой вид. Остатки пищи, одеяла, два спальных мешка, цилиндры с кислородом, запасные части аппаратов — все это оставили в ней люди, покинувшие лагерь; казалось, они только что вышли, вот-вот вернутся.

Почему же так поздно вышли из лагеря Ирвин и Маллори? Одель не нашел ответа на этот мучивший его вопрос — альпинисты не оставили ни письма, ни записки.

Ветер не утихал, все гуще падал снег.

Время шло, альпинисты не возвращались. Возникла новая беспокойная мысль:

«Может быть, они заблудились на обратном пути. Сверху трудно рассмотреть палатку, прилепившуюся к скале».

Одель не раздумывал, не колебался. Несмотря на снег, на ветер, он решительно вышел из лагеря. Гора встретила его снежным вихрем. Но он упорно шел вперед все дальше.

Так прошел он метров шестьдесят, дошел до какой-то скалы. Под ее защитой не так пронизывал ветер, не так слепил мокрый снег.

Одель остановился, крепко утвердился на обеих ногах, прислонившись спиной к холодной скале, приложил руки рупором к губам. Он громко звал товарищей, свистел, пел, стараясь перекричать ветер и вьюгу. Но ответа не было.

Он вспомнил, что ничего не ел с самого утра, закусил наскоро, стараясь не обделить товарищей: «Они проголодаются после долгого трудного пути», и в четыре часа тридцать пять минут он вышел из лагеря.

Он спускался медленно, останавливался, снова и снова стараясь рассмотреть что-нибудь на снежной пелене, одевавшей белой сверкающей мантией плечи Матери земли. Он не увидел ничего и никого.

В шесть часов он подходил к лагерю V.

Вспоминалась последняя записка Маллори; Одель решил исполнить его просьбу и пройти прямо в лагерь IV.

Там с расспросами, с горячим супом и чаем встретил Хазард.

После ужина оба альпиниста вышли из лагеря. На ясном звездном небе всходил месяц. Глубокие синие тени легли по скло-

ну горы, рассмотреть что-либо было действительно трудно.

— Подождем до завтра, — произнес, наконец, Одель. — Если они запоздали, задержались на вершине, они найдут дорогу до лагеря и ночью: луна светит ярко.

И они возвратились в лагерь IV.

9 июня

С мрачными предчувствиями проснулся рано утром Хазард. Одель уже не спал. Снова вышли из лагеря, снова долго и напрасно рассматривали в бинокль весь склон Эвереста от вершины до лагеря VI. Беспокойство росло.

— Я опять отправлюсь наверх! — решительно сказал Одель.

Хазард не возражал:

— Возьмите хотя бы двух носильщиков — они могут пригодиться. И дайте мне сверху знать, как обстоит там дело. Ночью сигналы можно подавать фонарем, днем — раскладывать условленным образом спальные мешки: они четко выделяются на белом снегу.

Выработали несколько простых сигналов. Мешки, расположенные в виде буквы Т, были самым мрачным, самым безнадежным, обозначающим смерть.

В двенадцать часов пятнадцать минут Одель и носильщики вышли из лагеря. Опять поднялся резкий восточный ветер. Носильщики шли неохотно, спотыкались, отставали. Только в третьем часу дошли до лагеря V. Пришлось там остановиться на ночь. Оделю было ясно, что его спутники дальше не пойдут.

День прошел без перемен и не принес никаких известий. С самыми мрачными мыслями ложился спать Одель. Ветер выл и грозил сорвать, унести в пропасть маленькие палатки. Два спальных мешка не спасали от холода. Одель попробовал лечь, не раздеваясь, — не помогло и это.

10 июня

Ветер, холод, тревожные мысли — утром все было попрежнему.

Одель встал на рассвете, попытался поднять носильщиков; попытка была безуспешной. Измученные, они стонали, жаловались на головную боль, просили отпустить их обратно. Одель разрешил им вернуться — другого выхода не было — сам же упрямо пошел дальше.

На этот раз он вышел с кислородом — в лагере V оставался запасный аппарат. Он надеялся, что меньше устанет, скорее достигнет цели. Он никогда не доверял кислороду и теперь с первых же шагов понял, что был прав. Он не чувствовал никакого облегчения.

Неудобный аппарат давил плечи, мешал итти. Одель с трудом подвигался вперед.

«Может быть, я вдыхаю слишком мало газа», мелькнула мысль.

Он попробовал дышать реже и глубже — легче не стало. Тогда он совсем вынул изо рта надоевшую трубку с газом и с бесполезным аппаратом за плечами (бросить его было жаль) добрел, наконец, до лагеря VI.

В лагере царила мертвая тишина. Все оставалось нетронутым на прежних местах. Подтвердились самые мрачные подозрения: альпинисты не вернулись. Оделю ясно представились две черные фигурки, упорно пробиравшиеся к вершине.

Он понял, что в тот момент видел Маллори и Ирвина в последний раз. Провести две ночи на горе без спальных мешков, без палатки невозможно: альпинисты погибли, больше не могло быть никаких сомнений.

И все-таки какая-то смутная надежда заставила Оделя пойти дальше. Оставив в лагере ненужный аппарат, несколько часов боролся он с назойливым пронизывающим ветром. Ветер вздымал тучи мелкого колющего снега, дул прямо в лицо, и в конце-концов гора заставила человека повернуть обратно.

Лагерь VI, куда снова вернулся Одель, был защищен скалой, там было немного тише. Одель вытащил из палатки спальные мешки. Ветер все не давал покоя, вырывал мешки из рук, не позволял расстелить их на снегу. Но человек был упрямее ветра — на этот раз он добился своего. Темные мешки четко выделялись на белом фоне: один был расстелен вдоль снежного склона, другой лежал поперек сверху. И Хазард, пристально смотревший снизу с Чанг-Ла, увидел этот сигнал, похожий на букву Т и означавший смерть.

Это одна из глав книги А. Венедиктова «Тайна Эвереста», вышедшей в издании «Молодой Гвардии». Книга написана в беллетристической форме и дает интересный материал об одной из попыток постичь тайну высочайшей горы в мире.

ЛУ-ЛАН, МЕРТВЫЙ ГОРОД

ОПИСАНИЕ Лу-Лана и открытий, которые мне посчастливилось там сделать, заняло бы целую книгу, но я могу посвятить моему древнему городу и пустыне лишь несколько страниц. По возвращении на родину я передал все манускрипты и другие реликвии ученому Карлу Химли, который сделал доклад о них, утверждая, что город назывался Лу-Лан и что он процветал в третьем веке до нашей эры.

Наиболее древний документ — это часть исторического труда Чжан Кио-тзи; относится он ко временам династии Хань (25—220 гг. нашей эры). Китайцы открыли производство бумаги в 105 г. нашей эры. Документ, о котором сказано выше, был написан между 150 и 200 гг. нашей эры и, таким образом, является древнейшим документом в мире, составленным, по крайней мере, за 700 лет до рукописи, которую в Европе считали древнейшей.

Все другие документы на бумаге и дереве относятся к 270 г. нашей эры. Многие из этих датированы, и, следовательно, возраст их можно определить до одного дня. Они раскрывают официальный и эпистолярный стиль в Китае по вопросам административным, коммерческим, продовольственным, земледельческим, военным, политическим и историческим и дают ясную картину жизни в Лу-Лане 1650 лет назад.

Письма на бумаге были вложены между двумя деревянными дощечками, скрепленными между собой, с обозначением, например, «Письмо запечатано Ма-Ли».

Письма, доклады, сообщения, расписки военной администрации, продовольственного бюро и почты были написаны на дереве. Такие же деревянные дощечки употреблялись, как символы, официальной властью. Находка двух тонких кисточек свидетельствовала, что в Китае они употреблялись уже во втором веке до нашей эры.

Документы и найденные предметы указывают, что лу-ланское правительство имело свои товарные склады, что там были гостиницы, госпиталь, почтовое здание, храм, частные здания, хижины, где жила беднота, которые так же исчезли, как исчезнут современные хижины в стране Лоп.

Отчеты об импорте, особенно китайского шелка для местного потребления, свидетельствуют, что население было велико. В лучших домах грубые деревянные полы были покрыты камышевыми цыновками, на которых лежали ценнейшие тканые ковры Большие глиняные кувшины с водой для домашнего хозяйства стояли во дворе. Чаши и блюда украшались изображениями голов типа индоперсидских львов, а также и стекло из Сирии, ближайшей страны, которая в то время славилась его производством.

Образованные классы создали славные произведения литературы. По словам Конради, в Лу-Лане процветала смешанная варварско-китайско-интернациональная культура современного типа: город этот был пограничной цитаделью, воротами или баррикадой для древних дорог в сердце Азии, главным образом, для великой дороги между Китаем на востоке и Персией, Индией, Сирией и Римом на западе. Туда стекались путешественники издалека и из окрестных мест. Крестьяне свозили свою продукцию сюда, а правительство скупало ее. Солдаты получали жалованье зерном и покупали здесь на базарах войлок для зимней одежды. Временами город бывал перенаселен, и гостиницы переполнены.

Есть доказательство существования в Лу-Лане классовых противоречий. Документы говорят о бунтах, военных экспедициях и боях. Китайское владычество стало колебаться. Узел вокруг Лу-Лана стал стягиваться все туже и туже. «Вой совы», как называется в одном из писем военный клич, доносился ближе и ближе. Ослабленный внутрипартийной боьбой, Китай подпал под иго варваров, распался на части и затем управлялся своими победителями в течение столетий.

Лу-Лан пал в начале IV столетия, знаменуя падение всего Китая. Малые руины его, таким образом, являются памятником катастрофы.

Но власти не отступали от своего долга по отношению к государству, несмотря на нависшую над городом угрозу. Каждый делал свое дело. Когда барабаны призывали к оружию и зажигались огни на башнях, чиновники оставались на своих местах, продолжая писать доклады, как если бы ничего не произошло. Они посылали новогодние поздравления и выражение соболезнования друзьям, не поддавались надвигавшейся опасности. Мы читали с удивлением и волнением о силе характера и мужестве, с которыми китайцы выполнили свой долг, и мы понимаем, как этот замечательный народ удержал контроль над Азией в своих руках.

Это не фантазия, не миф! Это голая правда! Это рассказали нам письма, пролежавшие 1650 лет под землей. Они были напи-

саны людьми, жившими когда-то на земле, чьи горести и радости стали, наконец, достоянием истории.

Когда Марко Поло путешествовал по Азии в 1274 г., мертвый город лежал уже тысячелетие забытым и неизвестным в пустыне. И после путешествия этого венецианца прошло 650 лет, прежде чем дух его был вызван к жизни и древние письма пролили новый свет на былые дни и таинственные человеческие судьбы.

О мертвом городе Лу-Лане, о путешествии в сердце Азии, о двух попытках проникнуть в недоступный для белых путешественников Тибет, о походе через неисследованные земли в Индию повествует книга Свен Гедина «Моя жизнь в путешествиях», недавно вышедшая в издании «Молодой Гвардии».

КСТАТИ

ДЛЯ СЛЕДУЮЩЕЙ (августовской) КНИЖКИ

НАМЕЧЕНЫ К ПЕЧАТИ:

УДАРНИКИ — рассказ *А. ТАРПАНА*

ДОЛОЙ ФАБКОМ! — рассказ *Л. РУБИНШТЕЙНА*

МОКРЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК — окончание романа *ТЕОДОРА ПЛИВИЕРА*

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК — рассказ *Г. САУТАМ*

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ — отчет *Ж. ЛЕССЕЛЯ*

ЗАТЕРЯННЫЙ В ОКЕАНЕ — юмористический рассказ *С. ПИКОКА*

ЗЕЛЕНОЕ ЗОЛОТО — очерк *П. ЛОПАТИНА*

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

и др.

ВОЗОБНОВИЛ ЛИ ТЫ ПОДПИСКУ

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

НА ЖУРНАЛ

Борьба Миров

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

„ГОНЕЦ"

по торгово-посылочным и посредническим операциям

состоящее при Наркомторге РСФСР в системе

„ГОНЕЦ"

БИБЛИОТЕКА КОМСОМОЛЬЦА-АКТИВИСТА

40 книг, заключающих ответы на все вопросы комсомольского движения и характеризующих современные задачи комсомола в городе и деревне.

Цена биб-ки **6** р. **70** к.

ЗА ПЕРЕДЕЛКУ БЫТА

Библиотечка из 23 книг, рисующих в легкой полубытописательной форме обломки старого быта в современности (мещанство, обывательщина, алкоголизм, комчванство и т. д.) и ростки новых форм быта и человеческих отношений. **Цена 8 р.**

НОВОЕ В НАУКЕ

Библиотечка из 15 книг, заключающих обзоры новых достижений физики, химии, биологии, геологии, медицины, астрономии и др. наук. Книги написаны популярным языком и составлены крупными научными работниками.

Цена библиотечки 7 р.

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

21 книга для детей старшего возраста.

ТЕМЫ КНИГ:

Пятилетка, путешествия, приключения, песни, жизнь зверей, биографии знаменитых людей и др.

Цена библиотечки 10 р. 45 к.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

изучайте по самоучителю ШМЕЛЕВА, составленному по методу МЕРТНЕРА, не треб. заучивания слов и правил. Допущен ГУСом. Курс 1-й (для начинающ.)—**2** р. **50** к. Курс **2**-й (для продолжающих) —2 р. **50** к.

1000 АНГЛИЙСКИХ СЛОВ, дающих начальное знание языка, изучайте по самоучителю Вл. ДИЗЕ. Цена р. **50** к.

МОТОЦИКЛ И ОБРАЩЕНИЕ С НИМ Что нужно знать мотоциклисту Инж. **ШУРИХТ**. Цена 1 р. **50** к.

Все нужные вам книги выпи ывайте через „ГОНЕЦ". Высылаются налож. платеж. Приславшие деньги вперед за пересылку не платят. ДЕНЬГИ и ЗАКАЗЫ АДРЕСУЙТЕ: **Москва, „ГОНЕЦ", Мясницкая, 24/88.**

ЧТО ЧИТАТЬ?
КАК РАБОТАТЬ С КНИГОЙ, ЖУРНАЛОМ, ГАЗЕТОЙ?
КАКИЕ КНИГИ НУЖНО ПРОЧЕСТЬ?
ЧТО ГОВОРЯТ И ПИШУТ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НАШИ ПИСАТЕЛИ?
КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРОЧИТАННОЕ?

На все эти вопросы ты найдешь исчерпывающий ответ в новом ежемесячном инструктивно-библиографическом журнале молодежи

КНИГА МОЛОДЕЖИ

Выходит с 1 июля 1930 года.

ЖУРНАЛ НУЖЕН КАЖДОМУ КОМСОМОЛЬЦУ, ВСЕЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Цене отд. номера 30 к. Про ается везде.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 6 месяцев —1 р. 45 к. на 3 месяц — 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, Центр Б. Черкасск. п. 6 изд-во „Молодая Гвардия"; во всех отделениях изд-ва повсеместно на почте и у всех письмоносцев.

Подписчики, подписавшиеся в первом полугодии, получат в течение 2-го полугодия 12 номеров за весь 1930 г.

ЗАОЧНЫЕ ФОТО-КИНО КУРСЫ

ОДСК

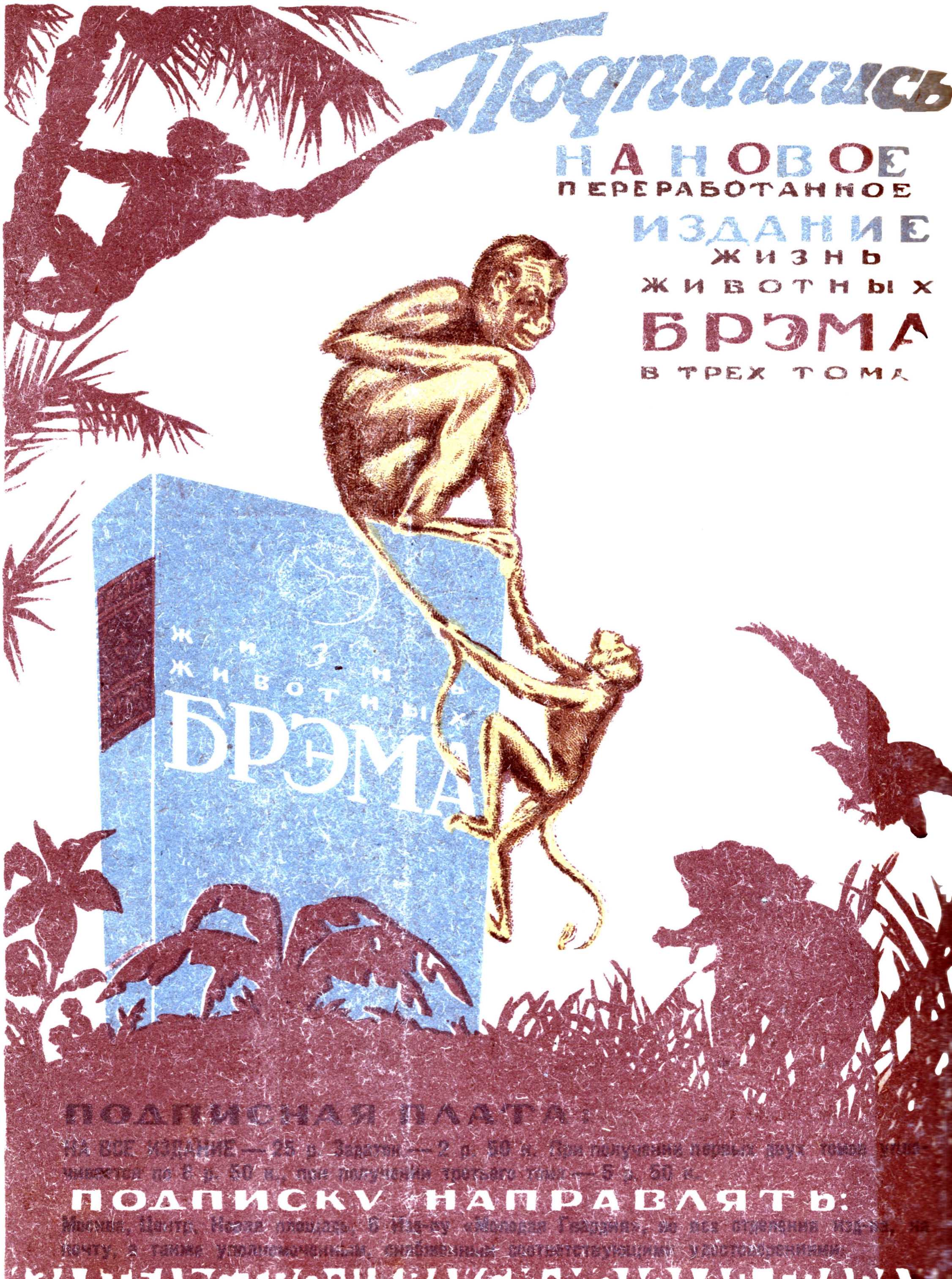
Общество Друзей Советской Кинематографии

Прием слушателей в течение всего года беспрерывно по отделениям:

ФОТО-ОТДЕЛЕНИЕ	КИНО-МЕХАНИКОВ ПЕРЕДВИЖНИКОВ	КИНО-МЕХАНИКОВ СТАЦИОНАРНИКОВ
Срок обуч 8 м	Срок обуч. 6 м.	Срок обуч. 8 м.
Стоимость **15** р.	Стоимость **15** р.	Стоимость **18** р.

ОБ ОТКРЫТИИ **СЦЕНАРНОГО** ОТДЕЛЕНИЯ БУДЕТ ОБ'ЯВЛЕНО ОСОБО.

Подробные сведения даны в проспекте, который высылается по первому требованию за 10 коп. марку. Все запросы и деньги нужно посылать по адресу: Москва, 9, Страстной бульвар, 2/42. Отдел заочных курсов



Подпишись
НА НОВОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
ИЗДАНИЕ
ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ
БРЭМА
В ТРЕХ ТОМА
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ БРЭМА
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
НА ВСЕ ИЗДАНИЕ — 25 р. Задаток — 2 р. 50 к. При получении первых двух томов уплачивается по 8 р. 50 к., при получении третьего тома — 5 р. 50 к.
ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:
Москва, Центр, Новая площадь, 6 Изд-ву «Молодая Гвардия», во все отделения Изд-ва, на почту, а также уполномоченным, снабженным соответствующими удостоверениями.
ИЗДАТЕЛЬСТВО·ЦКВЛКСМ·МОЛОДАЯ ГВАРДИ